

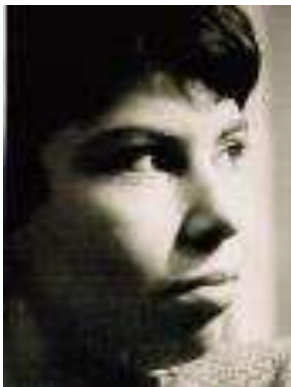
(((СОНАР)))

№ 9, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

В редколлегии (((СОНАР))) все редакторы главные.

Марина Симкина

Эйтан Адам

Борис Годин

Анатолий Анимица

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Эл. адрес редакции: rougelangue@gmail.com .

Номера журнала: https://bit.ly/SONAR_JOURNAL (*case sensitive*).

Оглавление

Эйтан Адам. Главы из романа «Апостолы державы дураков» ..3	
Глава 1.3 Март–август 1974.....3	
Глава 2.5 Март–август 1968.....21	
Ирина Лир. Тетраэдр.....33	
Грань первая. Старый конь борозды... ..33	
Грань вторая. Музей46	
Любовь Ратман. Стихи.....65	
Дмитрий Коломенский. Стихи.....86	
Михаил Язмир100	
Над пропастью100	
Лошадь понесла104	
София Шегель107	
Место под солнцем107	
Под фонарем112	
Михаил Зосименко. <i>Таéлет</i> – тропа здоровья.....127	
Лариса Мангупли134	
Между прошлым и будущим.....134	
Караимы – последние жители Мангупа137	
Евгений Бухштаб. «Авраам-авину» Бенциона Тавгера.....142	
Эйтан Адам. Менахем Бегин (1913–1992) – человек и легенда145	

Об авторах, художниках и редакторах	173
Галерея (((СОНАР)))	178
Фрида Шутман	178

В оформлении обложки использованы картины Фриды Шутман.

На 1-й странице: Эйлат, подводная обсерватория. Бумага, сухая пастель. 2018 год.

На 3-й странице: Автопортрет в стиле ретро. Бумага, сухая пастель. 2015 год.

На 4-й странице: Тель Авив Яффо. Бумага, сухая пастель. 2015 год.

Эйтан Адам

Главы из романа «Апостолы державы дураков»

Перед нами... что? Исторический роман? Шпионский детектив? Военная проза? Актуалия? Размышления?

На все эти вопросы можно дать положительные ответы.

Роман начинается с рождения главного героя в 1942 году и заканчивается в августе 2022 года – целая эпопея. Эпопея главного героя и его семьи, эпопея честных, умных, активных людей, желавших служить добру и оказавшихся на службе зла.

Эпопея географическая. Армения, Грузия, Россия, Чехословакия, Ливан, Израиль, США, Новая Зеландия, Сирия и, наконец, Украина! Да-да, Украина, автор не мог не откликнуться на эту войну, не мог остаться посторонним свидетелем!

Проблема человеческого выбора – выбора, как остаться человеком в самых неподходящих обстоятельствах.

И все это (надеюсь!) хорошим, легко читающимся языком. В лучших традициях русской прозы, которую (как и поэзию) автор с удовольствием цитирует. И с острым детективным сюжетом.

Глава 1.3

Март–август 1974

– Очки! У кого очки – привязать сзади! Шнурком, лучше резинкой
– Часы! Либо снять, либо прикрыть! Ничто не должно блестеть или звенеть.

– Кольца-перстни! Вы не на танцуйках! Снять!

– Командир, это обручальное...

– Ты это сирийскому снайперу объяснять будешь? Снять!

– Носки! Вам выданы армейские носки.

Грубой шерсти, серые, толстые.

– Никому не советую носить другие, более тонкие носки. Вы в моей правоте еще убедитесь. Ботинки.

Высокие, черные, со шнуровкой.

– Вот, видите, как у меня зашнурованы? Одним длинным шнурком, вот так. Еще раз показываю, вот так. И никак иначе!

– А почему, командир?

– А потому! Если у тебя травма или ранение, то такую шнуровку можно разрезать одним движением ножа или бритвы. И не возиться. Верхний конец шнурка под резинку.

– Под какую?

– Под которую *дагмахи*¹ подворачиваем. Вот так. Вот вам резинки, все подвернули *дагмахи*. Ботинки носим – только так.

– Командир. А зачем резинки?

– Хочешь пригласить скорпиона в собственные штаны? И запомните: ботинки чистим каждое утро, до блеска. Уравнение простое: ты бережешь свой ботинок, а ботинок бережет твою ногу. Понятно?

– Да.

– Я спросил: понятно?

– (Хором) Да, командир!

– Эй, ты! Ты «румын»?

– Я еврей!

– В смысле, ты из Румынии?

– Из России.

– Так вот, здесь не Румыния и не Россия. Верхнюю пуговицу у рубашки расстегни. Вот, как я. Дышать будет легче. Кстати, вам выдано по 3 комплекта полевой формы. Рекомендую регулярно сдавать в стирку. Очень просто: пришел на склад, сдал грязное, по своему размеру получил чистое. Плюс у каждого есть свитер и куртка. И каскетка. Которая всегда на голове, если на ней нет каски. Свитера и куртки на учениях вам почти не понадобятся, честное слово.

– Так. Достать документы. Обычное удостоверение – убрать к личным вещам. Жетон – на цепочку на шею. Но он блестит. И цепочка блестит. На цепочку надеть шнурок, жетон замотать изолентой. Теперь –

¹ Брюки с нашитыми внешними карманами.

карточка военнопленного...

– Что?

– Вот эта картонка с французским заголовком – карточка военнопленного. Обернуть в полиэтилен, всегда держать в кармане.

– Вот ваш барак. Еще иорданский.

Довольно ровный бетонный пол, бетонные стены, небольшие окна, 1 дверь.

– Туалеты и душевые – вон там.

Душевые? Впрочем, в памятке для новобранца среди прочего было написано взять с собой резиновые шлепанцы для душа.

– Заносим койки. Вот так и так. Закрепляем в 2 этажа.

Стальные складные койки, которые можно как бы вставить одну в другую.

– Матрасы. По койкам

Поролоновые матрасы, раскладываем.

– Одеяла. Одним одеялом покрываем матрас, другими укрываемся ночью. Но днем они должны быть сложены. Марш на улицу, учимся складывать одеяла.

Целая наука, складывать можно только вдвоем.

– Командир. А зачем такие сложности?

– Посмотри на результат. Ни скорпиону, ни змее не залезть внутрь.

– Пояс. Лямки. Фляги. Подсумки для магазинов. Подсумки для гранат. У каждого: 2 фляги в подсумках, 4 подсумка для магазинов, 1 подсумок для гранат.

Подгоняем пояс. Закрепляем крючками. Теперь: фляги назад. Закрепляем крючками. Подсумки для магазинов: 2 слева, 2 справа. Закрепляем крючками. Подсумок для гранат: слева, получается совсем спереди. Закрепляем крючками. И только теперь пристегиваем лямки. И подгоняем.

– Маленький рюкзак. Подогнать лямки. Большой рюкзак. Подогнать лямки. А теперь оквадратить. Неясно? Берем куски картона,

вставляем в рюкзаки, чтоб все стенки были плоскими и углы прямыми.

Складная лопатка. Пристегиваем к маленькому рюкзаку.

– *Местинг.*

2 прямоугольных котелка, один больше, другой меньше. Складные рукоятки. Пластмассовая кружка. На рукоятке большого котелка – кружок для кружки. Ложка, у ложки скоба, куда можно вставить вилку и нож.

– Нож-ложку-вилку и кружку – в маленький котелок. Сложить рукоятку, вложить в большой котелок. Сложить рукоятку. В большой рюкзак.

– Полпалатки. Складываем. 1 разборная стойка. Складываем. 4 колышка. Все – в большой рюкзак.

– Сумка химзащиты. Крепится на левом бедре, вот так, клапанами вперед. Подогнать ремни.

Противогаз. Фильтр к нему. Противохимическая накидка. Перчатки. 2 автоматических шприца. Дезактивирующий порошок.

– Каска. Стальная. Из 2 частей: внешней и внутренней. Подгоняем внутренние ремешки, чтоб не давило на голову. Закрепляем ремешок с подбородником. Подгоняем. Видите, как удобно?

Теперь маскировочную сеть на каску. Видите, сбоку шнурок, у него пластмассовые пластинки? Проходят через ячею, можно шнуровать. Работаем.

– Видите? Из-за формы каски сеть прилегает не везде. Можно за что-нибудь зацепиться. Надеваем резинки, подгоняем.

Вам нравится? Да? А мне нет. Сеть слишком светлая, ночью будет заметно. Ваксой ее!

– *Нацнац!* Вот этот маленький тусклый фонарик называется *нацнац*. Закрепляем на каске. Это вроде габаритных огней на машине. Но у нас ночная дисциплина, ничего не должно светить. Но бывает, что надо.

Тогда включаем. Только когда надо. Поэтому обычным порядком батарейку вставляем наоборот! Чтобы даже случайно не включилась.

– Все остальное в вещмешке. Но он не непромокаемый. Значит: все что внутри – онейлонить. Непонятно? Все должно быть в полиэтиленовых пакетах.

– Фляги. Литровые. Налить доверху. Так чтоб не булькало. Магазины. 3 наполнить, остальные пустые. По 2 магазина на подсумок.

Гранаты вам пока не положены. Их тоже будет 2 в подсумке.

– Так. Теперь все раскладываем на койке. Вот в таком порядке. Каждый стоит у своей койки.

Обходят, проверяют, кое у кого поправляют.

– На первый раз сойдет. А теперь – снаружи в 3 шеренги! 30 секунд...

– Не уложились! Внутри каждый у своей койки – 30 секунд...

– Не уложились! Снаружи в 3 шеренги – 30 секунд...

– Так, допустим. Войти и вернуться назад в 3 шеренги в полном боевом – 30 секунд...

– Войти, положить все на койки и назад – 30 секунд...

– Войти и выйти в полном боевом...

– Войти и выйти...

– Так, ладно. Выделяем одного караульного. Запомните: мы бедная армия. Поэтому заповедь «не укради» у нас не работает. Поэтому никогда не оставляем барак без караульного, ночью двое. Начнем с Абрамовича. Остальные – в 3 шеренги в полном боевом, – 30 секунд!..

– Так. Каски снять, подвесить к поясу. А теперь – марш-бросок. Не отставать, держать строй! Пить только по приказу – водная дисциплина. Ни слова трепа – ночная дисциплина. Ты – будешь связистом.

– Я не умею...

– Зато я умею! Рацию на спину, и от меня не отставать! Где я, там и ты! Услышишь какие-то позывные – ко мне!

Рывок был неплохой. Полубегом, полубыстрым шагом отмахали 3 километра.

– Стой. В 3 шеренги. Распиваем по 1 фляге на 3. Досуха. Фляга должна быть или наглухо полной, или пустой. Чтоб не булькало.

И 3 километра обратно.

– А теперь – каждый снова подгоняет себе ремни! Теперь-то вы их знаете.

Да уж.

– Да, с такими бойцами у нас многообещающее будущее. Ладно, надеюсь, хоть чистоту вы наводить умеете. Вынести все из барака. Снаряжение, койки – все!

– Мыть барак! Чтоб с пола можно было есть!

– Драить койки! Заносить по одной, мы каждую проверим.

– Выбить пыль из матрасов! Заносить по одному...

– Выбить пыль из одеял! Не складывать, пока не проверим...

– Пояса, фляги, магазины...

– Каски. *Нацнацы*. Открыть, показать батарейку.

– Большие рюкзаки. Предъявить чистые палатки. Чистые *местинги*. Чистые приборы.

– Маленькие рюкзаки.

– Сумки химзащиты.

– Вещмешки! Внутри все онейлонили?

– Все! Открыть?

– Не надо.

Вещмешок окатывают водой из шланга.

– Вот теперь открывай.

Мы легли в 1:00. Я вырубился мгновенно и тут же был разбужен – в 5:00.

* * *

С утра – пробежка. Потом всякая чистка и наведение порядка. Завтрак – жрем как после многодневного поста. Хотя я прикинул – грех жаловаться, калорий достаточно, витаминов тоже, и качество неплохое.

– Сегодня вечером принесете присягу. Но до присяги вам предстоит научиться бегать с носилками. Делаем так...

Надеюсь, тому, кто это изобрел, в аду приготовили особую сковородку.

Казалось бы – носилки. На них лежит солдат – якобы раненный. Общий вес вряд ли превышает 100 килограмм. И это на четверых, вполне терпимый груз.

Дело в том, что носилки кладутся на плечи. Это не столько тяжело, сколько больно! Просто больно! И – бегом!

Правда, учат подменять друг друга на бегу. По 8 на носилки – 4 бегут с носилками, 4 бегут рядом – отдыхают. Представляете, что это такое, если бег без носилок в полном боевом является отдыхом!

Но следует отдать должное нашим командирам – они умеют организовать расслабление после физической нагрузки.

Потом репетиции. И вечером – построение.

Речь командира базы. Речь военного раввина. Зачитывают текст присяги и вызывают:

– Виктор Абрамович!

– Я присягаю!

- Жан Битон!
- Я присягаю!
- Джордж Гольдберг!
- Я присягаю!
- Сильвиу Давидович!
- Я присягаю!
- Генри Хофштейн!
- Я присягаю!
- Владимир Вальдман!
- Я присягаю!

Бегом вперед. Отдать честь. Получить автомат. Получить Танах.

Вернуться в строй.

- Борис Заславский!
- Я присягаю!
- Пьер Хасон!
- Я присягаю!
- Альберт Тартаковский!
- Я присягаю!
- Андрей Ярусский!
- Я присягаю!
- Алекс Коэн!
- Я присягаю!
- Эмиль Коэн!
- Я присягаю!
- Леон Левин!
- Я присягаю!
- Давид Мбскович!
- Я присягаю!
- Вадим Михельсон!
- Я присягаю!
- Владимир Невельский!
- Я присягаю!
- Джон Нисензон!
- Я присягаю!

- Евгений Садовский!
- Я присягаю!
- Мишель Эзра!
- Я присягаю!
- Питер Польский!
- Я присягаю!
- Джек Фишман!
- Я присягаю!
- Яков Цадиков!
- Я присягаю!
- Антуан Черно!
- Я присягаю!
- Хулио Кальдерон!
- Я присягаю!
- Антон Рифман!
- Я присягаю!
- Давид Шашуашвили!
- Я присягаю!
- Алекс Сасонов!
- Я присягаю!
- Жак Там!
- Я присягаю!

Поем государственный гимн.

– Помните. Это ваше оружие, оружие, врученное вам народом Израиля. И оно должно остаться чистым. Беспорочным. Оно предназначено только для борьбы с врагами Израиля.

Мы – армия. Мы – последний аргумент в карманах политиков. Только тогда наше оружие пускается в ход.

Но в нашей армии есть правило – оружие всегда при себе. В душе, в туалете. И при выходе домой.

А потому... А потому вы должны уметь обращаться с оружием.

– Проверка. Показываю.

Оружие 60 градусов вверх!

Вынуть магазин!

Дважды передернуть затвор!

Упереть приклад! Оттянуть затвор! Глазами проверить, что пусто!

Рукой удостовериться, что вынут магазин! Пальцем проверить, что нет патрона в стволе!

Отпустить затвор! Спустить ударник!

– Нормальным порядком – оружие сбоку, на ремне через плечо, ствол направлен вниз. В боевом – ремень на шее, автомат на яйцах, рука на рукоятке, ствол направлен вперед. Бежишь, прыгаешь, на голове стоишь! – рука на рукоятке.

Автомат никогда не направлен абы как. Либо вниз, либо вверх, либо туда, куда стреляешь – и только туда.

– Предохранитель всегда заперт – должны успеть открыть, если надо. Рука на рукоятке, палец на скобе! Не на спуске, а на скобе.

– А если надо стрелять?

– Успеешь дотянуться.

– Командир, у меня палец короткий, до скобы не дотягивается.

– Значит, просто держи палец горизонтально вперед. Никогда не держите палец на спуске!

– Разборка! Норматив – 10 секунд! Показываю!

– Сборка! Норматив – 15 секунд! Показываю!

– Чистка оружия! Каждый день! Будем проверять.

– Выходя домой... Помните, что любое сказанное вами слово может попасть и в Каир, и в Дамаск. А они там умеют анализировать. Чем меньше слов – тем меньше материала разведке противника.

Вот и моя первая суббота дома. Вот я слез с автобуса в пятницу

после полудня и тащусь домой. Именно тащусь – вымотан до предела. И тащу с собой рюкзак и автомат.

– С почином! – кричит мне Фима. – Хочешь обмыть?

Я с трудом улыбаюсь.

– Вижу, вижу, – улыбается Фима. – Вижу, ты попал в серьезную учебку. Обмоем завтра вечером?

Я завалился спать. Такое ощущение, что спал до следующего вечера. Но и тогда отказался даже от пива.

* * *

Продолжение было таким же. В жизни не думал, что смогу выдерживать такие нагрузки. Нет, я вполне силен и спортивен, но постоянное напряжение. И, при этом, нужно многое учить. Учить, несмотря на слипающиеся от постоянного недосыпа глаза.

Самое разное оружие. Американский «М-16», израильский «Узи», бельгийская винтовка «FN», израильский «Галиль» (переделанный «Калашников»). Ручные израильские гранаты, похожие на советские «Ф-1», но более продуманные, также гранаты дымовые... и фосфорные! Бельгийский ручной пулемет «FN», бельгийский единый пулемет «MAG», американский станковый пулемет «Browning M1919», американский тяжелый пулемет «М-2». *Рарнаты* (винтовочные гранаты), в т. ч. фосфорные, американская базука, израильская базука, советский «РПГ-7» (неужели так много трофейных?), американский «LAW» (легкий и удобный одноразовый гранатомет), американский подствольный гранатомет «М-203». Легкий миномет, к нему бомбы – фугасные, дымовые, осветительные, опять-таки фосфорные. И из всего этого нужно уметь стрелять. И хорошо стрелять!

Смотрю на советский гранатомет. Русские буквы, но выбиты и еврейские. Смотрю на реактивную гранату. Надписи только русские.

– Командир!

– Да.

– А откуда у нас эти гранатометы? И гранаты? Неужели так много трофеев взяли (трофейные советские грузовики и танки я уже видел)?

– Взяли много.

– А если гранаты кончатся?

– Не кончатся. Мы их у Румынии покупаем.

Однако...

Наряд в столовую. Нормально.

Наряд на кухню. Меня и еще одного назначили «подводными лодками». Я сначала не понял. Нам дали чистить огромные прямоугольные противни – на таких можно жарить по 50 шницелей сразу. Но вот отмыть их... Есть специальное место и шланг. Короче, выходишь оттуда насквозь мокрым, буквально до нитки.

Наряд в ночной караул. А это, оказывается, кайф! Если в обычную ночь редко удавалось поспать хотя бы 4 часа, то в карауле вся ночь с 18:00 до 6:00 разделена на 3 смены по 4 часа. До смены, после смены – спи.

Самая большая проблема – не уснуть на самом посту. Тишина, фанари, звезды. Стоишь на позиции, скучища. У нас были, что засыпали. Но я не заснул ни разу.

Поделюсь опытом. Я про себя декламировал стихи. Я их в свое время много запомнил, хватало надолго. Как-то раз в субботу я устроил себе проверку – сколько стихов я помню? Оказалось, на 7 часов с хвостиком.

На следующую субботу нас оставили на базе. А в субботнюю трапезу обязательно делают *кидуш*. Сладкое красное вино. Я хотел хлебнуть еще, но телефонист базы меня остановил:

– Не советую.

– Почему?

– Потому. Это самое дешевое вино, армия экономит. От него потом башка просто трещит. Мы его так и называем – «молотковое».

В субботу, кроме нарядов – спи-отсыпайся. Никаких построений, полная расслабуха. Но командиры усмеваются:

– У каждой субботы есть исход субботы.

Стрельба. Ежедневная. В разных положениях. И все, чему научились днем, потом отрабатывается ночью.

Интересно, что очередями не стреляют. Стреляют одиночными,

попарно. Очереди используются только в особых случаях.

Магазины меняем не когда кончатся, а в определенные моменты. Как правило, штук 5–8 патронов в магазине остается. С одной стороны, нужно много магазинов (у нас по 8 штук), с другой стороны в самый важный момент не окажешься пустым.

– Упал–прополз–взглянул–оценил дистанцию–огонь!
Поднялся! Пробежал! Опять: упал–прополз...

– Твои пули идут впереди тебя! Ты не ногами прокладываешь себе дорогу, а пулями!

– Ты проходишь окоп! Ты впереди всех! Где-то там впереди сириец, и он тоже хочет жить! Понятно?

– Да, командир.

– Короткие перебежки безопаснее, но продвижение получается медленнее. Но тут уж как получится...

В это время мимо нас проходил командир роты. Он нами почти не занимался и вообще он прихрамывал, выздоравливая после ранения. Но тут он остановился:

– Отставить. Все сели.

Мы уже привыкли садиться, куда придется – а почва в Самарии каменистая. Очень каменистая.

– Слушайте внимательно, я Хермон брал. Чтобы встать под огнем, нужны вот такие яйца. – Он показал руками где-то шире плеч. – Значит, вставать нужно как можно меньше. Значит, перебежки должны быть как можно длиннее.

* * *

– Вот, посмотрите.

Ясный весенний день, мы стоим на одной из вершин Самарии.

– Вот, на восток. Видите Иорданскую долину? В ней течет Иордан. Отсюда по прямой до Иордана – 30 километров.

А вот на запад. Видите город? Это Нетания, на берегу моря.

Отсюда по прямой до берега моря – 40 километров.

Вот и вся наша страна вместе со спорными территориями. И то от нас требуют отступить на старые границы, «границы Освенцима» по словам Аббы Эвена.

В дни, когда были террористические нападения в Кирьят-Шмона и в Маалоте, нас посылали патрулировать арабские деревни.

Странное ощущение. Вроде, ведут себя спокойно, иной раз улыбаются, даже предлагают воды. Но нам четко сказали: никаких контактов! Никто не знает, что у них на уме.

А нам предстояло еще многому научиться. Оказывается, пехотное дело – сложная наука. Сложное это дело – «хаялут», что-то вроде «солдатства».

Ты один. Идешь по открытой (и весьма пересеченной) местности. Вдруг... Сначала «всухую», потом боевыми. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми.

Ты в звене из 3 человек. Вы идете по открытой местности. Вдруг... Сначала «всухую», потом боевыми. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми.

Взвод. Идет по открытой местности. Вдруг... Сначала «всухую», потом боевыми. Разные задачи, разное оружие, разные методы. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми. Причем в атаке бегом нужно держать прямую линию! А то долбанешь по своим.

– Командир. А что кричат в атаке?

– Не понял.

– Ну, например, русские кричат «ура».

– Ничего не кричат! Главное, вовремя услышать команду и криком ее повторить, чтоб другие тоже услышали.

Ты один. Проходишь окопы. Сначала «всухую», потом боевыми. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми.

Ты в звене из 3 человек. Вы проходите окопы. Сначала «всухую»,

потом боевыми. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми.

Взвод штурмует окопы. Проходит и зачищает. Сначала «всухую», потом боевыми. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми.

Бронетранспортер «Зельда». Что я скажу, отличная машина. Только броня слабая, противопульная. А так – все продумано до мелочей. Компактно и удобно.

Тяжелый пулемет и 2 единых пулемета. На одной из машин взвода еще и легкий миномет.

Действия одиночной машины. Атаковать позицию противника. Высадить бойцов. Забрать бойцов. Сначала «всухую», потом боевыми. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми.

Действия взвода. Движение в разных формациях, всякие сложности. Сначала «всухую», потом боевыми. И то же самое ночью. Сначала «всухую», потом боевыми.

Само собой, марши с носилками, полосы препятствий, наряды, уборки, ночные тревоги никто не отменял. И патрули по арабским селам.

И физподготовка. И приемы рукопашного боя. По обеим этим дисциплинам – девчонки-инструкторши! Честное слово, симпатичные! Но с такими лучше не связываться – уроют.

И ночевки в поле. Как из двух половин сделать одну палатку на двоих (неплохо получается). И питаться из *местинга*.

Значит, в одной руке держим нож-ложку-вилку, в другой раскрытый *местинг* – оба котелка открыты, рукоятки под прямым углом в руке, в рукоятку большого котелка вставлена кружка. В очередь к котлам. Суп в маленький котелок, мясо и гарнир в большой, в кружку сок. Выбираешь камень поудобнее и вперед.

И еще много-много всего. И при этом – никакой шагистики, кроме построения в 3 шеренги, «равняйсь», «смирно», «вольно». Причем, сами эти стойки гораздо удобнее, чем русские – как я понял, унаследованы от англичан. Еще мы обязаны отдавать честь – но только старшинам и офицерам. Причем, как я заметил, кроме нас, новобранцев, никто никому честь не отдает.

Правда, на День памяти павших нам-таки устроили построение по всем правилам. Но нормального парада не получилось: кроме старшины базы никто толком не умел маршировать!

* * *

Все. Отбегали. Обтесались о камни Самарии.

Как ни странно, я даже набрал вес, 4 килограмма. Но ни грамма в жир, все в мышцы. Особенно в плечевой пояс.

Меня направили учиться на водителя бронетранспортера. А потом – в мою постоянную часть резервистской службы. Это будет свежесформированная рота мотопехоты в танковой бригаде.

Большинство солдат и офицеров – молодые, недавно закончили службу, многие знают друг друга по службе. Большинство воевали. Но об этом не любят говорить.

Позднее я понял. Нельзя вспоминать войну и не вспоминать, как на твоих глазах кто-то погиб.

Отбегав месяц со своей постоянной ротой, – весьма неплохие ребята оказались, – я прибыл в мобилизационный отдел бригады.

Там заправляла горластая «марокканка»-сверхсрочница, способная переорать ораву мужиков. Впрочем, на ее должности иначе нельзя.

– Ну что, Владимир? – И почему они ставят в моем имени ударение на последний слог? – Ну как тебе наша армия после русской?

– Нормально.

– Есть какие-то просьбы?

– Есть. Я собираюсь учиться...

– Удивил! У меня треть собираются учиться или уже учатся или сами уже учат кого-то. И что мне делать? Отменять военные действия? Или маневры?

– Но пойми, я же это... новоприбывший. Мне учиться на иврите будет вдвойне тяжело.

– Слышу, слышу. – Действительно, мой акцент и не очень складный иврит были слышны любому. Она вдруг хитро прищурилась. – Ты же у нас водитель. И грузовик водишь, и бронетранспортер.

– Да.

– А водителей вечно не хватает, я все время вынуждена посылать своих водителей в помощь другим частям. Так вот, у меня предложение. Я тебя не буду трогать в течение учебного года, – разве что война, – но каждый август-сентябрь ты у меня как миленький будешь пахать, куда пошло. Не со своей ротой, а с кем придется и где придется. Когда на 45 дней, а когда и на все 60. Причем почти наверняка захватишь и осенние праздники. Ну как?

– Зато учиться смогу.

– Дуралей! Сначала попробуй. Тебе до конца *шлав бет* остался 51 день. Вот 50 из них, будь добр, отпашешь «на линии», на ливанской границе. А в последний день поговорим.

* * *

Да, пограничные патрули – это оказалось просто.

Хотя по сравнению с обычными учениями это просто лафа – времени спать, вроде бы, сколько угодно – но сам факт, что либо первую, либо вторую половину ночи ты за рулем плюс еще несколько часов днем – выматывает.

Отпускают не по субботам, а когда подойдет очередь. Дают по 48 часов. Естественно, граница под ружьем постоянно.

Поскольку я, что называется, приданный, т. е. не солдат данного подразделения, то я в очереди на отпуска последний. За эти 50 дней подразделение сменилось, но мне повезло – прислали кадровых, а не резервистов, они относились ко мне более уважительно, из-за моего возраста.

Как-то раз я глядел с нашего укрепленного пункта не на северо-запад – на Ливан – а на восток – на Голаны. Даже отсюда, через долину, видно было, какие у них крутые склоны.

– Нравится? – спросил меня подошедший лейтенант.

– Да, красиво.

– Вот смотри и запомни: Голаны мы не отдадим никогда. Ни под каким международным давлением.

– Почему?

– Видишь склоны? В 1967 их взяли чудом. А чудеса не повторяются.

– А как их взяли в 1967?

– Мой отец командовал ротой резервистов, они поднимались во-о-он там, – он указал. – Причем, они шли во 2-м эшелоне, склоны уже были взяты. Так вот, он никогда не рассказывал, как это было.

Поскольку в *ульпане* я был из лучших учеников и, к тому же, живо интересовался страной, то наша учительница на выпуск подарила мне книгу:

– Почитай, ты справишься. Эту книгу написал Бен-Ами, называется «Между молотом и серпом». Он был нашим дипломатом в Москве. Здесь описана жизнь советских евреев, по-моему, очень хорошо. Надеюсь, тебе понравится.

На линии есть свободное время, не все же время спать! Поэтому я начал читать эту книгу. Сначала со словарем, но потом книга меня захватила.

Нет, не красотами стиля. А сюжетом. Получается, что некий израильский дипломат свободно ездил по советским просторам и записывал путевые очерки. В деталях сомневаться не приходилось, человек писал с натуры.

Очерк, еще очерк, еще очерк... И вдруг, ближе к концу, очерк о еврее-сапожнике на рынке в Ташкенте! Тот самый очерк!

Итак, автор очерков – Арье (Лева) Элиав. Бывший первый секретарь израильского посольства. Т. е. первый секретарь израильского посольства в конце 1950-ых свободно ездил по СССР и в разных местах встречался с евреями...

Но, может быть, это он все написал позднее, по рассказам *олим*? Нет, книга вышла еще в 1965, когда почти никто не приезжал!

Ну и ну.

* * *

– Ну как тебе линия? – она усмехнулась.

– Нормально.

– Ты уверен?

– Да. Согласен на каждое лето.

– Тебе повезло. Попал бы в Иорданскую долину – запел бы совсем иначе. Но мы относимся к Северному округу. Ладно, договорились. Где

будешь учиться?

– В Технионе.

– Не забудь прислать мне справку.

Глава 2.5

Март–август 1968

*Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.*

Начался наш последний, весенний семестр 1968 года. Мы уже предвкушали конец учебы и гадали о будущих назначениях, когда в конце 2-й недели нас срочно собрали.

– Я пригласил вас, товарищи, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: ваш последний семестр должен быть отложен, – начал Удав.

– Как отложен?

– Как отложен?

– Вы не виноваты. Никто не виноват, разве что классовые враги. Но положение вещей в братской Чехословакии неожиданно потребовало пристального внимания нашей службы. Да, я знаю, мы вас готовили к работе на совсем других участках. Но сейчас нам просто срочно необходима дополнительная агентура.

Международная капиталистическая пресса гонит своих репортеров в Чехословакию буквально эшелонами. Мы этим воспользуемся. Каждый из вас прибудет как репортер мелкой западной газетенки – их там пруд пруди. На время пребывания в Чехословакии вы начисто забудете русский язык – общаться будете на английском, французском или немецком. Более подробные инструкции вы получите каждый индивидуально от сотрудников ПГУ, они ждут вас в соседних комнатах.

От себя могу лишь добавить – как только ситуация разрядится вы, я надеюсь, сможете вернуться и доучиться последний семестр.

Товарищи! Волею судьбы вам уже сейчас предстоит ваше первое

агентурное задание. Я верю, что вы с ним справитесь. Удачи вам, орлята!

– Итак, Апостол, вот ваши документы и деньги. Вы – марокканский журналист, репортер мелкой провинциальной газеты. Газета действительно существует, ее редактор – ваш связной. Будете посылать ему информационные статьи заказными письмами с пометкой «лично в руки». Он же будет посылать вам деньги и инструкции. На деньги не скупитесь, но и не транжирьте, вы представляете небогатую газету.

Статьи должны быть, в целом, в общем русле капиталистической прессы.

Вот тетрадь с вашей «легендой» и прочей информацией. Не показывайте ее никому, даже нашим сотрудникам. Выучите все наизусть, перед выходом на Запад сожгите.

Статьи будете писать по-арабски. К ним будете прикладывать личные записки по-французски. Записки будете шифровать по известному вам методу с помощью этого блокнота. Этот блокнот – единственное, что может вас уличить, документы у вас, практически, подлинные. Поэтому блокнот и зажигалка, полная бензина, всегда при вас. В каждом вашем пиджаке пришит дополнительный внутренний карман – справа, а не слева. Вот там их и держите.

Вы немедленно вылетаете в Калининград, вас там встретят. Оттуда на нашем сухогрузе пойдете в Гавр. Не берите с собой ничего, на вас не должно быть ни одной советской тряпки. На борту сухогруза вы не выходите из каюты, вас там переоденут и снарядят. В Гавре ночью вас выведут из порта, это задача тамошней резидентуры. У вас в паспорте все нужные визы, так что из Гавра поездом в Париж, из Парижа самолетом в Вену, из Вены поездом в Братиславу. Там поселитесь в гостинице, аккредитуетесь, как репортер, и начнете работать.

Интервьюируйте, кого только сможете. Нам очень важно понять настроение партийных и государственных служащих на местах. Контактируйте с местной прессой, сообщайте о настроениях.

Вот наши главные вопросы:

В какой мере влияют на положение капиталистические средства массовой информации, в особенности радиостанции «Голос Америки»,

«Би-би-си» и «Радио Свобода»?

Останется ли страна социалистической?

Выйдет ли страна из Варшавского договора?

Имеются ли антисоветские настроения?

Каковы трения между чехами и словаками?

Связь – только почтой через связного, в крайнем случае, можете ему позвонить, хотя это очень нежелательно. Репортеров будет много, затеряйтесь в массе. Провал вам не страшен: просто вышлют назад. Но лучше не проваливайтесь.

Помните важное правило – никаких горизонтальных связей! Вы наверняка встретите в Чехословакии ваших сокурсников или других сотрудников разведшколы. Помните – никто никого не знает!

Ваша задача несложная, но очень важная. Успехов вам!

* * *

В первый же вечер в Братиславе мне повезло. В фойе гостиницы собрались репортеры, несколько десятков. В основном, они общались между собой на английском, но выделялась небольшая шумная франкоязычная группа. Я подошел к ней и представился:

– Абу Саид, Марокко.

– Бристо, Квебек, – громко представился самый шумный трепач. – Держитесь с нами, и ваши читатели не пожалеют.

Остальные тоже представились.

– Коньяку за знакомство? – предложил Бристо. Судя по всему, это была далеко не первая рюмка.

– Извините, но я мусульманин.

– Будучи демократом по натуре и по убеждениям, – заявил Бристо, – я решительно поддерживаю ваше право на соблюдение принципов вашей религии. Но имейте в виду, что лучшее, что есть в Братиславе и вообще в Центральной Европе – это пиво с сосисками и тушеной капустой. Сосиски, естественно, свиные, а пиво алкогольное.

Спасибо Бристо, я опомнился. В тот же вечер я отправил связному в Марокко настоятельную просьбу немедленно прислать мне Коран и молитвенный коврик. В зашифрованной части послания я эту просьбу

повторил. Посылка пришла через 2 недели, и с тех пор означенные аксессуары красовались у меня в номере на видном месте.

Нет, меня хорошо экипировали. Мерки мои они знали, белье, одежда и обувь подошли точно, туалетные принадлежности, 2 портативные пишущие машинки – арабская и французская, – диктофон, блокноты и прочие письменные принадлежности, портативный радиоприемник «Grundig», батарейки и наушники... А об исламе забыли.

Забегая вперед, скажу: статьи я научился делать отличные. Посидеть полночи, послушать западные радиостанции, затем за час-другой сварганить сборную солянку – и готово. Пару раз в неделю было вполне достаточно.

Позднее я узнал, что несколько моих статей мой редактор-связной опубликовал под своим именем. А 1 раз меня пожурили: разгром представительства «Аэрофлота» был в Праге, а не в Братиславе, я перепутал.

Дни же были забиты до упора – вместе с собратьями по перу мы бегали, ездили, интервьюировали... Это было что-то сумасшедшее.

* * *

«Это не хрущевская оттепель, это настоящая Пражская весна! Весна Первого секретаря Коммунистической партии Дубчека и президента Свободы.»

«Хрущевская оттепель в Чехословакии запоздала. Даже юридические реабилитации прошли только в 1963 году. Чехословаки ждали весны!»

«Во главе реформ стоит Коммунистическая партия! Люди, которые еще вчера олицетворяли диктатуру, как они утверждали, пролетариата, сегодня продвигают реформы. Коммунисты выступают за свободу слова – Аллах велик!»

«На съезде коммунистических партий в Дрездене, Восточная Германия, прозвучала резкая критика действий Коммунистической партии Чехословакии. Похоже, руководители стран Варшавского пакта всерьез

обеспокоены, как бы эта весенняя волна не перехлестнула через их собственные границы.»

«Новый вице-премьер Ота Шик опубликовал скрываемую ранее экономическую статистику. Уровень жизни в Чехословакии значительно ниже, чем предполагалось.»

«Существенно ослаблена цензура, везде идут свободные дискуссии. Говорят о многопартийной системе, о полной свободе слова, собраний и передвижений.»

«Планируется федерализация государства и создание 3 федеральных республик – Чехии, Моравии-Силезии и Словакии.»

«Разрешено создавать на предприятиях советы рабочего самоуправления – видимо, по югославскому образцу.»

«Программа действий Коммунистической партии – курс на демократическое обновление социализма и ограниченные экономические реформы. Объявлено о созыве партийного съезда в сентябре.»

«Назначены следственные комиссии для выявления судебных злодеяний прошедших лет и реабилитации невинно осужденных.»

«Советский лидер Брежнев, принимая чехословацкую делегацию во главе с Дубчеком в Москве, резко критиковал положение дел в Чехословакии.»

«В Чехословакию начали прибывать части стран Варшавского пакта для совместных маневров, запланированных на июнь.»

«Министр обороны Чехословакии генерал Дзур официально заявил, что воинские части Восточной Германии не принимают участия в совместных маневрах. Тем не менее, сообщения об этом поступают из

самых разных источников.

Чехословаки еще не забыли II мировую войну и германскую оккупацию.»

«Разрешено восстановить Словацкую греко-католическую церковь. Подавляющее большинство православных приходов вернулись в лоно своей прежней церкви.»

«Две тысячи слов` – статья известного чешского писателя Людвика Вацулика. Приветствуются процесс демократизации и свобода слова, осуждаются партийная бюрократия, `старые силы` и возможность вмешательства иностранных сил, предлагается сформировать параллельные службы охраны правопорядка и возродить Народный Фронт.

Статью подписали десятки известных интеллектуалов.»

«Социал-демократическая партия подала заявку на регистрацию. До сих пор она действовала только в эмиграции.»

«Генерал Прхлик заявил на пресс-конференции, что воинские части стран Варшавского пакта обязаны покинуть территорию Чехословакии после завершившихся уже маневров, что их продолжающееся присутствие противоречит духу и букве Варшавского пакта.»

«Первый секретарь Дубчек призвал проводить такую политику, чтобы социализм не утратил свое человеческое лицо. Отныне `социализм с человеческим лицом` стал девизом Чехословакии.

Но не значит ли это, что в других социалистических странах человеческого лица не наблюдается? О том лишь Аллах ведает.»

«Любимые лозунги демонстрантов: `Иван, уходи домой!` и `Твоя Наташа найдет себе другого!`»

«Черна-над-Тисоу. Делегация советского Политбюро во главе с Брежневым и Косыгиным прибыла для встречи с чехословацким

руководством во главе с Дубчеком и Свободой.

После 3-дневных переговоров взаимопонимания достигнуто не было.»

«В Братиславе лидеры всех коммунистических партий Варшавского пакта подписали заявление о единстве социалистического лагеря. Идиллическое рукопожатие Брежнева и Дубчека.»

«В Братиславе, в здании Министерства иностранных дел, после сложных переговоров достигнуто соглашение. Чехословакия остается членом Варшавского пакта, но воинские части всех других стран будут из нее выведены. Чехословакия обязуется стабилизировать настроения и прекратить антисоветскую пропаганду.

Смогут ли Дубчек и компания поставить этот товар? Особенно учитывая, что прямо перед зданием министерства на площади толпа скандировала весьма нелицеприятные лозунги? Аллах им в помощь.»

«Несмотря на официальные заявления, что воинские части стран Варшавского пакта покинули территорию страны, об их продолжающемся и очень неприятном для чехословаков присутствии пишут даже в газетах.»

«Венгерский лидер Янош Кадар предупредил Дубчека, что ситуация становится критической.»

«Я проснулся ночью от грохота моторов. По улице шли танки. Советские танки! Москва сказала свое веское слово!

При свете утреннего солнца я увидел, что в сквере перед входом в гостиницу расположились 3 танка с белыми полосами на броне – советский танковый взвод. Беседка и скамейки были ими раздавлены. Рядом расположились несколько десятков автоматчиков.

Вокруг собираются жители города, кричат что-то солдатам.

Нам запретили выходить из гостиницы, мы, фактически, под домашним арестом. Лишь около половины персонала гостиницы вышли на работу.

Невозможно ни позвонить за границу, ни отправить телеграмму. Почтовые отправления принимаются, но отправляются ли – один Аллах ведает.

Быть может, это мои последние часы на свободе. На все воля Аллаха!»

«Утром на 3-ий день оккупации стало известно о проведении подпольного съезда Коммунистической партии. Избран временный президиум, принявший на себя власть в стране. Временное просоветское правительство объявлено низложенным. Съезд призвал граждан Чехословакии не подчиняться ни новому просоветскому правительству, ни оккупационным войскам.

С 12:00 до 13:00 – всеобщая забастовка по всей Чехословакии! На час остановлено все!

Надписи на стенах: `Отец освободитель, сын оккупант!`

Мы все еще, де-факто, под домашним арестом...»

* * *

Неужели это цитаты из моих тогдашних статей? Трудно поверить. Впрочем, я был тогда профессиональным репортером и писал то, что мне приказано было писать. К тому же, жизнь была настолько напряжена, что мы почти не заметили убийств Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди.

А в шифровках я давал свою информацию:

Партийные и правительственные служащие в массе своей поддерживают Дубчека и грядущие реформы.

Граждане много слушают как местные радиостанции, так и западные. Впрочем, судя по всему, сейчас разница между ними невелика.

Ожидаются глубокие экономические реформы, но в рамках социализма.

Никто не любит своих союзников по Варшавскому договору. Похоже, выйдут при первой возможности.

Чехи явно не любят русских, словаки более терпимы.

Никаких особых трений между чехами и словаками нет.

Все вместе ведет к резкому ослаблению позиций СССР в Чехословакии.

Это было великолепно – быть персонажем и зрителем одновременно! Для всех ты такой же персонаж, как и они, но, на самом деле, ты еще и зритель! Да, еще не режиссер, но зритель! Мечта на хорошем спектакле – оказаться самому на сцене. И вот, пожалуйста – вот оно как.

Жаль только, что зрителем был только я один. Другие просто не догадывались о том, что я, на самом деле, играл роль.

Вечером 3-его дня оккупации (мы все еще были под домашним арестом), поднявшись после ужина в номер, я обнаружил, что дверь открыта. Полагая, что это горничная, я спокойно зашел в номер – и обнаружил там 3 мужчин, за мной тут же закрыли дверь.

– Все, Апостол, – сказал один из них по-русски. – Приплыли. Собирайте вещи, машина ждет.

– Но меня хватятся другие репортеры, – ответил я. – Подумают, что я арестован, поднимут хай...

– Не поднимут. Через час им объявят, что они должны немедленно покинуть страну, так что все они будут заняты своими собственными чемоданами. Собирайтесь.

Меня вывели через черный ход на задний двор гостиницы, где ждал советский армейский «газик». Скоро мы приехали на какой-то аэродром. Постепенно нас набралось 60 человек, в том числе были и «знакомые все лица».

Какой-то солдатик пел под гитару:

«День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь – все по той же Африке
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!»¹

Ночью мы улетели в Москву.

¹ Редьярд Киплинг, «Пыль (Пехотные колонны)» в переводе Ады Оношковиной-Яцына. Музыка Евгения Аграновича.

Наутро, в субботу, после личных отчетов нас всех собрали в разведшколе.

– Молодцы, поздравляю, – сказал Удав. – Все отлично справились с заданиями, это вам зачтется. Операция «Дунай» по подавлению национализма и отражению возможной агрессии НАТО прошла строго по намеченному плану во многом благодаря вам. Отдыхайте. Ждем вас 2 сентября.

* * *

Дома Василий Петрович долго жал мне руку:

– Ничего не говорите, – он просто не давал мне ничего возразить. – Правильно, вы будете молчать. И молчите. Но я-то понимаю, каково это было: проторчать полгода среди этих фашистов. – И, уходя к себе, пробурчал: – Ведь я их, гадов, в 1945 освобождал.

Не могу сказать, что за эти годы я шибко полюбил Москву. Но на следующий день, в воскресенье, меня все-таки занесло на Красную площадь. И так случилось, что ровно в полдень я стоял недалеко от Лобного места, где небольшая группа людей вдруг развернула плакаты: что-то почешски, потом «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!»...

Политическая демонстрация! В центре Москвы! На Красной площади!

Нет, нас информировали о диссидентах, но такое? Это же просто подарок нашим врагам!

Товарищи в штатском бросились со всех сторон. Под крики: «Это все жидаи!», «Бей антисоветчиков!» – они стали избивать демонстрантов. К ним присоединились милиционеры, быстро подъехали милицейские «газики», избитых демонстрантов увезли.

У меня хорошие инстинкты, ноги сами унесли меня на ту сторону Москвы-реки. Мне захотелось зайти в пивную, но, увидев эту грязь и эти рожи, я ретировался.

Когда я вернулся домой, Василий Петрович меня слегка пожурил:

– Гуляем-гуляем... А Катерина домашних пельмешек слепила! Картошка с селедкой, сало, огурчики, грибочки! И «Столичная», конечно. Можно сказать, боец с фронта вернулся. С невидимого фронта.

Он налил себе и мне ледяной водки:

– С возвращением! Не журитесь, вам сегодня надо. До завтра проспите.

– Да я завтра вообще в отгуле.

– И отлично!

Пельмени были великолепные. И все остальное. И водка пошла, как вода. По телевизору передавали какой-то концерт военных песен, Василий Петрович расчувствовался до слез:

– Эх, были времена, были люди! Почти все в братских могилах!

И он говорил, говорил, говорил. И махал кулаками:

– Сила!.. Только сила!.. Этот мир понимает только силу!.. Слабого бьют!.. Кто не с нами, тот против нас!.. Если враг не сдастся, – его уничтожат!.. Всех к ногтю!.. Мало их бьют, сукиных детей!.. Их надо во как держать!.. Мы ядерная держава!..

И мат. И дым «Беломора».

Я пил. Перед глазами вертелись чистенькие улочки Братиславы и Брно, чистенькие ухоженные домики чешских и словацких деревень, приятные люди... Европа, у них даже в пивных было чисто. Чистенькая ухоженная, как будто игрушечная, страна.

И наши танки. С белыми полосами на броне.

– Вот помню, – рассказывал Василий Петрович. – Сбили над нами немца. Он прыгнул с парашютом, приземлился в нашем расположении. Сопrotивления не оказал. Но когда его стали допрашивать в разведке, он заявил, что у него есть очень важные сведения, которые он может сообщить только высокопоставленному офицеру.

Ну, меня и еще двоих оправили отконвоировать его в разведотдел корпуса, к полковнику... забыл фамилию. И что оказалось – немца-то плохо обыскали, у него где-то был спрятан маленький пистолетик! И он убил полковника!

«Немец, вообще-то, герой», – подумал я.

– Так вот, – продолжил Василий Петрович. – Мы его посадили на пень и связали, на голову надели стальную каску. Привязали проволокой. Обмазали каску варом. И подожгли!

– Как? – заорал я.

– А нечего с ними церемониться, – сказала Катерина Валерьевна, – я в партизанах была.

– Запомните, молодой человек, – добавил Василий Петрович. – «Немцы – не люди». Это еще Эренбург во время войны написал.

Вообще-то нас учили грамотно выпивать. Но в этот вечер я впервые в жизни совершенно сознательно, по-настоящему, напился.

Последнее, что помню – я стою у окна, а внизу молодежь орет Высоцкого:

«А у дельфина взрезано брюхо винтом.

Выстрела в спину не ожидает никто.

На батарее нету снарядов уже.

Надо быстрее на вираже.

Но парус! Порвали парус!

Каюсь, каюсь, каюсь...»

Сайт романа: <http://beitnelly.com/inspiration/tproduct/543486402-278945605211-apostoli-derzhavi-durakov>

Ирина Лир

Тетраэдр

Роман в четырех частях (журнальный вариант)

*Посвящается светлой памяти моей мамы Евгении Шмуклер-Макаревич
и ее двоюродного брата Марка-Мордехая Бернштейна*

*Тетраэдр – четырехгранное тело,
каждая грань которого
смыкается с тремя другими.*

Из геометрии

Пролог

Тоннель был длинный и абсолютно пустой. Ни звука, ни проблеска света, ни тепла, ни холода, ни движения воздуха. Страх и боли тоже не было. Вообще ничего не было. И с этим «ничего» было комфортно. А потом полился Свет. И в его потоках отдельными вспышками начали появляться живые картины. Вспышки следовали друг за другом с регулярной частотой, как будто по стуку метронома включался проблесковый сигнал маяка. А картины складывались в ожившие и озвученные диафильмы. Прародители слайд-шоу...

Грань первая. Старый конь борозды...

Очередное заседание кафедры началось как обычно и, казалось, не предвещало ничего плохого. Обсудили текущие вопросы: предстоящую зимнюю сессию, производственную практику четверокурсников, план публикаций в ежегоднике «Труды кафедры», преддипломную практику пятикурсников, и уже думали расходиться, когда заведующий кафедрой встал и как-то нехорошо оглядел аудиторию, явно собираясь с духом что-то сказать. Присутствующие напряглись: значит, опять встанет тот самый вопрос. Уже не новый и самый большой: стареющий коллектив.

– Да, все мы известные ученые, заслуженные преподаватели, уважаемые ветераны института, но время изменилось, – тяжело говорил заведующий. Его вызывал ректор института. Ректор был новый, молодой и

амбициозный. И не скрывал своей цели – превратить институт в университет. Всесоюзный государственный университет химической технологии. Мол, так будет правильно. Ведь мы готовим химиков-технологов для всего Советского Союза, и даже для братских стран, и совмещаем педагогическую деятельность с научно-исследовательской работой.

– Как будто дело в названии. Вон, всемирно уважаемый Бауманский институт вообще называется училищем, – ворчали старики в коридорах, выходя от ректора.

– Сейчас время перестройки, – говорил ректор. – Нужны молодые кадры, способные ездить на международные конференции, свободно общаться по-английски с зарубежными коллегами, завязывать научные связи в мировых научных центрах, доставать гранты и работать по ним.

Расходились тяжело, в напряженном гнетущем молчании, не глядя друг на друга.

– Были когда-то и мы рысачами, – кисло пошутил кто-то. Но ему никто не ответил. Каждый примерял на себя. Прикидывал, каким по счету может оказаться в очереди на выход.

Ольга Фоминична была старейшим сотрудником не только кафедры, но и всего института. Семьи у нее не было, жила она одна и весь день проводила на кафедре, продолжая активно работать: читала лекции, проводила семинары, писала статьи, учебники и методические пособия, работала с дипломниками и аспирантами. Сколько ей лет, уже никто не знал, разве только анкета в отделе кадров. В институтском фольклоре ходила легенда о том, что, когда в 1923 году институт был организован на базе промышленного училища, Ольга Фоминична в нем уже работала. Что значит «в нем», в институте или в училище, легенда не уточняла, да никто уже и не интересовался. Давно это было. Два, а для некоторых и три, поколения назад.

Вернувшись после заседания кафедры в лабораторию, Ольга Фоминична заставила себя заняться текущими делами. Ведь она все еще доцент. «Приказа об увольнении пока не было», – сказала она себе. На столе лежала незаконченная статья, проверенное лекарство от тяжелых мыслей. А дома не ждал никто. Вернее, никто живой. Только памятные вещи и воспоминания.

Мужа, талантливого инженера-конструктора, успешно работавшего в области машиностроения, забрали еще перед войной. Без оснований, без объяснений, без постановления. Просто ворвались в квартиру ночью, дали десять минут одеться-собраться и попрощаться. Она едва успела сложить ему в сумку немного еды, мыло, чистое белье и теплую одежду. Конечно, она его искала. Везде, где могла и не могла. Но все было напрасно. Увели в никуда. Исчез.

А потом была война. Сын ушел добровольцем на фронт уже в июле 1941 года. Кафедра тоже сильно поредела. Кого-то – в армию, в основном тех, кто прошел советско-финскую войну. Кого-то оставили по брони. Институт должен был продолжать работать, теперь уже на войну. Требовалось ускорить внедрение новых видов твердого топлива, взрывчатых веществ, средств химической и огневой защиты.

После июльских бомбежек Москвы, когда в числе других объектов пострадали студенческий городок и здание самого института, студентов и молодых преподавателей мобилизовали на разбор завалов, ночное патрулирование, строительство оборонных сооружений и разгрузку-погрузку вагонов на Белорусском вокзале.

А осенью пришло указание об эвакуации института в Среднюю Азию. Так получилось, что ответственной за кафедру назначили ее. Молодая, энергичная, разумная, ответственная, инициативная. Фронт под Москвой был так близко, что в городе была слышна артиллерийская стрельба. Всего пять дней на сборы, и еще два дня на погрузку оборудования, материалов, документов и сотрудников в вагоны. Часть тяжелого оборудования, архив и библиотеку пришлось оставить. Стащили все в подвал и опечатали. Хотелось верить, что там оно сохранится.

Писем от сына с фронта не было совсем. Неужели же?.. Нет, не может быть! Ведь похорожки тоже нет! Она заставляла себя держаться. Гнала страшные мысли, как умела, старалась унять боль материнского сердца, уговаривала себя, успокаивала, напоминала себе, что сын никогда не любил писать. Уезжая в командировки, в экспедиции, он каждый раз обещал писать, но в действительности редкие письма от него приходили нерегулярно и были немногословны. «Но тогда было мирное время, а сейчас война. Хотя бы несколько слов, хотя бы просто признак жизни», –

молил судьбу внутренний голос. Она вспомнила, как обижалась на его короткие довоенные письма, больше похожие на лаконичные деловые записки. Сейчас маленький треугольник с фронта даже с двумя словами казался ей самой невероятной ценностью. Но она не могла позволить себе отдаться волнению. Она должна была выжить сама и сохранить кафедру. Она отвечала за сотрудников, за студентов, за оборудование, за выполнение спецзаданий соответствующих ведомств для нужд фронта. Прежде всего требовалось освоить местное месторождение озокерита, горного воска, и на его основе наладить производство смазки для скорострельных авиационных пушек. От качества смазки зависела прицельность стрельбы.

«Похоронки нет, значит – жив», – твердила себе Ольга Фоминична как заклинание. Она не могла, не хотела верить душившему ее предчувствию. Похоронку она увидит только в 1943 году, когда вернется вместе с институтом из эвакуации. Этот страшный документ почтальон доставит еще в самом начале войны по месту прописки, откуда сын ушел на фронт, а соседка получит его и сохранит.

А тогда в Коканде, когда дома одинокими вечерами становилось особенно нестерпимо, и отчаяние брало верх, когда стойкая руководительница кафедры уступала место несчастной и страшно уставшей женщине, Ольга Фоминична приходила в маленькую часовую мастерскую старика Моше. Здесь в самых разнообразных пристанищах жило Время. Оно висело на стенах в круглых циферблатах, обитало в домиках кукушек, скрывалось за стеклянной дверцей деревянного шкафа, раскачивалось с маятником больших напольных часов, лежало на круглом столике в наборе наручных часов. И еще оно разговаривало, исправно сообщая своим тиканьем, стуком маятника и боем, что прошла еще одна секунда, минута, четверть часа, половина, полный час...

Ольга Фоминична тихо сидела в уголке, следила за маятником и слушала Время. Эта размеренность, регулярность, точность и стабильность движения лечили ее душу, дарили чувство надежной опоры и защиты. В какой-то момент в глубине мастерской раскрывалась полуприкрытая внутренняя дверь, ведущая в жилую часть дома, и оттуда беззвучно появлялась старуха Циля, жена Моше. Молчаливая, седая, почти бесплотная тень, потухший взгляд, вселенская неизбывная скорбь в

глазах. Циля односложно здоровалась и ставила перед Ольгой Фоминичной пиалу с чаем и блюдечко с кишмишем и местными сушеными абрикосами. Моше работал за высоким столом, возвращая жизнь очередным часам. Иногда где-то далеко на периферии сознания Ольги Фоминичны звучал его голос:

– Время – это и судья, и лекарь, и великий мудрец одновременно. Оно знает все: и прошлое, и будущее. Время соединяет события в процессы. Но нам дано знать только то, что нам нужно знать сейчас. Это для того, чтобы мы задумались, почему именно это знание дается нам именно сейчас, и что нам с этим делать.

Внутри напольных часов что-то напряглось, как-бы взвешивая сказанное, а затем часы ответили чистым многократным боем, явно соглашаясь.

Однажды сентябрьским еще не вечером мастерская оказалась закрытой. На стук Ольги Фоминичны вышел Моше, почему-то в белой одежде, и объяснил, что закрыл сегодня раньше и завтра тоже будет закрыто. Стоя в проеме входной двери, Ольга Фоминична успела заметить открытую внутреннюю дверь из мастерской в жилую комнату. В комнате Циля, почему-то тоже вся в белом, ставила на стол большой поднос с огромным количеством коротких и очень толстых свечей, похоже, десятка два, не меньше.

«Странные люди эти старики-белоснежки», – думала Ольга Фоминична, возвращаясь домой. – «Вдруг закрыть в середине недели. И зачем им столько свечей? И свечи необычные, должно быть, долго горят. Перебой с электричеством в Коканде иногда случаются, но знать об этом заранее и готовиться на полтора дня? Уж не диверсанты ли они?! А при чем тогда белые одежды? Нет, диверсанты не стали бы привлекать внимание. Но что-то здесь все-таки не просто».

Назавтра у Моше действительно было закрыто, и даже ставни прикрывали окна. «Уехали, что ли? Не попрощавшись. Ничего не сказав. Странно», – подумала Ольга Фоминична. Дух ученого-исследователя искал ответа. Она обошла вокруг дома. Тихо. Похоже, действительно уехали. Хотя нет, кажется, внутри кто-то есть. Постояла. Прислушалась. В какой-то момент вроде бы что-то послышалось. То ли молитва, то ли

стон. Что-то случилось, и нужна помощь? Нет, они к этому готовились и молчали. Опять тихо. А может быть, ей просто показалось? Послышалось от напряжения. Странные люди эти старики. Живем рядом, говорим на одном языке, а какие-то они другие. Но похоже, что-то знают. И эти бесконечные рассуждения Моше об устройстве мира... Хотя философия любопытная.

Она так и не узнала их историю. Эти старики не были местными, да и стариками они не были, всего-то немного старше Ольги Фоминичны. Они были единственно выжившими из трех поколений большой семьи. Летом 1941 года они приехали из Минска в Москву. Их единственный сын, одаренный молодой математик, которому специалисты прочили большое будущее, учился в Московском Университете. Но война распорядилась иначе. Сын ушел добровольцем и очень скоро погиб на Западном фронте. Вернуться в занятый немцами Минск они не смогли и после долгих мытарств каким-то образом оказались в поезде, следовавшем в Среднюю Азию. А в Минском гетто погибли *все* родственники с обеих сторон: братья и сестры, родители, тети и дяди, бабушки и дедушки. Всех вместе 24 человека. *Двадцать четыре* души из их семьи среди 6 миллионов жертв Холокоста. Двадцать четыре поминальных свечи. Судный день.

Моше и Циля пришли на вокзал проводить Ольгу Фоминичну. Институт возвращался из эвакуации обратно в Москву.

– Все наладится по воле Всевышнего. Мой голос остается с Вами,
– сказал ей на прощание Моше.

– Амен, – отозвалась Циля то ли с мольбой, то ли с заклинанием.

В середине пятидесятых, уже в Москве, когда возвращались немногие выжившие обитатели ГУЛАГа, кто-то сказал Ольге Фоминичне, что на одном из пересыльных пунктов кажется слышал такую фамилию в связи с инженером одной из бериевских шараг. Слабо тлевшая много лет надежда вспыхнула моментально. Значит, жив, значит, вернется. Сердце упорно гнало слово «был», которое мозг безуспешно пытался вставить перед словом «жив». Она не могла сидеть дома, выбежала на улицу. Была весна, хотелось жить. Глаз выхватил какое-то зеленое пятно в витрине магазина. Подошла поближе. Лампа с зеленым металлическим абажуром. Таким же, какой был на довоенной настольной лампе мужа. Только та

лампа была на полукруглой ножке и стояла на столе. А эта на струбцине, и ее можно закрепить на любой плоской поверхности, а значит, и на кульмане. Да, теперь нужен кульман. Она помнила, как муж, просыпаясь ночью с новой идеей, бросался к столу рисовать эскиз.

– Был бы дома кульман, сразу бы начертил, – говорил он.

Но муж не вернулся. Спустя несколько лет, когда родственникам разрешили ознакомиться с делами задержанных, она пришла в то страшное, усиленно охраняемое здание. Ей принесли тонкую картонную папку и заперли в маленькой комнатке, как будто она могла с этой папкой сбежать. Ольга Фоминична долго смотрела на дорогие ей имя и фамилию не в силах открыть папку, не решаясь войти в потусторонний мир. Буквы плясали перед ее глазами. Наконец она развязала тесемки и открыла папку. *Пусто*. В папке не было *ничего*, ни единого листка, ни единого документа. Ни следов, ни обвинений, ни осуждений, ни объяснений. Как будто бы вот так в одночасье молодой человек в расцвете физических и творческих сил просто растворился в воздухе, оставив только картонку со своим именем, погибшего на фронте сына и воспоминания любящей женщины. Как Ольга Фоминична выбралась оттуда, как она оказалась дома, она не помнила. Наверное, спасительный шок вывел ее, став одновременно и обезболивающим, и успокаивающим, и провожатым.

Сколько времени она пролежала в забытьи одна в квартире, Ольга Фоминична не знала. Очнулась она от тиканья часов.

– Все наладится по воле Всевышнего, – сказал ей голос Моше.

– Амен, – подтвердила Циля.

И действительно жизнь продолжалась. Стремительно развивались химическая наука и промышленность, новые технологии требовали квалифицированных специалистов, инженеров, технологов. Ольга Фоминична была нужна. Ее ждала работа, ждали студенты. Иногда звонили выпускники. Сами уже ведущие специалисты, начальники смен и руководители проектов, они рассказывали о работе, советовались, в сложных случаях просили помощи. Она охотно делилась с ними своим опытом, научной эрудицией и профессиональным чутьем.

– Старый конь борозды не испортит, – как-то пошутил один из них. «Хорошо, что он, видимо, не знает полный текст этой поговорки», –

промолчала Ольга Фоминична. – «Старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет. Однако я пашу еще довольно глубоко».

Она была первой в институте, кто начал готовить и раздавать студентам наглядные материалы, поясняющие и дополняющие официальный учебник. Эти схемы, диаграммы, графики, рисунки и описания не только способствовали пониманию и запоминанию. Они позволяли студентам быть в курсе последних разработок в науке и технологии. С годами эту методику переняли другие преподаватели института, а за границей, говорят, это всегда было стандартной практикой, а тогда, в те тоталитарные годы, Ольге Фоминичне пришлось тяжело бороться за свою методику.

Ее вызвали в Первый отдел института. Такие отделы в то время были в каждом советском учреждении и предприятии. Они следили за распространением информации, контролировали использование печатных устройств, собирали и хранили данные о политических взглядах сотрудников, их контактах с заграницей, допуске к документам. Начальник такого отдела обычно был офицером госбезопасности, а сам отдел работал по принципу «перебдеть лучше, чем недобдеть».

Разговаривали с Ольгой Фоминичной жестко, обвиняли в самоуправстве и антисоветской деятельности. Ее объяснений не слушали, даже не давали ей говорить. Присовокупили репрессированного мужа. Погибший на фронте сын в зачет не шел, как и ее отличный послужной список. Она пыталась им показать, что содержание курса утверждено министерством, что ее разработки касаются методики преподавания, что от этого зависит качество подготовки специалистов, но у них не было цели разобраться по существу вопроса. Положение становилось отчаянным, причем не только у нее, но и у заведующего кафедрой тоже.

Их спас тогдашний ректор. Академик и старый коммунист, имевший вес в соответствующих эшелонах власти, он сумел договориться, что и ее, и заведующего кафедрой оставят на работе, а все, что предназначено для раздачи студентам, она будет утверждать в Первом отделе. Эта практика просуществовала десятилетия. Менялись начальники Первого отдела, но каждое объяснение с любым из них, технически неграмотным, но бдительно-подозрительным и откровенно недоброжелательным чиновником, наделенным огромной властью, неизменно превращалось в поле

жестокого боя и стоило ей здоровья, сил и нервов. Только с горбачевской перестройкой институтская типография начала принимать заказы без все- сильной визы. Однако Первый отдел в институте остался, и вид у очеред- ного его начальника был вполне процветающий. Но для Ольги Фоми- ничны эта война, к счастью, закончилась.

...От работы ее оторвал дежурный сотрудник охраны, совершав- ший ежевечерний обход всех помещений, и особенно лабораторий инсти- тута. Значит, уже восемь часов вечера. Да, конечно, ведь все сотрудники давно разошлись, на кафедре тихо, и из аспирантской лаборатории этажом ниже дежурный тоже сейчас всех выгонит. Он должен все проверить и за- переть все помещения. Работать допоздна, особенно в одиночку, запре- щено техникой безопасности. Возгорания и разливы опасных веществ в институте периодически случаются. Нужно идти домой. Опять эта тяже- лая зимняя дорога: скользко, опасно, и потому страшно идти, холодно и тяжело ждать троллейбуса, особенно если долго, да еще нужно суметь подняться в него, пока толпа молодых и сильных не оттеснила, а водитель не закрыл двери. Вот такое преодоление полосы препятствий дважды в день. «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет», – поется в знаменитой песне. Да, песня хорошая, и слова в ней правильные, только вот старикам иногда тоже нужна дорога, хотя бы для того, чтобы без- опасно вернуться домой.

«Странные люди эти трудоголики, особенно аспиранты», – думал охранник, заперев лабораторию за Ольгой Фоминичной и спускаясь по лестнице в аспирантскую. – «Каждый вечер одно и то же. Когда-то наши отцы и деды боролись за восьмичасовой рабочий день и достойную оплату труда, а теперь эти борются за возможность пропадать на работе с утра до ночи за мизерную зарплату или стипендию».

В аспирантской лаборатории под нетерпеливо-требовательным взглядом дежурного охранника Марина-аспирантка с досадой выключала приборы. Ну да, у каждого своя правда. Он отвечает за безопасность, а аспирантам нужно работать. Марина вспомнила, как на недавней между- народной выставке химического оборудования в Сокольниках она разго- ворилась с аспирантом из Дании. Там в университетах сотрудник может получить свой ключ, и лаборатории доступны, когда и сколько нужно. Да,

как говорится, «здесь вам не там».

Марина с огорчением сняла халат. Нужно уходить. Задержаться в лаборатории еще поработать не получится. Аспиранты пробовали об этом договориться уже много раз. Ходили по всем инстанциям. Объясняли, что научно-исследовательская работа – это тоже вид творчества, а творчество невозможно включить и выключить по часам, что бывают многочасовые процессы, и не всегда возможно закончить точно к вечернему обходу охраны, что у аспирантов очной аспирантуры есть всего три года, и это очень мало, особенно если поисковая тема, а потому каждый день и час дорог. Но никакие аргументы не помогли.

– Есть общепринятые правила. Не вам их менять, – отрезал начальник службы безопасности института.

Они были не согласны. А почему не им? Может быть, именно им, молодым ответственным профессионалам! Женька-аспирант даже повесил над своим столом плакат, переделанный из того знаменитого военного, на котором красноармеец в красной буденовке направляет свой указующий перст на зрителя. Только на Женькином плакате вместо «Ты записался добровольцем?» было написано «Не мешайте работать!». Этот плакат привел в ужас заведующую лабораторией.

– Сними немедленно, пока мало кто видел. Сам рискуешь и нас всех подставляешь, – потребовала она. Женька удивился, объяснил, что такие плакаты сейчас легально продают в обычном книжном магазине. Все-таки время уже другое. Свобода горбачевской перестройки.

– Молодые еще. Жизнь вас не била, – пробурчала заведующая лабораторией, направляясь в кабинет заведующего кафедрой.

Марина надела пальто и вышла из лабораторного корпуса в морозную темноту. Сейчас добежать до троллейбуса и – домой: поужинать и гулять с собакой по сугробам и обледеневшим дорожкам. Около институтской проходной Марина заметила Ольгу Фоминичну. Та напряженно стояла, как будто бы сосредоточенно собиралась с силами и духом перед опасным маневром.

Ольгу Фоминичну Марина знала еще со студенческих лет, когда два семестра слушала у нее спецкурс. Когда на первом занятии в аудиторию вошла древняя старуха, попросила поставить ей стул и с трудом села,

они были сильно разочарованы. А когда этот динозавр заявил, что перед каждым следующим занятием кто-то из студентов должен забрать в соседнем корпусе приготовленный для всей группы раздаточный материал, они, мягко говоря, удивились. С какой стати? Они не обязаны, да и 10 минут перерыва между лекциями – это их личное время. Однако преподавателем Ольга Фоминична оказалась замечательным. Объясняла интересно, наглядно, четко, за ней было легко конспектировать, и главное, информация легко и прочно запоминалась. А тот самый раздаточный материал был просто бесценным. К концу занятия, будь то лекция или семинар, теория оживала и становилась реальностью. Этот материал пригодился Марине и после института тоже, когда она молодым специалистом приступила к работе.

Только вот обязанность обеспечивать каждое занятие сильно тяготила. Из всей группы в почти тридцать человек их нашлось всего четверо, согласившихся этим заниматься. Вернее, сначала среагировал только Женька, наверное, потому что дома у него были свои слабосильные старики, а они втроем уже потом примкнули к его добродетели. Распределились в очередь и дежурили один раз в четыре занятия, но все равно обременяло. Во-первых, материала было много, он был объемный и тяжелый. Спасибо, Женькина мама в эти дни давала им свою большую хозяйственную сумку на колесах. Во-вторых, цейтнот. Успеть за 10 минут сбегать в другое здание, покидать все в сумку и доволочь ее обратно до аудитории было трудно, особенно если предыдущий лектор задерживал студентов. А во втором семестре все еще больше осложнилось. В здании начали ремонт, место проведения занятий менялось, и к тяжелой сумке прибавилась еще сама Ольга Фоминична, которую пришлось провожать в аудиторию. «Вот если бы поставить Ольгу Фоминичну после большого перерыва, тогда за отведенный час можно было бы спокойно все успеть и даже поесть», – сообразил Женька. Он уже собрался пойти в учебную часть попросить, но Ольга Фоминична сказала, что поднимать этот вопрос не нужно.

– Эгоистка, – возмущалась Марина в узком кругу их четверки.

Марина смотрела на застывшую у проходной Ольгу Фоминичну и удивлялась себе. Ей никогда не приходил на ум такой логичный вопрос: если та с трудом добирается из лаборатории в аудиторию, то как же она

ежедневно преодолевает путь из дома в институт и обратно? Марина предложила Ольге Фоминичне руку, и вместе они доползли до троллейбусной остановки.

Огромная замерзшая толпа с озверением штурмовала редкие троллейбусы. Нужно было ловить такси. В такси тоже было холодно, оно часто застревало в пробках часа пик, и до высотки на площади Восстания они добрались совсем замерзшие.

– Зайди, согрейся, – пригласила ее Ольга Фоминична.

Марина с любопытством разглядывала обстановку. Тяжелая несовременная мебель, среди посуды в серванте две старинные фарфоровые чашки с блюдами, на стене громко тикают большие часы. Зачем такие? Ведь уже давно продаются бесшумные с непрерывным ходом! Через приоткрытую дверь в спальню Марина увидела угол кровати и кульман с прикрепленной к нему зеленой лампой на струбине. «Странная старуха. Зачем ей кульман в спальне?» – думала Марина. – «Она, что, по ночам еще подрабатывает чертежами? Доцентской зарплаты ей не хватает? Или так она спасается от старческой бессонницы?»

Ольга Фоминична заваривала чай в фарфоровом заварочном чайнике. «Если бы не погиб сын, на месте Марины сейчас могла бы быть моя внучка или даже правнучка», – думала Ольга Фоминична. *Если бы.* Все могло сложиться иначе, если бы не арестовали мужа, если бы не началась война, если бы, если бы...

– Все в мире предопределено. Случается то, что должно случиться. Вопрос, где сам человек в этом потоке? Что он с этим делает? – услышала она голос Моше.

– Амен, – согласилась Циля.

Ольга Фоминична вынула из серванта две заветные чашки с блюдами и разлила чай. Эти чашки были первым и знаковым подарком, полученным от будущей свекрови, когда еще не муж привел ее знакомиться с матерью. Посидели, поговорили, попили чай с домашним печеньем. На прощанье свекровь сказала:

– Мой сын тебя очень любит. Я знаю, ты будешь ему хорошей женой. Мне нечего тебе подарить. Возьми эти две чашки, из которых вы пили, и будьте счастливы.

Они неторопливо пили чай, говорили об аспирантских делах, о планах Марины на будущее, и Ольга Фоминична почувствовала, что согревается. И душой, и телом. То ли грел горячий чай, то ли заветные чашки, то ли доверительная застольная беседа с живым доброжелательным человеком.

«Как странно она сказала, что жизнь – это история потерь», – думала Марина, возвращаясь к себе домой. Нет, Марина была не согласна. Ей жизнь представлялась чем-то совсем другим: чередой вызовов и испытаний, побед и поражений. А основную сложность жизни Марина видела в том, что, во-первых, неизвестно, сколько и каких сил требуется на взятие очередного рубежа и где личный предел человека, а во-вторых, трудно объективно оценить успешность сделанного. В ее жизни уже бывало, что поражение давало старт к победе, а бывало, что видимая победа приносила новые проблемы. Похоже, жизнь – это многомерная и многоплановая структура. Проходя очередное испытание, человек меняется сам и меняет мир вокруг себя, но не может знать, как это отразится на «дальних планах» и в каком виде к нему вернется. Может быть, поэтому говорят: «Делай, что должен, и будь что будет»?

Так, погрузившись в размышления, Марина долго стояла на остановке в ожидании троллейбуса. Одна морозной ночью на безлюдной улице. Потом к остановке подтянулись какие-то подвыпившие темные личности, похоже, местные бомжи, решившие что в троллейбусе им будет теплее, чем в их логове. Ноги Марины совсем задубели, но на душе было тепло, спокойно и как-то уверенно. Ее даже не пугали косые взгляды бомжеватой компании. «Видимо, закон сохранения энергии справедлив и для душевного тепла тоже», – пошутила про себя Марина. Она не знала, что сделанное кому-то добро не уходит от дающего к получающему, а удивительным образом умножается и, распределяясь, согревает и укрепляет души обоих.

Ольга Фоминична убирала чашки в сервант. «Похоже, нынешнее поколение – это серьезные и целеустремленные ребята. Но они – прагматики и не понимают нас, стариков-идеалистов. Может быть, поймут с возрастом, если кто-нибудь сумеет им объяснить», – думала Ольга Фоминична. Впервые за все эти годы она сняла зеленую лампу с кульмана и

прикрепила струбцину к столешнице письменного стола. Нужно успеть написать, нужно оставить им историю кафедры. Она же во многом история жизни.

Грань вторая. Музей

Недавний доцент кафедры, а ныне новая пенсионерка Ольга Фоминична стояла у окна своей квартиры и смотрела на улицу. Там, за окном, по-прежнему куда-то торопились люди, и на троллейбусной остановке напротив дома как обычно собралась толпа ожидающих, но Ольга Фоминична больше не была ее частью. Теперь, в ее новой жизни, ей больше не нужно дважды в день штурмовать переполненный троллейбус.

– Ну да. Даже в самой отчаянной ситуации можно найти положительную сторону, – усмехнулась про себя Ольга Фоминична, стараясь овладеть с гнетущей тяжестью в затылке.

Подошедший к остановке синий в грязных подтеках троллейбус проглотил черную толпу и уехал. А на освободившейся площадке грязно-серого утоптанного снега быстро собралась новая толпа ожидающих, такая же огромная и черная. Ольга Фоминична отошла от окна и заставила себя вернуться в мыслях к утреннему телефонному разговору.

Утром звонил директор музея достижений института. Собственно, музея на самом деле не было, если не считать давнишней единственной комнаты воинской славы на военной кафедре. Музей предстояло собрать. Был приказ ректора о его создании, и освобожденный сотрудник, назначенный его директором. Музей должен был стать еще одним элементом грандиозного плана ректора по превращению института в университет. А приличному университету полагается солидная академическая история. И у института, как мы все знаем, она действительно есть. Директор искал сотрудничества. Кто, как не ветераны и их воспоминания, могут в таком деле помочь. Они же сами – творцы этой истории. А Ольга Фоминична – старейший сотрудник института. Тем более, он слышал, у нее есть записки об истории кафедры.

Ольга Фоминична задумалась. Да, музей, конечно, это проверенный способ сбора, анализа, сохранения и передачи информации. И университету он нужен. И она действительно могла бы помочь. Материал у

нее есть. Она могла бы еще многое добавить к своим запискам. Голова еще светлая, хоть и болит в затылке временами. Но работает пока безотказно. Все-таки самая тренированная часть тела. Только вот музей всегда выполняет определенную задачу. Ту, для которой он создан. А жизнь всегда многозначна и многомерна. И у каждого ее участника и каждого события есть своя правда. А что происходит с правдой, когда она попадает в музей? И где эта тонкая грань между музейной правдой и правдой жизни?

А рассказать ветеранам есть что. И, пожалуй, это действительно нужно сделать. Постараться без лишних эмоций, сохраняя хронологию и фактографию, вспомнить что и как с ними было. Причем не только для того, чтобы оставить молодым. Пожалуй, самим ветеранам это нужно даже больше. Пришло время. Время ревизии своей жизни и подведения итогов. Время оглянуться назад перед уходом. Время собраться с мыслями в преддверии ответа...

* * *

В конце войны и после нее пришлось восстанавливать одновременно все: институт, связанные с институтом промышленные предприятия, город, саму жизнь. Правительство издало указ о расширении института. Для восстановления разрушенной войной химической промышленности срочно требовались инженерно-технологические кадры. Специалистов остро не хватало, впрочем, как и всего остального.

Сотрудников собрал парторг института. Сформулировал задачу: специалистов строителей-ремонтников нет, но пострадавшее во время бомбежек здание института должно быть срочно отремонтировано, расширено и надстроено.

– Это каким же образом? – спросил пожилой профессор с кафедры аналитической химии.

– Ну, вы же советские люди! – дал исчерпывающее объяснение парторг.

Восстановление института превратилось в народную стройку. Работали своими силами. После занятий студенты, преподаватели и сотрудники становились каменщиками, штукатурами, малярами, плотниками, монтажниками, ремонтниками. Строительные специальности осваивали прямо здесь же на стройплощадке, учась «по ходу жизни» друг у друга и

у немногих мастеров.

Работа была тяжелая и непривычная. Ободранные руки, ушибы, растяжения и вывихи были ежедневным явлением. Регулярно случались и более серьезные травмы.

– Интересно, а Большой театр ремонтируют скрипачи и балерины?
– поинтересовался все тот же профессор.

Но эта шутка особого успеха не имела. Люди, измученные и ослабленные лишениями войны, уставали страшно. Временами казалось, что все, предел, сил больше нет никаких. Поддерживала дух общая цель-мечта о нормальной жизни. Вот еще чуть-чуть, и восстановим-отремонтируем-построим-оборудуем-отладим. Еще чуть-чуть, и вернемся к обучению студентов, научно-исследовательской работе, разработке и внедрению новых химико-технологических процессов, созданию и развитию новых производств.

Кафедра после войны тоже изменилась. Кто-то не вернулся с фронта, кто-то из эвакуации, кто-то погиб в тылу, а кто-то стал таким инвалидом, что уже не мог работать. Были и те, кого переманили другие институты. Преподавателей в технических ВУЗах тоже не хватало.

И послевоенные студенты были уже совсем другими. Пережившие войну старшеклассники и взрослые фронтовики, среди которых было немало инвалидов. В одной группе оказывались люди совсем разные по уровню среднего образования, возрасту, ментальности, поведению и объективным возможностям. И эту разношерстную массу нужно было выучить по единому учебному плану.

Набор на первый курс 1946 года стал самым памятным в жизни Ольги Фоминичны. Основная масса фронтовиков пришла в институт именно тем летом. Через нее, в тот год председателя приемной комиссии, прошло больше тысячи личных дел абитуриентов. С сотнями фронтовиков она побеседовала лично. Она вглядывалась в каждого из них и думала о своем погибшем сыне. Как и он, многие из этих людей ушли на фронт наивными восемнадцатилетними юнцами, едва успев закончить среднюю школу. Но они вернулись, и сейчас перед ней сидели взрослые битые люди, каждый со своей трагедией, своей болью, своим счетом с собой и с жизнью.

– Война – это преступление, в котором я участвовал, – сказал Ольге Фоминичне один из них, седой двадцатидвухлетний инвалид, бывший танкист, со шрамами ожогов на лице и руках.

– Защищать свой дом и свою землю – это право, обязанность и естественная потребность свободного человека, – сказал ей другой фронтовик, инвалид с пустым левым рукавом.

А потом был жесткий разговор у ректора. По результатам вступительных экзаменов оказалось, что брать почти некого. Трех золотых медалистов зачислили автоматически, еще до экзаменов. Немногих, хорошо сдавших экзамены взяли, разумеется, всех. А что делать с остальными? За годы войны фронтовики растеряли свои знания средней школы. А дети войны и эвакуации зачастую и не имели возможности их приобрести. Как смогли, нахватили что-то после войны в вечерней школе. Такая слабая база по химии, физике и математике не годилась для освоения сложной программы серьезного технического ВУЗа. На приемную комиссию свалилась большая проблема.

– Партия и правительство требует от нас принять в этом году 750 студентов и сделать из них специалистов. Нужно восстанавливать страну. Химическая технология – одна из ведущих отраслей. Нужны квалифицированные кадры. Много и срочно. Думайте, что делать, – отрезал ректор.

Заседание приемной комиссии по вопросу зачисления абитуриентов проходило напряженно. В присутствии парторга института. Восстановили тех, кто прервал учебу из-за войны, а сейчас вернулся. А что делать дальше? Зачислить отстающих и «убить» первый год на ликвидацию пробелов школьного образования? То есть «украсть» год у успевающих и этим снизить традиционно высокий стандарт подготовки выпускников. То, чем заслуженно гордится институт и что так высоко ценится в инженерном мире. Нет, пожертвовать авторитетом института они не могли.

То, что они тогда придумали от безвыходности, впоследствии вошло в практику многих технических ВУЗов страны. И стало само собой разумеющимся. А в самом институте сложилось то, что через много лет назвали «Общетехнический факультет». Но тогда, в 1946-ом, все было совсем не просто. И технически трудно выполнимо, и политически опасно. Как пошутил тогда один кафедральный остряк, «по тонкому льду через

минное поле».

– Разрешаем в порядке эксперимента в связи с острой производственной необходимостью. Надеюсь, Вы понимаете, что с вами всеми будет за саботаж подготовки стратегически важных кадров? – вкрадчиво сказал ректору помощник министра, вручая подписанный приказ.

Да, это ректор хорошо понимал. Даже очень хорошо понимал. Ему разрешали острый эксперимент, но одновременно лишали естественного права экспериментатора на отрицательный результат пионерского эксперимента. Теперь на весах лежала его жизнь, благополучие его семьи, а также жизни и судьбы его сотрудников.

И в институте это тоже понимали. Риск был большой. Они опять уходили на фронт, на этот раз академический. За инженерную школу страны.

Они скоординировали и адаптировали учебные планы отдельных общетехнических кафедр так, что одну и ту же тему изучали в разных контекстах сразу на нескольких кафедрах, связанных инженерной логикой. Например, статистический анализ в курсе высшей математики и при обработке результатов экспериментов в лабораторных практикумах по химии и физике. Теорию вероятности одновременно в курсах физики и математики. А расчетно-графические работы по теоретической механике включали приобретенные к этому моменту знания по инженерной графике. И так по каждой теме и каждой кафедре на два первых учебных года.

Слабым местом этой затеи была сумасшедшая логистика. Требовалось объединить 25 кафедр института и всех студентов первого и второго курсов в едином детальном совместном плане со множеством сочтаний всех курсов всех кафедр, непрерывно контролировать текущие знания студентов и оперативно корректировать учебный план в соответствии с получаемыми результатами. И все это в 1946 году, когда компьютеры были еще в зачаточном состоянии, а соответствующие компьютерные программы разве только в самых смелых фантазиях.

И одновременно нужно было решать еще множество других проблем этих первых, самых трудных, послевоенных лет: нехватка жилья, послевоенная разруха и голод 1947 года, отчаянная студенческая бедность, спровоцированная войной эпидемия туберкулеза, постигшая и институт

тоже, психологические травмы недавней войны и посттравматический синдром, ограниченные возможности инвалидов... Пришлось преподавателям стать еще и кураторами групп. Своего рода «классными руководителями», «большими мамами» на первые два года обучения. Тем непосредственным адресом, куда можно и нужно идти со всеми проблемами: и с групповыми, и с личными. Жизнь как бой.

И они выиграли! К их великому облегчению и радости первый же выпуск показал, что такой программой им удалось «убить сразу трех зайцев». Во-первых, студенты разных уровней, осваивая материал в собственном темпе и восполняя «по ходу» имеющиеся пробелы, вместе со всеми двигались вперед. Во-вторых, у студентов формировалось общеинженерное мышление и широкий технический кругозор. И в-третьих, к концу второго года обучения в сознании студента образовывалась некая «сетка знаний», каркас ассоциаций, на который в последующие три года обучения легко и прочно садилась информация по конкретной специальности.

– Ну вот, а мы боялись. Прав был Мюнхгаузен: если человека загнать в болото, то он сам вытянет себя за волосы, если ему есть зачем это делать. А мы с вами, как и все советские люди, уже, похоже, профессионалы и чемпионы в этом виде спорта, – пропел все тот же кафедральный остряк.

Но ему никто не ответил. Боялись. Как-то двусмысленно прозвучала его последняя фраза про спорт. Подозрительно. И так все вокруг совсем не просто. Не угадать что, когда и откуда опять свалится. И на чью голову упадет.

Этот вечный страх, ненадолго разбавленный эйфорией военной победы над фашизмом и надеждами на счастливое будущее, давно поселился внутри и стал частью жизни. С ним сроднились. С ним научились жить и даже радоваться тому немногому, чему можно было. И одновременно постоянно быть начеку. Следить за собой и за другими, инстинктивно пытаясь отгородиться и защититься от опасности. Если это вообще возможно...

«Ну и что? Ты думаешь, что это все кому-то сейчас интересно?» – спросил Ольгу Фоминичну ее внутренний голос.

«Мы этим тогда жили. Делом и страхом. И за это тоже будем отвечать», – ответила себе Ольга Фоминична.

Зазвонил телефон, возвращая Ольгу Фоминичну в текущую реальность. Звонили Михалинские. Полина и Миха. Им тоже звонил директор музея. Они в сомнениях и раздумьях. Вот уж никогда не думали, что могут стать объектами музейного интереса.

– Ну да, участники и творцы истории не всегда эту историю интересуют, – согласилась с ними Ольга Фоминична.

Она приготовила себе чай и снова заняла свой наблюдательный пункт у окна. Впрочем, на улице мало что изменилось. Тот же подтаявший грязный снег, переполненный троллейбус, черная толпа. Хотя нет, вот рядом с остановкой появился мужик в телогрейке. Тащит ящик апельсинов. А за ним толстенная баба в валенках, в такой же телогрейке и относительно белом распахнутом рабочем халате, надетом поверх телогрейки. Тащит второй ящик с апельсинами. Они поставили ящики друг на друга, и баба осталась их сторожить. Мужик ушел, но вскоре вернулся с третьим ящиком и с магазинными двухчашечными рычажными весами и гирями. Толпа с троллейбусной остановки моментально переметнулась к ящикам и, выстроившись длинной змеей, обвила их вместе с продавщицей, скрыв внутри себя.

Ну да, понятно: сейчас в продажу, как теперь это называется, «выбросили» апельсины. Кто оказался в нужное время в правильном месте и успел ухватить, тот получил. У каждой женщины в дамской сумочке всегда лежит авоська или складной хозяйственный мешок с ручками. На случай, если что-то когда-то где-то встретится дефицитное. И список этого дефицита предлинный. Вот так и живем. Охотой на товары. Впрочем, основные продукты питания в московских магазинах есть всегда. И хлеб есть, разнообразный и вкусный.

Вот в Подмосковье и дальше по России, говорят, много хуже. А иначе зачем бы народ массово ездил в Москву за продуктами? Скупают колбасу, сосиски, сыр и еще много чего. Десятками килограммов. Мешками вывозят. Даже загадку про это народ сложил. Что это такое: длинное, зеленое, битком набитое и пахнет колбасой? Ответ: это электричка, уходящая из Москвы. И за одеждой, обувью, промтоварами – тоже в Москву.

Очереди в магазинах везде огромные. Москвичу, чтобы купить себе после работы двести грамм колбасы, сыра и масла на ужин, нужно минимум час потратить. Ну а если нужно что-то еще, тогда еще куча времени в другой очереди. Некоторые прямо с книжками в магазины приходят. Стоят и читают художественную литературу. Время с толком используют. И в транспорте тоже, если удастся найти местечко раскрыть книгу. Читающая у нас публика. Культурная.

Интересно, что в газетах, по телевизору и в документах партийных съездов говорится, что у нас в стране построен развитой социализм: все равны, и от каждого по способностям, а каждому по труду. И детей в школах так учат. Только вот некоторые граждане задают много неудобных вопросов. Например, почему у них часто не стыкуется то, что люди видят, с тем, что они слышат. Народ мрачно шутит, что для таких есть специальный врач: окулист-отоларинголог.

Ольга Фоминична допила свой чай и вернулась к мыслям о музее. Вот и Михалинских зачислили в ветераны. Впрочем, несмотря на возраст, они еще работают. Ветераны, но не пенсионеры. Уже сами – доктора наук, со своими защитившимися аспирантами. А начинали студентами в той первой группе послевоенного набора, которую курировала Ольга Фоминична. Да, вот так смотришь на других – и особенно чувствуешь, как проходит время. А если на других не смотреть и время специально не высчитывать, то кажется, что не так уж давно все это было.

Группа тогда подобралась пестрая. Многолика. Полина была одной из трех медалистов, принятых в тот год. Худенькая девочка. Очень бедная семья. Все два первых года обучения эта студентка проходила летом в одном и том же платье, а зимой в телогрейке и валенках. Другой одежды у нее не было. А вот желание учиться, большие способности и явные успехи были.

С Полиной подружился фронтовик Миша, или как он сам себя называл «Миха», сокращая официальное «Михаил». Ольга Фоминична помнила его еще с первой военной осени 1941 года, когда он, поступив в институт, вместо учебы ушел на фронт. Как и другие мальчики его класса. С войны из них вернулись только трое. Из целого класса. Всего трое...

Полина и Миха держались вместе, помогая друг другу в учебе и в

многочисленных сложностях неустроенной послевоенной жизни. Миха был старше Полины, и его настоящее имя, Михаил, было таким же, как имя ее недавно умершего отца. Окружающие, видя Миху с Полиной вместе, часто обращались одновременно к ним обоим, и постепенно их имена слились в общее «Михалина» с необычным двойным ударением на слоги «ми» и «ли». А затем как-то само собой родилось «Михалинские». Это прозвище так и осталось за ними обоими и в таком виде вошло в институтский фольклор.

– Звучит как фамилия с отголоском польских корней моего прадедушки, – пошутила тогда Полина.

Ее семейная легенда гласила, что прадед Полины был сослан в Россию как участник польского восстания 1863 года. Именно в его честь Полина получила свое имя. И свой сильный характер, похоже, тоже унаследовала от него.

Труднее всех в группе приходилось, пожалуй, студенту Глебу. Косноязычный сибиряк из глухого забайкальского поселка, он приехал в институт с направлением от сибирского обкома партии по программе подготовки местных кадров. В Москве ему все было чуждо, непонятно. Странная была вокруг него жизнь. Неправильная.

К институту он был не готов: он хотел учиться, но базовых знаний остро не хватало, а навыка учиться у него не было. Он не умел слушать лекции, писать конспекты, самостоятельно работать с литературой, подчас затруднялся грамотно задать вопрос, сформулировать свою мысль. Окружающим трудно было с ним общаться: говор у него необычный, лексикон специфический. Но настоящий сибирский характер был. И еще работоспособность и упорство молодости. Он знал, для чего он здесь: четко видел цель, верил в себя и двигался вперед, не стесняясь своих ошибок.

Глеб был первым студентом, попавшим на кафедру целевым направлением. За ним пошли другие, и в кафедральном лексиконе появилось новое понятие «целевики». Они приезжали из всех союзных республик. Многие из них, успешно закончив институт, действительно возвращались к себе химиками-технологами, чтобы строить и развивать республиканскую науку и промышленность. Кое с кем сохранялась связь, и сотрудники кафедры, приезжая в командировки в республиканские

институты и на заводы или привозя студентов на производственную практику, встречались там со своими бывшими выпускниками, сделавшими научно-производственные карьеры. Но были среди целевиков и те, кто всеми силами старался остаться в Москве.

А в шестидесятых годах в институте появились неожиданные студенты. Иностранцы целевики из «братских стран социалистического сотрудничества», а позже представители так называемых «развивающихся стран». Пришельцы из-за «железного занавеса», они вызывали острый интерес и настороженность одновременно. Встреча разных миров. Еще недавно такое не мерещилось даже самым отчаянным фантазерам. Да за простой бытовой контакт с иностранцем можно было запросто схлопотать большие неприятности, а уж присутствие иностранных студентов на кафедре химико-технологического института, расположенного за забором с проходной и круглосуточной охраной, было абсолютно невозможно.

И вот эти гости сидят в аудиториях, слушают лекции и семинары, работают в лабораториях и задают вопросы по специальности и не только. Бывает, не сразу сообразишь, как следует отвечать, чтобы не угодить в первый отдел. У бдительных товарищей раздолье. То они предотвращают промышленный шпионаж, то преследуют фарцовщиков, то пресекают несанкционированные встречи. На их языке это называется «стоять на страже социалистической законности». А молодежь, естественно, хочет знакомиться, общаться, слушать зарубежную музыку, покупать и пользоваться импортной одеждой, обувью, техникой. А товарищи бдят. То и дело возникают драмы, иногда с тенденцией к трагедии. Ну и трагикомедии взаимонепонимания тоже случаются.

Ольга Фоминична усмехнулась, вспомнив давнюю историю с китайскими студентами. Дело было на лабораторном практикуме по синтезу пластмасс. Советские студенты заметили, что после лабораторных занятий китайцы грызут синтезированные полимеры. Сказали об этом куратору группы: наверное, китайцы голодные и не знают, что полимеры эти несъедобны. Ольга Фоминична проследила: действительно грызут что-то похожее. Она сообщила китайцам, что синтезированное на практикуме есть нельзя. Это несъедобно. Они выслушали, поняли, но не прекратили. Она доложила декану. Тот от услышанного даже вжался в кресло,

предвидя последствия. У него на факультете отравились иностранцы прямо в лаборатории – и студентов жалко, и статью, по которой осудят и посадят и его, и заведующего кафедрой, и преподавателей даже страшно озвучить. И за меньшее судьбы ломают, а тут международное дело. А ведь они ни в чем не виноваты.

– Ну за что на нас свалились эти голодные китайцы?! Они же стипендию получают даже выше, чем советские студенты, – в смятении задал декан риторический вопрос.

Ольга Фоминична промолчала. Что она могла ему ответить? Да он ничего и не ждал. Он лихорадочно соображал, что же теперь делать и к кому с этим бежать.

Ночью она не спала. Понимала, что нужно точно установить, что же они едят. Внешне это действительно выглядит как полимерная масса, осажденная из реактора. Но как это у них заполучить приличным образом и проанализировать, чтобы не вызвать осложнений, она не могла придумать. Были бы наши ребята, все было бы намного проще. С иностранцами все сложно: непонятно на что нарвешься. Международный скандал кое-кто может раздуть запросто. Был бы повод.

В страшном напряжении она два дня пристально наблюдала за ними и ждала, кто из китайцев и когда заболит. Но все они приходили на занятия. Значит, по крайней мере живы.

На третий день ее вызвал декан. Вид у него был, как у человека, выздоровевшего после тяжелой болезни. Он выяснил, что полученные стипендии китайские студенты сдали в свое посольство, пожертвовав на развитие родной страны. Взамен им выдали порции пищевого белка.

С тех пор прошло почти четверть века. Китайцев в институте давно нет, а вот история эта живет. Только теперь ее воспринимают как курьез, а тогда им было совсем не до смеха.

«Время меняет наше отношение к событиям,» – сказала себе Ольга Фоминична, обдумывая тот случай. – «Наверное, потому что время меняет прежде всего нас самих».

* * *

Закончив разговор с Ольгой Фоминичной, Полина положила телефонную трубку и вопросительно посмотрела на Мihu: ну и что конкретно

будем делать, дорогой мой объект музейного интереса?

– Воспользуемся подсказкой жизни, – предложил Миха. – Соберем для наших сыновей и внуков историю их семьи. Ведь это единственный капитал, который безоговорочно принадлежит им по факту их рождения и который проще всего у них отнять. И отнимают. Тем более, что в молодости они и сами не слишком интересуются. Больше заняты строительством собственной жизни, а когда в зрелости начинают задаваться вопросами, спрашивать уже подчас некого. А лишённые корней, их дети, наши внуки, вполне могут стать «перекати-поле» без руля и тормозов. Вот мы их и подстрахуем. Получить образование, сделать карьеру, нажить капитал они смогут и без нас. А вот для того, чтобы не потерять себя настоящих, не оказаться греющимися у чужого огня и не стать инструментом в чужих руках, нужно знать, кто ты и откуда пришел. А это невозможно без связи поколений. Вот давай мы им поможем сохранить эту связь.

– Нас просят помочь с экспозицией музея достижений института. Это другая тема, – напомнила Полина.

– Жизнь нашей академической семьи связана с институтом. То, что подойдет для музея, музей от нас получит, – сказал Миха.

Он подошел к шкафу и достал несколько фотоальбомов и папок семейного архива. Полина примостилась рядом, уплывая в воспоминания...

...Печка-буржуйка грела плохо, но все-таки это был хоть какой-то источник тепла. Хорошо, что отец был директором, и они жили при школе. Можно было в перерыве между вторым и третьим уроками успеть забежать домой, чтобы приложить к печке ладони и стопы. В классах было совсем холодно. Полине теперь всегда было холодно и хотелось есть. Она не любила этот поселок Пермской области с его бесконечной зимой, куда с началом войны партия эвакуировала из Москвы ее отца с семьей. Впрочем, чувство голода не было для нее новым. В Москве у них тоже не всегда было даже самое необходимое. Семья школьного директора и воспитательницы детского сада не могла быть обеспеченной. Жили бедно. Отчаянно бедно, зато идеологически ориентированно. Отец, убежденный коммунист, подписывался на государственный заем в размере своей двухмесячной зарплаты, хотя государство требовало только месячную. «Ничего

для себя, все для людей», – учил отец.

Полина подбежала к печке и прижала к ней руки и ноги. Мама отодвинулась, освобождая дочери больше места, и продолжила штопать штопаные-перештопаные носки. Строго сказала:

– Постарайся поосторожнее. Уже даже штопать невозможно – нечего.

Прозвенел звонок на урок, и Полина побежала в класс. На ходу почувствовала, как в валенке опять лопнул носок. Видимо, она пережгла штопку на печке. Очень обидно, носок повредился, а ноги все равно ледяные остались. И за маму больно. Она сильно расстроится.

Вечером отец сказал Полине и ее младшему брату:

– Завтра после школы пойдете помогать на лесоповале. Детская норма 3 кубометра. Партия нас учит, что тыл должен помогать фронту.

– Они же еще дети. Всего-то тринадцать и одиннадцать лет, – возразила мама.

– Одиннадцатилетние дети в блокадном Ленинграде уже стоят у станков. Кировский завод выпускает танки для фронта, – отрезал отец.

Мама отозвала Полину в сторону, прошептала:

– Когда сделаете норму, сразу же получи продовольственные карточки за себя и за брата. Отдашь обе карточки мне. Я постараюсь выменять на них лук. Сварю вам хоть какой-то горячий суп.

Они прожили в этом промерзшем поселке все три года эвакуации. Вторая и третья зимы были чуть легче. Лето в этих местах короткое, но они все же успевали перехватить немного лесных ягод и грибов, и еще мама сушила грибы и дикие травы на зиму. Местные женщины научили ее.

На лесоповале за выполненную норму полагалась карточка на шестьсот граммов хлеба. На них двоих с братом получалось кило двести. Целое состояние! Это было настоящим счастьем, когда в поселок действительно привозили хлеб, и маме удавалось отоварить эти драгоценные карточки, заработанные таким отчаянным детским трудом. Дикая формулировка «детская норма лесоповала» никого в поселке не смущала. Что это ненормально, просто никто не думал. Во всяком случае, ни сама Полина, ни другие в ее окружении. Время было военное. И вообще другое. И люди

были другие. И воспитание. И сама жизнь. Вареная луковица была лакомством, одеждой молодой девушки на много лет вперед стали телогрейка и валенки. А кумиром – Зоя Космодемьянская.

К третьей зиме Полина начала подрабатывать еще и репетиторством по математике и по русскому языку, помогая местному слабоуспевающему однокласснику. По два урока в неделю. Платили ей то морковкой, то картошкой. Иногда перепадало и то, и другое. В дни зарплаты мама варила овощной суп уже не только на детей, но и на всех четверых. Полина была горда и счастлива. Мама тоже.

Однажды Полине дали большущий кусок тыквы. Мама разделила его пополам. Из одной половины сварила детям жидкое пюре, и они с наслаждением пили его горячим из больших чашек. Маленькими глоточками. Медленно-медленно, растягивая удовольствие. А вторую половину мама нарезала брусочками, высушила и еще долго заваривала детям тыквенный чай. Вот такое было счастье.

– А почему твой отец не ушел на фронт? Почему его не призвали?
– спросил Миха, прерывая поток сознания Полины и рассматривая разрешение на эвакуацию с семьей, выданное ее отцу Московским горкомом ВКП(б) в 1944 году.

– Он был непригоден. Инвалид. Перешибленный позвоночник еще в гражданскую. Он даже полностью распрямиться не мог. Ходил, превозмогая боль в спине, – ответила Полина.

Они вернулись в Москву летом 1944 года. Партия назначила отца директором одной из городских школ, и семья получила жилье здесь же при школе. Одна комната в подвале без воды и отопления. Но все равно это была редкая удача. Жилья в послевоенном городе остро не хватало. А к осени мама раздобыла где-то маленькую печку-буржуйку.

Горожане восстанавливали Москву. Молодой энтузиазм и причастность к судьбе родного города звали Полину присоединиться. Убежденная комсомолка, она пришла в городской комитет комсомола просить направление на работу. Ее определили на центральный телеграф.

– Надежная и своевременная связь есть залог успеха любого дела,
– назидательно напутствовал ее инструктор горкома, выдавая ей предписание.

– Да, я помню: «телефон, телеграф, железнодорожные станции и мосты в первую голову», – процитировала ему Полина работу В. И. Ленина из сборника материалов об октябрьском вооруженном восстании 1917 года.

– Молодец. Знаешь историю Коммунистической партии, правильно мыслишь и точно цитируешь, – удовлетворенно похвалил ее чиновник.

Полина пропадала на телеграфе целыми днями: одна смена на сортировке корреспонденции, за ней другая – на ремонте здания. Старый сортировщик одобрительно кивал ей головой. Как-то в начале осени он сказал Полине:

– Начался учебный год в вечерней школе рабочей молодежи. Голова у тебя соображает. Иди учишься. Хорошо закончишь, в институт пойдешь. Инженеров много понадобится. Страну поднимать нужно. Война здорово все порушила. Заводы восстанавливать нужно и новые строить.

Так у Полины появилась мечта. Высшее образование. Через два года, восполнив пробелы своего рваного военного образования и окончив с золотой медалью школу рабочей молодежи при центральном телеграфе, Полина без экзаменов поступила на первый курс института. Начиналась другая жизнь.

– Еще помнишь, как мы познакомились? – спросил Полину Миха.

Познакомились они на медосмотре. Всех первокурсников институт послал на профилактический осмотр. Потом оказалось, что это обязательная ежегодная проверка: химический институт, профессиональная вредность. Вот тут-то на медосмотре у Полины обнаружили туберкулез легких, причем давний. Не удивительно при таком детстве. Вскоре оказалось, что таких как она много. Причем большинство больных – это молодые первокурсники. Не удивительно. Лишения войны и эвакуации сказались прежде всего на растущих неокрепших организмах. Голод, холод, тесные перенаселенные комнаты, темные сырые подвалы и полуподвалы, тяжелая работа, хронический стресс. Жизнь на износ. «Все для фронта, все для победы». А теперь, после победы, опять на фронт. Теперь уже за себя: за свое здоровье и свое будущее.

Миха привел Полину к своей маме. Она же врач. Как раз фтизиатр.

Поможет.

– Конечно, помню, как мы познакомились, – ответила Полина. – На меня тогда все сразу обрушилось: и туберкулез, и смерть отца. Не знаю, как бы я без тебя справилась.

Отец Полины, Михаил Иванович, герой гражданской войны, старый коммунист, имеющий правительственные награды, переживший отечественную войну и эвакуацию, умер от страха в мирное послевоенное время на посту директора одной из обычных городских школ.

...Комиссия из райкома партии проверяла воспитательную работу среди учеников его школы. Строгие серьезные люди ходили по классам, сидели на уроках, читали записи учителей в классных журналах и, кажется, остались довольны работой школы. Они уже собирались уходить, когда услышали возбужденные мальчишеские голоса за закрытой дверью одного из классов. Оказалось, что мальчишки свернули узлом тряпку, которой стирали мел с доски, и кидают ее в застекленный портрет Сталина. К их детскому восторгу, при попадании тряпка оставляла на стекле зримый меловой след.

Праведный гнев охватил благочестивых партийцев. На их глазах совершалось святотатство над образом великого Вождя и Учителя. Михаил Иванович сидел у себя в кабинете и, разумеется, ничего не знал. А узнав, что произошло, ясно представил себе, какая неминуемая и страшная расправа ему грозит. Кто такие «враги народа» и что делают с ними и их семьями, было известно. Неослабевающее чувство страха завладело им полностью. Он почти не ел, перестал спать по ночам, сидел у входной двери, прислушивался к шагам на лестнице, обмирая каждый раз, и гадал, что на этот раз: пройдут ли мимо или постучат в дверь. Что-то отводило дамочков меч от его головы, но через два года мучительного ожидания ареста и наказания Михаил Иванович скончался от тяжелой гипертонической болезни. Страх раздавил его.

Через много лет в райкоме партии, куда Полина обратится за разрешением на выезд за границу для участия в международной научной конференции, жизнь столкнет Полину со старым седовласым чиновником в дорогом импортном костюме. Полина так и не узнает, что это именно он спас тогда ее отца от ареста, а ее саму, брата и маму от клейма-приговора

«член семьи врага народа». Рискую собой, он, член той злополучной комиссии, сумел тогда переломить палаческое настроение коллег и убедил их пощадить старого партийца, героя гражданской войны, имеющего награды и заслуги перед страной и партией, а также не ломать судьбу его дочери-комсомолки из-за бездумной детской шалости школьников. Очевидно, у Провидения на Полину были позитивные планы. А может быть, это был экзамен Выбора для этого чиновника.

* * *

Помогая друг другу, Михалинские закончили институт с красными дипломами и оба получили рекомендации в аспирантуру, подписанные руководителями их дипломных работ и заведующим кафедрой. Комиссия по распределению молодых специалистов оставила Полину-комсомолку на кафедре в очной аспирантуре, а Миху отправила на химический завод в аналитическую лабораторию.

– Ваша анкета не подходит по профилю для академической карьеры, – без стеснения заявил Михе председатель комиссии.

– А в фас я вам подхожу? – кисло пошутил ему в ответ Миха.

Да, у Михи был совсем не славянский профиль, и в семье с обеих сторон были репрессированные родственники. Они все, осужденные по ложным обвинениям, будут реабилитированы «за отсутствием состава преступления», но это будет в далеком «потом», а сейчас Миху не взяли в аспирантуру, а еще раньше, в школе, не приняли в комсомол. А как же заявление главы государства о том, что сын за отца не отвечает? А у Михи вообще не родители, а их родственники. То есть за родителей дети не отвечают, а за более дальних родственников все-таки отвечают. А где логика? А то, что Миха, закончив школу и только поступив в институт, в свои восемнадцать лет, имея порок сердца и врачебное освобождение даже от школьной физкультуры, был призван на фронт, четыре года защищал страну и был ранен, ничего не значит? То есть состоять в молодежном союзе, поощряемом властью, он недостоин, а воевать за эту страну и ее власть достоин. Рисковать жизнью на фронте – он уважаемый патриот, а развивать отечественную науку – безродный космополит. Его обучение в аспирантуре нежелательно для страны, однако, по странной начальственной логике, работу в ключевой лаборатории на серьезном промышленном

предприятию ему доверить можно. Да, пожалуй, прав был поэт: умом эту страну не понять, в нее можно только верить.

Миха покинул комнату заседания комиссии по распределению молодых специалистов. Мир вокруг него потускнел, потеряв краски.

– Академическая карьера для меня закрыта. Интересно, куда еще я не подхожу по профилю, – спрашивал себя Миха. – А что может ждать моих детей? Может быть, честнее не жениться и не осложнять жизнь близким людям?

Они с Полиной уже давно сидели в парке на скамейке, но Миха этого не замечал, погруженный в свои невеселые мысли.

– Давай не расставаться. Родим детей. Постараемся сделать их счастливыми, – предложила Полина.

По счастью, в ее семье не было репрессированных, и о еврейском вопросе она тоже никогда не слышала. Впервые в жизни столкнувшись с этим, она любящим женским сердцем поняла дилемму и сделала свой выбор.

...Михалинские поженились сразу же после окончания института. Небогатая, но веселая и шумная молодежная вечеринка затянулась до полуночи. Спасибо, соседи отнеслись с пониманием. Молодость, свадьба, дело житейское. Незадолго до двенадцати кто-то усилил звук радиоприемника, чтобы по старой военной привычке послушать ночные новости. «Родина слышит, родина знает», – многозначительно прозвучали позывные Всесоюзного радио во вдруг наступившей тишине. А еще через короткое время обе стрелки часов встали на цифру «12».

– Ноль часов, ноль минут. Начинаем отсчет *нашего* времени, – сказала Полина Михе.

Время, которое знает все, могло бы рассказать, что в штормовом море жизни их семейная, нет, не лодка, а катамаран, продержится на плаву почти 61 год. Полина станет его двигателем, а Миха обеспечит устойчивость, стабильность и надежность. Они переживут все: сталинизм, оттепель, развитой социализм, перестройку второй половины восьмидесятых, лихие девяностые и вынужденную эмиграцию. Жизнь будет их испытывать на прочность, порядочность, принципиальность, преданность себе и делу. Им будет трудно, но они выдержат, выстоят. Оба успешно сделают

карьеру. Родят двух сыновей и успеют побаловать внуков. Сыновья, выросшие в атмосфере домашних обсуждений профессиональных вопросов, тоже станут химиками и докторами наук. Все это Время могло бы им рассказать, но, по установленному порядку мироздания, оно должно было молчать, охраняя свободу выбора человека.

Впрочем, в ту свадебную ночь в той компании Время мало кто спрашивал, хотя о будущем думали все. Победив в великой войне и успешно закончив институт, та молодежь самонадеянно смотрела вперед. Они, победители, сами были готовы диктовать времени свои правила. Теперь они сами – хозяева своей жизни и ее активные строители. Такой жизни, какую считают правильной. А время? Времени теперь впереди навалом, его безусловно хватит. Так им тогда казалось...

Продолжение следует.

Любовь Ратман

Стихи

Часовщик

Восточный рынок... Каждый день – базарный,
Народу – толпы, крики продавцов,
То тут, то там услышишь спор азартный –
Нет дураков ударить в грязь лицом!

Ведь в этом тонкость купли и продажи:
Поторговаться – вдруг да повезет
В конце концов пускай не выйдет даже,
Но в споре каждый душу отдаст!

Здесь на прилавках овощи и фрукты,
И дыни сладко пахнут за версту,
В хрустящем льду севрюги стынут: ух ты!
Да кто же купит эту красоту?

Торгуют чуть не до часов полночных –
Самса¹, катык у шустрых пацанов...
И круглый год в мясных рядах, в молочных
Такое изобилие – нет слов!

В раю цветочном – лилии и розы,
Сирень благоухает по весне,
Тюльпаны разноцветные, мимозы,
Фиалки, флоксы – как в чудесном сне...

А рядом – будка... Часовщик немолод –
Он здесь сидит шестой десяток лет!

¹ Самса – самостоятельное блюдо, схожее с пирожком с начинкой.

От зноя изнывает, зябнет в холод,
Подслеповато щурится на свет.

Он говорит, что *просто лечит время* –
Ни много и ни мало, словно Бог!
Меж делом пьет чаек и даже дремлет,
До ночи не ступая за порог.

В окошко примет сломанный будильник
И – винтик к винтику – разложит на столе:
Он рад на долю выпавшей рутине –
С такой работой некогда болеть!

Приладит споро старенькую лупу
К слезящемуся глазу и замрет;
Выпячивая от усердия губы,
Всем телом наклоняется вперед.

А руки его нежно, как ребенка,
Ласкают заболевший механизм:
Колесики, пружинки, шестеренки –
Он дарит им сейчас вторую жизнь...

Протрет до блеска лица циферблатов,
Научит стрелки заново ходить,
И, выставив часы, минуты, дату,
Заставит все детальки снова жить...

Среди базарной суеты крикливой,
В каморке, без претензии на шик,
Полвека для души, не для наживы,
Врачует время старый часовщик....

Апрель 2018

Из книги вырвана страница

Уже примерил вечер грустный
Прозрачных сумерек наряд,
А на базаре захоластном
Еще гудит торговый ряд.

Купить самсу здесь можно было,
Фигурки сахарные, курт¹;
Орешков разных – с жару, с пылу –
Всегда попробовать дадут.

Держу полтинник наготове:
– *Насыть мне семечек, опá²...*
А взгляд – все интересно, внове! –
На томик Пушкина упал.

Из книги вырвана страница,
Кулечек скручен небольшой...
– *Шайтан давал, – узбечка злится, –*
Мне книжка маленький какой!

Уже неведомый фонащик
Зажег огни вдоль мостовых,
Уже небес открылся ларчик
С плеядой звездочек нагих.

Был горизонт луной украшен –
Огромен лик ее и чист...
Вместились семечки в кармашек,
В руках верчу измятый лист.

¹ Курт – сухой кисломолочный продукт.

² Опá – старшая сестра (узб.) – так обращаются к женщине в Средней Азии.

Темно. Но все же разглядела,
Застыв под старым фонарем,
Колонки слов. И полетели
Минуты с Пушкиным вдвоем:

**«Я вам пишу – чего же боле,
Что я могу еще сказать?..»**
Текст вперемешку с грязной солью,
Но как легко его читать!

**«Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом...»**
Заглядывал в окошко вечер,
Дремал уставший старый дом.

А я все гладила листочек,
Вложила в книгу меж страниц.
От магии великих строчек
Слезинки капали с ресниц.

В ту пору мне, десятилетней,
Смысл не совсем понятен был,
Но кто-то свыше ночью летней
Мне дверь в прекрасное открыл...

Крещенский вечер

Нарядны комнаты, чисты...
В преддверье праздничного чуда
На стол расставлена посуда,
Стучат размеренно часы,
Отсчитывая время впрок...
В большом окне, как на картине,
Видна снежинок паутина,
И месяца озябший рог.

Январь уже устал снежить,
Устал встречать в потемках утро,
И в подворотнях выть занудно,
И лесу белый саван шить...
Заглянет в теплый дом тайком,
Чтобы опять полюбоваться
Огня неистового танцем –
Он с ним давным-давно знаком...

Трещат сухменные дрова,
В камине корчатся, сгорая,
По половицам тьма ступает,
И слышен гомон со двора –
Полозьев скрип, и смех задорный
Звучат перед крыльцом узорным;
Колоколов далекий звон:
Динь-дон, динь-дон, динь-дон, динь-дон...

Как сказочно прекрасен, строг
Крещенский вечер... Ночь встречая,
Он, никому не докучая,
Уйдет тихонько за порог...

Сентябрь 2018

Помню двор наш в час полночный
Помню двор наш в час полночный,
Там темно и тихо-тихо;
Слышно – лопаются почки,
И растет трава... Поди-ка...

Там отец в сторонке курит,
Дымом греясь поневоле...
Раскричались со всей дури
Петухи... Их время, что ли?

И опять стоит привычно
Тишина... И только слышен
Говорок воды арычной
Да поскрипыванье вишен...

По карнизу ходит кошка,
Ветерок белье полощет,
Все как есть, не понарошку, –
Просто жизнь... Куда уж проще?

Что это? Весны затеи,
Или ночь наколдвала?
Знать бы, где наш двор затерян
С покосившимся дувалом.

До сих пор отец там курит,
Каждому внимая звуку,
И горланят со всей дури
Петухи на всю округу...

Декабрь 2022

Часы в квартире тикают
Бродяжка-ночь безлика
Похитила мой сон,
Часы устало тикают
С дыханьем в унисон.

Отсчитывают стрелочки
Над пропастью шажки,
Такой, казалось, мелочью
Спасая от тоски.

Секунд резные капельки
Оставлю «на потом»,
Чтоб, звонкие, как сабельки,
Не разбудили дом.

В ладони не вмещаются –
Так много их уже!
Ночная темень мается
В прозрачном неглиже...

Сверчки настроят скрипочки –
Без музыки невмочь!
Секунды прочь на цыпочках
Бегут, догонят ночь...

Июль 2017

Ночью у окна

Мне отчего-то совсем не до сна...
Встану с постели, замру у окна:
В мир посмотрю законный,
Таинства лунного полный.

Буду стоять может час, может два,
Теней игру различая едва:
Тихо на улице нашей,
Дерево ветками машет.

Кот пробежал по кошачьим делам,
Тут же устроил в кустах тарарам...
Вот проезжает машина –
Словно крадется на шинах.

Дело другое – автобус ночной:
Вдоль спящих улиц он мчится стрелой:

Поздних везет пассажиров –
Где-то их ночь закружила.

Стайка подростков... Смеются, галдят:
Спать они явно пока не хотят,
Криком весь дом разбудили...
Да... Молодежь распустили...

Вот пешеход не спеша прошагал –
Ночь к нему тоже, как видно, строга:
Он не уснул почему-то,
Вышел приветствовать утро.

Птицы проснулись, устроили гвалт –
Каждая свистнет на вкус свой и лад,
То-то чудесные трели!
Все бы так складно умели!

Звезды погасли одна за другой,
Вспыхнул восток ярко-алой каймой...
Тихо на улице нашей,
Дерево ветками машет...

Октябрь 2022

Часы остановились, не идут
Часы остановились, не идут,
И стало пусто, неуютно в доме,
И ничего нет, ожиданья кроме,
И тишины, что здесь нашла приют...
Часы остановились, не идут...

Ах, сколько лет они служили нам,
Отсчитывая быстрые секунды –
Порою звонко, а порою нудно,

И место оставляли чудесам.
Ах, как давно часы служили нам!

Вы помните? Приходит Новый год,
И громкий бой: одиннадцать, двенадцать!
Со старым годом время расставаться,
И Нового уже пришел черед!
Вы помните их бой под Новый год?!

Они стучали: рас-пах-ни-те дверь!
Впустите вольный ветер спозаранку,
Уныние скрутите в рог, в баранку!
Они кричали! Верь – или не верь,
Но утром мы распахивали дверь!

Они все время шли куда-то, шли,
И днем, и ночью тикали отважно,
Без их шагов нам становилось страшно –
Они и нас, как за руку, вели,
И сами, торопясь, куда-то шли...

И вдруг остановились, не идут,
Их стрелки замерли на полуслове,
Испуганные тени в изголовье
Застыли, и в углах и там и тут –
Часы остановились, не идут...

Октябрь 2021

Я помню снег, я помню зиму
Я помню снег, я помню зиму,
И лампочку «мышинный глаз»...
А жизнь... Она летела мимо,
Не удостоив взглядом нас.

Там где-то в новеньких «Победах»
Девчонки, в шубки разодеты...
Вот это жизнь, вот это класс!
Всё где-то там, всё мимо нас.

И хороводы, и подарки,
Нарядных елок торжество,
Там где-то мир веселый, яркий,
Похожий сплошь на волшебство.

Стекло витрин надменных, стильных,
Гирлянды праздничных огней...
А в нашем доме «глаз мышиный»
Как украшение зимних дней...

Беленых голых стен сиротство,
Скрипят, пугая нас, полы...
Все лучшие места под солнцем
Уже разобраны, увы...

А нам досталось – что досталось,
Вот так всегда и будем жить –
Ждать лучших дней, копить усталость,
Порой и вовсе волком выть!

Носить ремки с плеча чужого,
Давиться скудной едой...
Но почему хочу я снова
Вернуться в прошлое, домой?!

Туда, где притаилось детство,
Где лампочка «мышиный глаз»,
Где просто так душой и сердцем
Отец и мать любили нас...

Захолустье

Захолустье захолустьем –
Ряд домишек невпопад,
Под ногами листья, прутья,
За калиткой – сад не сад...

Стен убожество, заборов,
Крыш полуистлевших плач –
В землю вбитый до упора
Символ чьих-то неудач...

Безнадежный – даже страшный! –
Тот окраинный район,
Смотрит днем позавчерашним,
Взятый временем в полон...

Не расправит гордо плечи –
Закрома его пусты,
Пересолен, переперчен
Затхлым духом нищеты...

Здесь рождались, как-то жили –
Может, даже хорошо!
Печи намертво остыли –
Все уродства нагишом!

Вместо битых стекол – пленка,
Луж зловонных череда;
Но еще скрипит колонка,
Льется ржавая вода!

За геранями в окошках
Стариков мелькает тень,

И котят худая кошка
Все таскает под плетень...

Захолустье захолустьем –
Ряд домишек невпопад,
Под ногами листья, прутья,
За калиткой – жухлый сад...

Октябрь 2017

Танцплощадка

У сельского клуба
Вкруг старого дуба
Вовсю гомонит молодежь...
Танцпол деревянный,
Немножечко пьяный,
Кривой, но для них он хорош!

Под музыку вальса
Соседская Валька
Танцует, ей все нипочем!
Под музыку танго
Бедовая Танька
Кокетливо водит плечом.

Аккорды бостона...
И вот уже Тоня
Отчаянно бьет каблучком,
К ней Васька с окраин –
Задиристый парень! –
Несмело подходит бочком.

Гудит танцплощадка...
Здесь юбочки в складку,
Платки на девичьих плечах,

Здесь челки и косы,
Ответы, вопросы,
Смешки, переглядки сельчан.

Ботинки со скрипом
У Ваньки, Филиппа,
Волной из-под кепок чубы.
Становится жарко,
Подметок не жалко!
Кто спляшет-то, если не мы?

И кружатся пары –
Никиты, Варвары,
И кругом земля, небеса,
Здесь нет равнодушных –
Все ритму послушны,
Любимых певцов голосам.

Гудит танцплощадка...
Настойчиво, сладко
К себе приглашает кадрили,
И смена партнеров
Приходится впору,
И стать впечатляет, и стиль.

Как самозабвенно
В краю довоенном
Танцует, поет молодежь!
Баян подустанет –
Пластинку поставят!
Как вечер погожий хорош!

Цыганочка, полька...
Устали? Нисколько!!!

Давай-ка нам барыню, брат!
На досочках шатких
Плывет танцплощадка
Куда-то в багровый закат...

Ноябрь 2022

Дивная песня Леграна

Зонтики хрупкие, ветер,
Листьев багряный ковер,
Стук каблучков на рассвете,
Серого неба шатер...

Слышите? Осень играет,
Вспомнив о чем-то своем,
Дивную песню Леграна
Вместе с уставшим дождем...

Томная грусть саксофона,
И листопада шаги,
С шармом французским исконным,
Шепотом сонной реки...

В ней недосказанность, нежность,
И расставания боль,
Робость, на встречу надежда,
В ней и печаль, и любовь

Вкрадчиво, трепетно, тонко,
Словно круги на воде...
В звуках пленительных тонет
Чуть народившийся день...

Мокрые лавочки в парках,
Птиц улетающих клин...

Будто бы уголья, жарки
Спóлохи красных рябин...

Тают обрывки мелодий
В сером пунктире дождей...
Осень по улицам бродит
Средь силуэтов людей...

Сентябрь 2020

Снег в чужом городе

В городе этом бывала когда-то –
Час возвращенья и горек, и сладок...
Снегом встречают меня перекрестки,
Ветром сердитым – безудержным, хлестким...
Все здесь осталось, как было однажды:
От захолустий – до многоэтажек,
От дребезжащих холодных трамваев –
До перехода «железки» на сваях...

Я узнаю и помпезную арку
В центре унылого зимнего парка,
И фонарей чуть мерцающий росчерк,
Пристань речная все так же хлопочет;
Даже вокзала облезлые двери,
Кажется, в жизнь свою вечную верят...
Город меня узнавать отказался –
Хмурым, холодным весь день оставался...

В сумерках тают ледышки-обида,
Старых домов и сараев хламида...
Снег в чужом городе – липкий и мокрый –
Скрыл от меня леденцовые окна,
В шарфы укутал знакомые лица –
Он не позволит мне снова влюбиться,

И не позволит коснуться бывшего –
Встретиться взглядом, обмолвиться словом...

Снег занавесил сплошной пеленою
Дворик, где мы повстречались с тобою –
Он сторожит твою позднюю осень,
Словно не знает, не ведает вовсе:
В бедах твоих я ничуть не повинна,
Мне быть должно нестерпимо обидно...
Да, я сбежала, а ты не заметил,
В новой любовной запутавшись сети.
Это потом ты метался по свету –
Стылой зимою искал наше лето...
Я излечилась в разлуке от боли,
Той, что в стихах величают любовью...

Дом мой отсюда далеко-далеко,
А у любви нет ни края, ни срока...
Вот и скитаюсь по улочкам здешним,
И вспоминаю их в облике вешнем:
Буйство сиреней, кудрявые клены,
Нас – молодых, безрассудных, влюбленных...
Снег в чужом городе – мокрый и липкий –
Гнет в три погибели старые липы...

Июнь 2018

Ночь куда-то уводит меня

Чуть заметными росными тропами
Ночь куда-то уводит меня,
Лес в ладоши зеленые хлопает,
В небе звезды-стекляшки звенят.

Мы слоняемся с ней неприкаянно,
Мимо рек и пустынь босиком,

А на сердце тревожно и маятно –
Ночь откуда-то знала о том...

Но не выдала тайну, не выдала,
Утешала меня как могла...
Бледный месяц нам страшно завидовал,
И густая замшелая мгла...

А вулкан на заснеженном полюсе
Вдруг изверг фейерверком нутро;
Наблюдали за нами и пропасти,
И железных дорог полотно...

И с высот небывалых, заоблачных,
Горы тоже увидели нас:
Ночь и я по дороге проселочной
Шли куда-то в безвременный час...

И опять неприступными тропами
Ночь меня в мои сны уведет,
Лес в ладоши довольно захлопает,
Звезды будут водить хоровод...

Май 2019

Никому не верь, бродяга

Он идет, укрывшись небом,
Вдоль речушек, вдоль дорог;
За спиной котомка с хлебом
И живой воды глоток.

Он идет, чутью доверяясь,
Не считая долгих дней –
То в лесу походкой зверя,
То на свет чужих огней,

То с ночью тьмою слившись,
То в тени приют найдет.
Никому не нужный, лишний,
Он идет, идет, идет...

Мимо сел, полей, погоста,
Не сдаваясь, вопреки,
И никто открыто, просто
Не подаст ему руки.

Сам себе король, прислуга,
И богач, и нищевод,
Обошел весь мир по кругу,
В океане сыщет брод.

Он кладет недели, годы –
Без разбору, просто так, –
На алтарь шальной свободы:
Кто он? Праведник? Чудак?

Под луной идет шербатой,
Вязнет по уши в снегах,
Шепчет жизни полосатой:
– *Правда все-таки в ногах!*

Снегу ты не верь, бродяга –
Он обманет и предаст:
Слишком хрупкий, не во благо,
На пути настелет наст.

Ветру ты не верь – он свистом
Манит к черту на рога:
Он и сам, как черт, неистов –
Хуже злейшего врага.

И дороге бесконечной
Вкруг планеты всей не верь:
В колее разбитой встречной
Сохранилась боль потерь.

Никому не верь, бродяга,
Жизнь хлебная через край,
И в жестоких передрагах
Сам себя не потеряй...

Январь 2016

Мне ужасно нравится этот белый свет

Я стараюсь справиться
С мельтешеньем лет –
Мне ужасно нравится
Этот белый свет!

Небеса безумные
Выплеснут дожди,
В дали наобумные
Весело идти!

Местные и пришлые –
Все в одном котле,
Сны летят над крышами
В серебристой мгле.

А под утро падают
В озеро надежд –
Всех оно порадует:
Умных и невежд.

Только счастья каждому
Узелочек свой –

В них ряды калашные
И морской прибор.

Правда там сермяжная,
Бедности порог,
И чего-то важного
Тайный уголок.

Вера-бесприданница,
Материнства рай...
Нравится не нравится –
Молча забирай!

Развязала узелок:
Что ж, мне повезло!
Дом и дети, радость впрок,
Много добрых слов.

И друзья, каких сыскать
Многим не дано,
Как же все не расплескать,
Сквозь проблем рядно?

Я люблюсь этим всем
В мельтешенье лет,
Зная в горе и красе
Этот белый свет...

Февраль 2017

Шар земной на моей уместился ладони

Шар земной на моей уместился ладони –
Словно теннисный шарик в руке малыша...
Где-то там – то ль в Гоморре, а, может, в Содоме –
Тихо плачет столетия чья-то душа.

Она видела все, она слышала стоны,
Она знает и помнит так много имен...
Над пустыней сегодняшней – пыльной и сонной –
Жаркий ветер кружит – вечный пленник времен...

Успокоит он душу... Да только надолго ль?
И стыдливую память на свет извлечет,
А она соберет тех событий осколки...
Знать бы, сколько воды до тех пор утечет?

Без утайки расскажет правдивая память
Обо всем, что здесь было, слезинки утрет.
Ужаснувшись, захочет все так и оставить,
Только теннисный шарик с ладони собьет.

И он будет катиться, гонимый ветрами:
Шар земной? Или все-таки теннисный шар?
А пустыня, забытая всеми богами,
Не смогла и не сможет забыть тот пожар...

Август 2020

Дмитрий Коломенский

Стихи

* * *

Познакомьтесь: это Вера Петровна – она людоед.
И не то чтобы Вера Петровна варила людей на обед – нет!
И не то чтобы Вера Петровна кралась в ночи тайком,
Поигрывая клинком, потюкивая клюкой, поцыкивая клыкком –
Вот опять-таки нет! Вера Петровна растет как цветок:
Если дует западный ветер – клонится на восток,
Если дует восточный – на запад. И, что важнее всего,
В эти моменты Вера Петровна не ест никого.

Но когда начальник – не важно, велик ли он, мал –
Рассуждая публично о мире и счастье, подает особый сигнал,
Некий знак – то Вера Петровна считывает его на раз.
И тогда у нее распрямляются плечи, загорается красным глаз,
Отрастает религиозное чувство, классовая ненависть,
девичья честь –

И она начинает искать кого бы съесть.
Обнаружив враждебный взгляд, ядовитый язык, неприятный нос,
Простодушная Вера Петровна пишет донос,
Изошренная Вера Петровна пишет пособие или статью
Под названием «Наиболее полный перечень рекомендаций
по выявлению и пресечению деятельности
политически вредных элементов,
мешающих России подняться с колен и жить в раю».

Самая-самая Вера Петровна знает, что за так человечинки
не поднесут,
И устраивается работать в полицию, прокуратуру, суд –
Там и мясо свежей, и поставки бесперебойней, и устроено все
по уму;
И вообще, в коллективе питаться полезней, чем одному, чему

Существует масса примеров – в любой стране и во все века.
А уж соус, под которым человечинка наиболее сладка,
Выбирается в соответствии с эпохой, когда устанавливаются
Нормативы и параметры заготовок людского мяса.

Но потом времена меняются, начальство сигналист отбой.
Тут же Вера Петровна никнет плечами, красный глаз меняет
на голубой

Или карий; чувства, ненависть, честь умеряют пыл –
Человек становится с виду таким же, как был.
И мы едем с Верой Петровной в автобусе, обсуждаем дела –
Что редиска в этом году не пошла, а картошка пошла,
Что декабрь обещают бесснежный. И тут я вижу, что
Она как-то странно смотрит, будто пытается сквозь пальто
Разглядеть, какую часть меня – на жаркое, какую – в щи...
– Да и с мясом сейчас непросто, – говорит, – ищи-свищи –
Днем с огнем не найдешь пристойного.

Открываю рот.

Что сказать – не знаю, куда бежать – невдомек.
А мотор урчит, сердце стучит, автобус ползет вперед
И в глазу у Веры Петровны кровавый горит огонек.

09.10.2018 г.

Жестокый романс

Он был упертый антиваксер,
Она – прививочников дочь.
Он предложил поцеловаться.
Она была вполне не прочь.

Он объявил ей план на вечер:
Прогулка в парке при луне,
Вино, приятный ужин, свечи.
Она не прочь была вполне.

Тогда он двинул наудачу
Про свет любви и все дела,
Про то, что родители на даче...
Она не прочь вполне была.

И вот, когда со стуком на пол
Упал башмак и, как во сне,
Пока ее он мял и лапал,
Крестились тени на стене,

Когда открылся, словно в сказке,
В чертог любви заветный ход,
Она, не прерывая ласки,
Потребовала QR-код.

На всякий вход положен код –
Вот-вот, с гарантией на год.

Он зарыдал, сдержать не в силах
Тоски, которой нет больней,
И вместе с ним заголосила
Тень, распластавшись по стене.

Но холод, зябок и болотен,
Уже никак не мог унять
Жар раскаленной страстью плоти.
И он вскричал:

– Бери меня!

И, хоть, по сути, это скверно,
Я уколюсь – да будет так!
А там хоть «Пфайзер», хоть «Модерна»,
Хоть бесполезный «ЭпиВак»!

Она осталась ждать и верить.
Он, помолясь бог весть кому,
Слегка притормозил у двери,
Но сплюнул и шагнул во тьму.

В ночи шныряли проходимцы
И кто-то судорожно выл.
Пункт вакцинации светился
Зеленым светом неживым,

И там, поухивая глухо,
Не различая черт и лиц,
Седая медсестра-старуха
В людей вонзала адский шприц.

Глаза ее светились ало,
В них вертикальный стыл зрачок.
– Иди сюда, – она сказала, –
Разденься и подставь плечо!

Она иглу в него вонзила,
Скривив такой улыбкой рот,
Какою скалится Годзилла,
Когда кого-нибудь пожрет.

И тут же он переродился
В большую страшную змею,
Билл Гейтс в мозги его внедрился,
В разы повысив их IQ.

Но, тепля искорку сознания
И память о любви, с трудом,
За метром метр, от зданья к зданью
Он повлачился в отчий дом.

Но там уж не было подруги,
И след давно простыл ея,
А за столом угрюмым кругом
Сидела вся его семья.

Отец едва взглянул на сына
И с отвращеньем произнес:
– Что, сынку, помогла вакцина?
Нас променял на бабу, пес!

– За что, за что ко мне вы строги?
Я ж по любви! Не надо ссор!..
Мать молча сплюнула под ноги
И хладно отвернула взор.

И без особых препирательств –
Прошли, прошли их времена –
Из-за стола поднялся братец:
– Эй, ваксер, убирайся на!

Любви твоей – пятак цена.
А кто не с нами, тем хана!

И раненый, как гусь дробиной,
Подстреленный фортуной влет,
Он поспешил к своей любимой –
Она утешит и поймет.

Но нет ее, она далече:
Ее папаша – главный врач –
Чтоб был микроб любви долечен
И не возник ненужный срач,

Чтоб о семейном их позоре
Не разносили всякий вздор,
Услал бедняжку в лепрозорий –
В Саратов, к тетке под надзор.

Любовь не лупит понарошку,
Не брать ее в расчет нельзя.
Он отыскал ее окошко,
В Саратов желтый приползя.

Что, «приползя» сказать нельзя?
Я передам ему, друзья.

– Любимая, ты ангел рая!
Открой, открой окно скорей!
Прости меня, я умираю
От вакцинации твоей.

Я мыслью о тебе лишь грелся.
Что сплетни мне? Что лести лоск?
Но интеллекта Билла Гейтса
Не в силах выдержать мой мозг!

Меня к себе могила тянет,
А ты – животворящий свет.
И, прежде чем меня не станет,
Хочу услышать твой ответ.

И, чуя, как слабеет тело,
Он поднял взгляд прощальный вверх.
Она в ответ прошелестела,
Как облетающая ветвь:

– Моя любовь к тебе окрепла.
В свой смертный миг ее храни.
Но я тут заразилась лепрой –
Нас от нее не вакцини...

Ночь разливала сны и гнилость,
И было что-то возле двух,
Когда они соединились
И тут же испустили дух.

Он черен, будто мазан ваксой.
Она белее молока.
А кто там ваксер, антиваксер –
Не разобрать издалика.

Важней иное: кто б ты ни был –
С людьми на «вы», с людьми на «ты»,
Нес серный смрад, светился нимбом,
Ценил рубли, ценил цветы,

Хилял хоть в ватничке, хоть в рясе,
Пил водку или пил боржом –
Ищи любовь в своем карассе¹
И не ищи любви в чужом.

23–24.11.2021 г.

* * *

Мы люди Севера, а ныне дети Юга.
Нас тьмы и тьмы теперь, мы выбрались из тьмы,
Где правит смрадный бал не вьюга – Кали-юга,

¹ Карасс – один из терминов вымышленной Куртом Воннегутом в романе «Колыбель для кошки» религии боконизма, описывающий нечто вроде трансцендентной связи людей в группы одного карасса. (*прим. ред.*)

Тюрьмой грозит, сумой, и лучшие умы
Твердят, скосив глаза от злобы и испуга,
Что Русь переживет и без таких, как мы –
Предателей, чистюль, наделавших в штаны,
Продавших честь страны за фуа-гра и фугу.

Что взять с них? Ничего. Молчи и не перечь им,
Но сохрани лицо, членораздельность речи,
Отфокусируй взгляд, фильтруй дурную взвесь,
Храни с десяток книг в дорожном чемодане.
А уж наступит ли желанный миг свиданья
С прозревшей вдруг страной – не спрашивай. Бог весть.

05.08.2022 г.

* * *

Один мой друг, рассорившись с женой,
Красивою, талантливой, живой,
Ушел к другой, не менее красивой.
Сообщество галдело восемь дней
На тему «как он мог?» и «что он ей?»
С завидною, но гаснущею силой.

Отнюдь не в результате галдежа
Другой мой друг, от ярости дрожа,
Расторгнул с первым всяческие связи –
Короче, там, где пенилось вино,
Теперь зияет мутное пятно
Нелечашей, неистребимой грязи.

Еще был третий друг. Так этот друг
О первом написал настолько вдруг,
С такой неукротимостью ретивой,
Как будто бы свою жену с детьми
Не бросил пару лет назад в Перми,
Что шло вразрез с публичной инвективой.

А я был друг им всем. Я всем им друг.
Мы вместе составляем тесный круг,
Неотменимый в том ли, в этом месте,
Где каждый есть всего лишь то, что есть,
Где честь не в том, чтоб всюду петь про честь,
А в том, чтоб не бросать друзей в бесчестье.

Нет, я не всепрощеньем заражен,
Но, сам предавши пару-тройку жен
И оправдания себе не видя,
Смотрю на эти игры трех волчат –
Как бороды воротят, как молчат
В своей непробиваемой обиде –

Смотрю и ощущаю кость и лед.
Я знаю: их сегодня не проймет
Ни смех, ни водка, ни иное что-то.
А мы, кому их мир нужней, чем им,
Все суетимся, все чего-то мним,
Надеемся на что-то, идиоты.

Но, думаю, настанут времена –
Вокруг моих друзей взойдет стена
Превыше той, что между них торчала.
Тогда эпоха станет им чужда,
И даже многолетняя вражда
Покажется связующим началом.

Они сойдутся, потому что враг,
Враждующий с отдачей и без врак,
Способен дать надежную опору,
Когда теряешь почву в гуще дней,
Когда стоишь во мгле судьбы своей,
Для всех кругом некстати и не впору.

Они сойдутся где-то за столом
Не для того, чтоб вспомнить о былом,
Не для того, чтоб как-то объясниться,
А просто – перебрать остаток лет,

Сказать слова, которых больше нет,
Залить вином померкшие глазницы.

Я буду счастлив там, где буду я,
Почувяв этот выплеск бытия
И думая, что, мучимых преддверьем,
Почти слепых, беспомощней котят,
Нас даже жены бывшие простят.
Хотя в последнем не вполне уверен.

14–15.01.2013 г.

Подражание для Гриши

Жалко, Гриша, что не был ты с нами в черном от влаги лесу, в шепоте вод по крышам!

Там Жека, соскучившись, сладким кремом выводит имя твое на корочке горького кекса.

Вика тебе подарила б звезду – одну из шести! – со своего погона.

Маша сделала б снимок – безумно прелестный хотя бы уже потому, что на нем ты был бы с нами.

Ты бы увидел, как сребробородый злодей Якимов кладет прекрасные пальцы на гриф, будто бы душу твою обнимает.

Анька бросила бы пить и курить от тоски, а если б пила и курила, то только от радости и только с тобой.

Знаешь, Гриша, кажется мне иногда, что если бы ты к нам приехал, то Сережа с Наташей повременили бы умирать –

Глупость, конечно, однако за каждую глупость цепляешься, как за соломинку, как за пушинку, как за...

Жалко, Гриша, что ты не смог повидаться с нами.

Мы до сих пор стоим под дождем на раскисшей поляне – горе над нами кружит, счастье над нами кружит – и ожидаем тебя.

12.07.2017 г.

* * *

– Он засветло проплыл по медленной реке.

– А вы?

– А мы тогда вон там, на бугорке,

Мы пили чай.

– Вы – чай?

– Ну, догонялись водкой –

Суббота ж, все дела, и завтра выходной.

Так вот, он плыл – не плыл, он как бы был волной.

– Он был на лодке?

– Нет, он, типа, сам был лодкой.

Он на воде лежал, как летом на траве,

Он не глядел вперед, он вверх глядел, и две

Руки, как два весла, порой вздымались сбоку.

– А что над ним?

– Над ним? Обычный небосвод.

– И что он видел там?

– Да кто ж его поймет?

– И все же?

– Облака, след птицы, пятки Бога.

Вокруг него паслась глубокая вода.

Мы крикнули ему: «Чувак, давай сюда!

У нас тут чай, еда и кое-что получше.

На небе правды нет, хоть год в него глазей,

Но если ищешь ты участия друзей –

Причаливай скорей, и здесь его получишь».

– А он?

– Махнул рукой – мол, как-нибудь потом.

Его несло туда, где ниже, за хребтом,

Широким языком река впадает в море.

Там изумрудна тишь, там окончанье рек,

Там обездвижен ток и там безлюден берег

И вылизан волной, как будто бы намолен.

Но праздник наш угас, веселье улеглось:

Всего один толчок – и рушится колосс,

Какой-то эпизод – и плюс уходит в минус,

Немеют языки, скучнеют голоса,

На все ложится хмарь, унылая роса –

Иссяк сердечный жар, исчезла Божья милость.

И вот мы разошлись во тьму по одному,

Но стопочку одну оставили ему.

– Ну почему?

– Да так, должно быть, суеверье.

Представь: вот он придет, раздвинет мрак ночной
И будет до утра под черною луной
Стоять, как блудный сын пред запертою дверью.

– Ну ладно, это все?

– По большей части да.

Но, знаешь, поутру я вновь пошел туда –
Хотелось погасить хоть капельку пассива.

– И что там?

– Ничего. Покой и пустота,

И странные следы, и стопочка пуста,
И в небе в трех местах, начертано «спасибо!».

09.01.2023 г.

* * *

Арсений Петрович беседует с кленом
О марте беленом, о мае влюбленном,
О лете зеленом, поросшем травой,
Как в оные дни пятиклассник Арсений
Сажал этот клен в суматохе весенней.
И словно в насмешку над бедами всеми,
И клен не засох, и Арсений живой.

Рассеяно клен ощущает корнями,
Как где-то под ними неясным цунами
Рождается звук, нарастает, живет –
Там поезд летит сквозь подземную полночь,
А в поезде дремлет Аркадий Семеныч,
Служебный портфель уложив на живот.

Он спит, и прекрасны его сновиденья –
Они к потолку поднимаются тенью,
Проходят сквозь почву, тревожа растенья,
Впадают ручьем во всемирную ночь.
– Аркадий Семеныч, а что вам и кто вам
Пригрезился нынче? – Татьяна Седова...
– Седова? – И поезд уносится прочь.

А в угольном небе Татьяна Седова
Смеется, к чему-то такому готова,

Что нам и не снилось, снежком порошит
Из горних трущоб, из предвечных утробищ.
И пляшет под снегом Арсений Петрович,
И клен облысевшею кроной шуршит.

24.11.2014 г.

* * *

Тамаре Лебедевой

Чужая речь с протяжной нотой,
Где сквозь певучие длинноты
Процежен смысл привычных фраз;
Приземистый, курганный говор,
Разросшийся поверх другого –
Камыш, пропекшаяся грязь,
Кирпич саманный, соль и глина.
Гляди: речная горловина
Выталкивает в море ил,
Застойный запах, дух укропный,
Обломки меркнувшей Европы,
Разводы охры и белил.
Гляди: лепной карниз амфирный
Стал частью варварской кумирни,
Но в этом хаосе сквозит,
Как троп в навозе новояза,
Скупая греческая ясность,
Неразличимая вблизи.
Гляди, как дерево и камень
Друг друга жрут, давясь кусками,
Стуча, скрипя, крошась, гния,
И как, смеясь и тем, и этим,
Степной неутолимый ветер
Кроит развертку бытия.
Сиди себе, вдыхай со всеми
Пот кочевой, дымок осенний,
А возле твоего лица,
Органые возвысив стебли,
Шумит камыш – мертвее степи,
Мертвее Мертвого Донца.

04.10.2017 г.

* * *

Что там Харьков? Харькова нет.
От него остался скелет,
Череп, выбитые глазницы,
Пасть руинная. Город пуст –
Харьков-хрип это, Харьков-хруст.
Он ночами мне будет сниться.

Что там Киев? Киева нет.
Он заварен в бронезилет,
Он поглубже прибрал веселье,
Зубы сжал и глядит туда,
Где топорщит хитин орда,
Догрызая весну и зелень.

Что там Питер? И Питера нет –
Лишь водой уносимый след,
Только отсвет во мраке стынет.
Это летних ночей белок
Или выжатый жизнью Блок
Жжет костер в ледяной пустыне?

Женька съехала, съехал Марк
Жрать в Америке свой бигмак,
Съехал Влад, прикопив валюты.
А Сережа пустился в рост –
Отрастил себе шерсть и хвост,
Стал как все нормальные люди.

Бродит шобла, бряцая туш,
Средь разрушенных наших душ,
Морды скотские нам кроя. Мы
Здесь как вытопанная трава.
– Что за ямища там?

– Москва.

– Отойдите от края ямы.

22.03.2022 г.

Михаил Язмир

Над пропастью

К пяти вечера вышли к вершине. Гора стала совсем пологой, почти горизонтальной. И голой – ни деревца, ни кустика. Под ногами только щебенка да коротенькая травка. Одним словом – голец. Скалистые истоки ручья, по нему мы поднимались, – теперь они далеко внизу! Горизонт упирается в потемневшее небо. Подул ветер – не сильный, но стало холоднее. Вечерет, да и высота чувствуется – два с половиной километра, от уровня моря, конечно...

– Пора обратно, – промолвил Федя, – жаль, что вершина скрыта под щебенкой. Может, спустимся вон через тот холмик? Похоже, его край скалистый, а спуск вниз – более пологий.

– Само собой, – согласился я. Мне, как и ему, хотелось посмотреть, из чего сложена верхняя часть горы... Бредем потихоньку с наполненными рюкзаками.

Холмик как тибетейка – совершенно круглый. Под ногами, увы, все та же щебенка. Теперь наш путь только вниз под уклон! Если бы мы знали, куда ведет этот уклон! Шагаем. Так прошли мы около километра и оказались на совершенно гладкой, отполированной как у яйца, поверхности, полого опускающейся к западу, в нужную нам сторону...

На голой скале все видно. Это гладкие отмытые известняки. Спускаемся все ниже. Федя опередил меня. Я задерживаюсь, чтобы отколоть и положить в рюкзак кусочек породы, а он идет без остановок.

Становится все круче. Топаем по все той же гладкой тверди. А она наклоняется уже настолько, что идущий метров на десять впереди меня Федор, скрывается из виду.

– Как там, Федя? – спрашиваю я.

– Можно двигаться, – отвечает он.

– А сейчас?

– Терпимо.

А поверхность скалы становится такой, что я уже не могу идти. Я способен только сползать вниз, спиной к скале, сдерживая свое тело и

руками, и ногами от непровольного скатывания вниз. Очень круто!..

– Ну что там, Федя?

Федя что-то кряхтит, отмалчивается... Я сползаю еще на метр, и вот он, момент истины!.. Федя всего в двух метрах левее и ниже меня. Мы оба прижимаемся спинами к гладкой, круто, почти вертикально стоящей стене.

Я изогнулся, чтобы посмотреть – что дальше, и голова закружилась – мы прилепились возле карниза над пропастью!..

Федя, как и я, держится на руках, но стоит на одной ноге. Правую ногу он то выпрямляет, то сгибает в колене – исправляет привычный вывих...

– Чертова нога! – цедит он сквозь зубы, – вывихивает, когда не надо!..

Ну, Моисеич, мы попали! Надо выбираться обратно... Чертова нога...

А я прилип, словно распятым, к этой стене, опираясь и руками, и пятками ног в еле заметные ямки. И не могу пошевелиться. Подо мной пустое пространство – метров двадцать – высота пяти-шестиэтажного дома. Внизу под этой неумолимой пустотой видна россыпь, заполненная огромными неровными каменными глыбами...

Руки дрожат, от высоты плывет голова, и тело кажется легким, как пушинка... Ветром, похоже, сдуть может...

Ну сколько я могу продержаться в этом положении? Десять-пятнадцать минут... а потом?.. И Феде надо выбраться, а я преграждаю ему путь.

Движение первым должен начать я. Мне первому нужно решиться. Решиться на какие-то секунды почти оторваться от скалы, чтобы повернуться лицом к ней. А если хоть одна песчинка соскользнет из-под рук или ног, и я лишусь всякой опоры?..

Нет, я еще не решился. Этот акт страшит. И я тяну. Идут секунды. Для начала я должен освободиться от стесняющих мое движение тяжелого рюкзака и полевой сумки. Осторожными движениями плеч и рук я освобождаюсь от рюкзака, и он летит в пропасть. Я вижу, как сначала рюкзак ударился о край карниза, а затем, перевернувшись, вошел в какой-то

странный замедленный полет. Вижу его удар о камни и слышу смягченный расстоянием тупой шлепок. За рюкзаком следуют молоток и полевая сумка. Их траектория и удары о камни не оставляют никакой надежды. В душе возникает тошнотное чувство страха. Руки трясутся. Гоню воображение... Единственный способ спастись – повернуться! Это надо! Надо!..

И я обрываю строй мыслей и губительное воображение. Я рву связь со своим прошлым и будущим. Я оставляю для себя только теперешний миг, только узкую щель окружающего пространства... И этого достаточно, чтобы превратиться просто в животное, которое в данный момент борется за жизнь...

И я мягко и, неожиданно для себя, словно кошка поворачиваюсь и цепко, как ящерица, ползу вверх по круче, используя каждую трещинку, каждую ямочку в ее гладкой твердой поверхности. Мне кажется, что с такой страстью и в таких деталях я никогда не видел поверхность скалы, как в тот момент. Воистину, в этот раз она была моей опорой и надеждой. Я карабкался по ней все выше и выше, уползая с каждым движением все дальше и дальше от такой осязаемой и только и ждущей моего промаха роковой черты там, внизу...

Видно, я полз вверх не точно так, как спускался вниз. Невольно я отклонился от ранее пройденного пути, ибо метров через пять оказался перед почти вертикальной стеной. Слава богу – в ней шла вправо горизонтальная узенькая выбоина, ступень шириной в ладонь. И я приник к стене и по ней, постепенно переступая и придерживаясь руками за ее гладкое, холодное и твердое тело, дошел до края. За ним шла расселина, примерно, в метр шириной. На другой ее стороне был склон. Не размышляя, я прыгнул через расселину и скатился по мелкому щебню, по скату...

Выбрался!.. Но... я-то выбрался, а как Федя? Стыд от того, что я забыл про товарища, обжег мне душу. Я бросился обратно и увидел Федю. Он медленно и осторожно, придерживаясь за каменную стену, пробирался моим путем вдоль скалы.

– Федя, прыгай, я тебя подстрахую! – крикнул я ему. И Федя без раздумья перепрыгнул через расселину. Я еле успел схватить его за куртку, чтобы удержать от падения. И на мгновение мы прижались друг к другу. Все-таки, это здорово, что мы вдвоем! Оба часто дышали. Федя,

мощный, довольно хладнокровный субъект, на голову выше меня ростом, процедил:

– Да-а, это не для слабонервных...

Теперь мы оказались в котловине, которая круто уходила вправо вниз, где соединялась с дном водопада, над которым мы совсем недавно висели. По ней мы спустились к сброшенным нами рюкзакам и сумкам. Там тоже был слив, который вел к следующему карнизу. Двигаться в ту сторону было опасно. С остальных сторон котловина была ограждена скалами...

Что же дальше? Небо потемнело. Стало еще холоднее. Под ногами камни и невзрачная травка между ними. Разжигать костер не из чего. Ночью мороз. Ночевать здесь смерти подобно, но и лезть через еще одну пропасть душа не позволяла... Надо проверить иной выход. И мы двинулись к скалам, ограждающим котловину, ожидая и страшась, что и за ними мы опять увидим водослив...

Взобравшись на каменную ограду, мы ахнули – от скал далеко вниз тянулась каменная осыпь, ведущая в распадок между горами. Это был путь к свободе и спасению! И мы поспешили вниз и вниз по этой осыпи, обходя крупные глыбы и падая на разрезжавшихся мелких обломках...

Почти за полчаса мы преодолели больше двух километров склона и оказались на дне распадка, на берегу ручья, по которому с утра мы поднимались вверх. Во рту пересохло, и мы легли на прибрежные камни и стали пить ледяную прозрачную вкусную воду прямо из ручья...

И вот тут-то у меня впервые заныл зуб. Это значило, увы, что юные годы позади. Мне было тридцать. Об этом я со смехом сообщил Феде. Он захохотал и показал свои зубы, многие из которых были покрыты золотыми коронками.

– Тебе что, не то, что у меня. С твоими зубами еще долгие годы сможешь грызть твердую колбаску! Ну, а сейчас ноги в руки – пора в дорогу...

Верно. Нужно было торопиться – стемнело. Лишь белели камни и обрывы вдоль ручья. После всего пережитого они уже не казались столь опасными, как выглядели раньше... Теперь мы старались идти склонами –

то по правому, то по левому берегу, а когда надо – сползали по скальным уступам...

На тропу, ведущую к лагерю, мы вышли, когда поднялась луна. Все вокруг стояло и прислушивалось к нашим шагам: и луна, и черные посеребренные в лунном свете лиственницы, и массивные молчаливые контуры гор, и далекие дрожащие звезды. Казалось, мы сами растворились в этом волшебном мире. Дышалось вкусно, и ноги шли мягко и бодро. Хорошо жить, черт побери!..

Палатки были ярко освещены высоким пламенем костра. Даши, еще один наш товарищ, стоял перед костром, тревожно прислушиваясь к звукам ночи. Увидев нас, он радостно и облегченно, по-бурятски сдержанно, приветственно взмахнул руками и поспешил к нам навстречу.

Лошадь понесла

Тропа прихотливо вьется между округлых туш серых валунов, доставленных сюда древними ледниками. Горячий июльский воздух пропитан крепким смолистым ароматом могучих сосен. Мы только вдвоем в этом бесконечном лесу. Я и лошадь – пятнистый мерин Пегашка.

Пегашка идет шагом, не торопясь. Да и куда торопиться в эту расслабляющую жару, да еще на подъеме? Безветрие и тишина, слышны только гудение насекомых и иногда удары подков о камни.

Мой отряд с его завьюченными лошадьми, опередил нас с Пегашкой чуть ли не на километр. Я нарочно отстал от основной группы. Вдруг кому-то занеможется, что-то потеряют, уронят на тропу, а я помогу, подберу...

Мысли то текут, то тают, словно полуденные облака. Все о людях – далеких и близких, родных и чужих. Иногда о Пегашке, который несет меня на своей спине.

Интересно, о чем думает Пегашка? Ведь есть же у него тоже какое-то воображение. Возможно, он мечтает о торбе овса, о светлой воде горной речки, о вечернем отдыхе на прохладной зеленой поляне...

Вот и вершина холма. Теперь остается только спуск в долину и прямая дорога к Байкалу. Долгий и нелегкий переход от вершин Байкальского хребта заканчивается. Ритмические движения лошади усыпляют...

Внезапный удар снизу подбрасывает меня вверх. Я инстинктивно вцепился в луку седла, чтобы не свалиться под подскочившую лошадь! Пегашка взвизгнул! И галопом ринулся вниз по склону!

Молнией мысль – лошадь понесла! Как назло, на спуске! По петляющей между необхватных сосен тропе! Осы, осы ужалили! Наверняка в пах – самое болезненное место. Что делать? У меня только секунды!..

Машинально пытаюсь придержать лошадь – потянул повод на себя... Да что там! Удила врезались в беззубую заднюю часть конского зева. Пегашка задрал и даже повернул ко мне свою голову с вытаращенными глазами и забитым пеной разинутым и оскаленным ртом!

Ему больно! Но ничуть не снижает хода! Осиный укус как электрический разряд! Боль от стального мундштука – слаба по сравнению с осиным ожогом!.. А я ведь поднял удилами голову мерина, и тот перестал видеть тропу! Теперь, вслепую, он может удариться о дерево, наскочить на валун, вылететь за тропу, разбить себя и убить меня!..

Другого выхода нет. Пусть Пегашка летит вниз по тропе, но свободно! Пусть видит дорогу!..

И я бросил повод – отдался на волю лошади! Будь что будет! Правой рукой, как клещами, я ухватился за луку седла, а левую – согнул в локте и выставил ее перед собой так, чтобы при ударе о дерево, пожертвовать ею, но сохранить голову...

А Пегашка... Ну что Пегашка? – Теперь он видит, куда несется и летит, может быть, не захочет теперь покончить со своей лошадиной жизнью, и заодно с моей?..

Еще секунда, еще одна... и на третьей – резкий поворот вправо чуть не столкнул меня с конской спины! Хорошо, что хватило у меня сил удержаться в седле.

Потом опять крутой поворот – влево! Это Пегашка на всем скаку обогнул ствол огромной сосны! И... мое сердце возликовало – лошадь видит тропу, следует в ее направлении, огибает препятствия! Теперь надо только удержаться в седле, чтобы не вылететь из него...

Боль от осинового яда не смертельна, а разбиться о сосну – конец реальный и страшный! Пегашка это понимает!!!

Вот это виражи! Одна сосна за другой, один валунище за другим

мелькают, как в кино. Сильный встречный ветер – это скорость, с которой несется Пегашка вниз по склону. Моя цель – удержаться в седле, теперь двумя руками и всеми десятью пальцами. Идет борьба с «костлявой» – кто кого?..

Спуск с холма стремителен. Минуты. Но какие минуты!.. Только мелькают колонны сосен и огромные глыбы каменных валунов, пролетают провалы обрывов возле тропы... Любые из них могли стать последними. Но стремительный бег Пегашки остается выверенным...

И наконец успокоение – Пегашка теперь бежит по ровному лугу, догоняя впереди идущий отряд. Здесь, если падать, то в мягкую влажную почву, на густую сочную травку.

Тут можно позволить себе и попридержать лошадь. И я смело тяну повод на себя... И Пегашка начинает сбавлять бег. Похоже, что осиные инъекции теряют силу...

Вот и лошадь успокаивается, переходит на рысь, а потом и на шаг...

Парни удивляются – как быстро я их догнал. Смеются над меринном:

– И как это Моисеичу удалось тебя, Пегашка, раскочегарить?

Пегашка не отвечает, только дует в свои лошадиные ноздри, секрета не выдает. Похоже, он сам доволен исходом сумасшедшего бега...

София Шегель

Место под солнцем

– Нет, ни за что, и я не обязан объяснять вам, почему! – Илья старается вложить в свой голос весь металл, сколько в нем расплавил ярость при виде этих двух улыбчивых евреев с каким-то гигантским свитком в руках.

Они позвонили в тот момент, когда кофе уже был заварен, бутерброд намазан, а рыжий Рикки уже мирно чавкал возле своей миски с шариками «из отборной баранины с апельсинами». «Кто бы мне купил отборной баранины, хоть и без апельсинов, их вон можно за домом набрать из одичавшего пардеса», – думал Илья, читая в магазине описание собачьего корма, но все же купил мешок – собака-то в чем виновата!

– Но все же почему? – удивляются пришедшие, и улыбки на их смуглых лицах расцветают, как ромашки на пустыре за домом. – Это же сам Шарон, наш Арик, великий человек, герой, победитель! Он столько сделал для страны, для вас, олим! И это ненадолго, оглянуться не успеешь, через две недели выборы, потом мы придем и своими руками снимем этот постер, ничего не побьем и не поломаем, гарантия! Ты хоть посмотри на него, он замечательный, он в самом деле великий!

Эти улыбчивые парни уже прямо тут, на лестничной площадке начинают разматывать свой свиток в попытке уговорить упрямого жильца. Илья останавливает их энергичным жестом:

– Ни один человек, будь он хоть самый великий, не имеет права ради собственной карьеры оставить меня на две недели в темноте, а вы собираетесь повесить его лицом единственное окно в комнате, так не пойдет! И никакой великий человек, будь он хоть трижды великий, не должен думать, что его судьба зависит от того, скольких людей оставят без солнца, сколько окон залепят его портретами в переулке, в районе, в стране. Так что будьте здоровы, займитесь своей политикой в другом месте! Пусть его выберут хоть президентом мира, хоть председателем вселенной, но не через мое окно!

Пришельцы, даже не погасив улыбок, удаляются так же мирно, как и возникли перед тем у его двери, а Илья возвращается на кухню,

усаживается к столу перед остывшим кофе и привычно уходит мыслями в свою доморощенную философию: почему обратились именно к нему? Шарон – это хорошо или плохо? а для евреев? И вообще, при чем тут он, Илья Рубин, совсем новый репатриант, почему он должен чем-то жертвовать ради исхода выборов? Ему за это в Израиле его ученую степень признают? Или зарплату прибавят? Может, лет убавят? Или машину дадут? А дача здесь, в Израиле, вообще не нужна, такая страна – где стоишь, там и дача, везде курорт! Только подарков с неба ждать не надо. И насколько он действительно великий, этот Шарон с его удивительной, прямо-таки детской смущенной улыбкой?

С вопросами все нормально, сыплются, как слезы невесты. Непонятно только, где искать ответы. Впрочем, ничего нового, все как всегда, Илья, можно сказать, привык. Так много непонятного в этой жизни, так много вопросов, голова не вмещает, а разобраться пока не получается. И дело вовсе не в том, что все услышанное или прочитанное сначала надо переводить с иврита на русский, а уж потом искать ответы. Дело в том, что он сам пока не понимает, где эти ответы искать. В этой действительности жарко, влажно, непонятно, а в мыслях – как заснеженная равнина, зацепиться не за что. И ему даже не приходит в голову простая истина, что жизнь сложнее, чем задачник, и существуют вопросы, вообще не имеющие ответов, может, просто не стоит задавать их даже самому себе.

Кофе остыл безнадежно, а громкие голоса, звук то ли трубы, то ли шофара и металлический скрежет отвлекают доморощенного философа от созерцательного безделья: за окном бушует жизнь во всей ее насущности. Прямо посреди улицы – бедной, неказистой окраинной улочки в славном городе Холоне – бригада плотников-энтузиастов из числа ликудовского партактива срочно сколачивает мостки, то есть трибуну, а люди уже маленькую стекаются вокруг, мешают советами, ждут.

Митинг назначен на одиннадцать, сейчас только полдевятого, а вокруг недостроенной трибуны уже, конечно, митингуют, обмениваются мнениями. Илья, прислушавшись, с удивлением понимает, что все их реплики – как раз и есть мучающие его вопросы о смысле жизни, причем многие из собравшихся без тени сомнения дают ответы на них. И когда над новорожденной трибуной взлетает транспарант с криво написанным

лозунгом «Шарон – мелех Исраэль!»), Илья вдруг неожиданно для самого себя раздвигает створки окна и внимательно вслушивается, всматривается, вникает в происходящее. А происходящее, похоже, фонтанирует неожиданностями: на трибуну гуськом поднимаются несколько человек, и лица все сплошь знакомые, виденные на страницах газет, на плакатах-растяжках, на экране телевизора. Впереди всех грузно и одышливо шагает тот самый Шарон, «мелех Исраэль» – «царь Израиля», на лице его порхает та самая застенчивая тинейджерская улыбка, седые волосы развеваются то ли от слабого ветерка, то ли от дышащих в затылок соратников («политики хреновы!») – Илья делится мыслями с Рикки, тот соглашается).

Маленькая площадка перед домом уже полна людей, все пристально слушают пока только отдельные реплики, перебрасываются своими мыслями, не обращая внимания на призывы к тишине. Толпа волнуется, как хлебное поле, мирно, но неизбежно.

Илья уже целый год живет в Израиле, снимает жилье на окраине города, в старом и не слишком престижном доме и очень стесняется, когда его называют «оле хадаш¹», тут же поправляет дурашливо:

– Скорее, Оле-Лукойе.

Не всегда шутку подхватывают, порой смотрят на него, как на придурка. Да и как смотреть на человека, который, дожив до седин (хорошо, что не до лысины, – краем сознания всякий раз отмечает Павел), оказался на нуле и не готов начать сначала?

В первое время жена при каждом его звонке говорила: вот кончится учебный год – сразу и приеду. Она в педучилище психологию преподает. Потом – надо отдохнуть. Потом оказалось, что мать болеет, нужен уход. Потом открытым текстом сообщила:

– Знаешь, две жизни никто не живет, мне свою менять нет резона.

– Но послушай, мы же столько лет вместе, как ты без меня, – Илья как-то не был готов к такому удару, – ты хоть приезжай посмотреть, сразу поймешь, что здесь жить лучше!

– Лучшее – враг хорошего! – парировала она и попросила не беспокоить.

¹ Оле хадаш (*ивр.*) – новый репатриант.

На том закончилась семейная жизнь. Детей не нажил, жену – как тут сказать? То ли потерял, то ли разобрался, что ее и не было. Жили рядом, постель и хлеб делили, но разве это жена?

Илья давно уже спрятал свои «корочки» – университетский красный диплом, кандидатское удостоверение и прочие свидетельства не напрасно прожитой прошлой жизни в самый нижний ящик комода. Письменного стола он так и не приобрел, да и зачем? Такое рабочее место ему теперь не по чину, скорее, нужна новая метла да тачка, наподобие тех, что на подмосковных дачах в ходу, – листья свозить осенью к кострам, картошку или яблоки до погреба довести. Впрочем, муниципалитет орудиями труда обеспечивает, знай убирай улицы да площади. Его дважды коллега, в прошлом инженер легкой промышленности то ли из Полтавы, то ли из Старой Руссы, в настоящем – работник муниципалитета, проще сказать, дворник, как-то, выходя на утреннюю уборку, раздраженно заметил:

– Повезло им, что мы приехали, без нас бы уже захлебнулись в дерьме, наверно!

– А вы бы хотели, чтоб они с нами захлебнулись? – миролюбиво откликнулся Илья. – Что мы с вами можем? Языка не знаем, реалий не знаем, легенды про медведей на российских улицах все еще живы в наших палестинах, на что мы можем рассчитывать для начала? Старт у всех нас одинаковый – нулевой, дальше каждый – сам себе лягушка в кринке с молоком, главное – не устать трудиться с этого самого нуля, – и Илья энергично заскреб метлой по тротуару.

Вот за целый год он впервые попал на политический митинг, да и то через окно. Оказывается, интересно, он прислушивается, старается не пропустить ход и направление выступлений, тем более, что Шарон уже взял в руки микрофон и даже начал говорить, Илья слышит высокий, почти дискантовый голос, но слова уловить не удастся, так что и пытаться понять не стоит. Да и не получится, опять звонят в дверь. Он идет открывать, уже заготовив все слова, включая на худой конец и ненормативные. Надо же как-то себя защищать от наглецов!

Наглецов за дверью нет, а стоит ближайшая соседка – дверь в дверь, Илья даже уже запомнил ее имя – Йохевед.

Молодая еще женщина, высокая и сухая, неулыбчивая, красивой

при всем желании не назовешь. Илья ее одну никогда не встречал, всегда или с сыном, маленьким кудрявым херувимчиком, или с мужем, взрослым уже, но тоже херувимом – красавец-брюнет, с виду совсем ей не пара, но живут вроде дружно, часто вместе выходят, никогда громкого слова за стенкой не слышно. Иногда она звонит в дверь, по-соседски, совсем как в прежней жизни, может попросить стакан молока или ложку соли, а то ключ, бывает, оставит – мальчик вышел без ключа, а ей уходить. Мирные соседи, повезло.

– Послушай, я хочу тебе что-то сказать важное.

– Подожди, там митинг, интересно послушать!

– Да что там может быть интересного! Сегодня тебе расскажут, что лучшая партия – «Ликуд», завтра придут другие, скажут, что для евреев лучше «Авода», но сначала сломают эту трибуну и построят свою. А у меня к тебе важное дело. Послушай. Сегодня у моего сына Томера день рождения, ему исполняется шесть лет. Придут его друзья, я все приготовила – шарики, колу, бутерброды. Поверь мне, я не виновата, что его родная мать погибла. Сам он не помнит ее, меня мамой зовет. А вот его бабушка и дедушка меня знать не хотят. Какой праздник без старших, какая семья? Я тебя очень прошу, ты же сегодня не работаешь, пойдем к нам, побудь, как будто ты дедушка. Это же не трудно, а мальчику будет приятно. Оставь митинг тем, кому делать нечего. Пожалуйста, будь хорошим соседом! Знаешь, как у нас говорят: близкий сосед лучше далекого брата.

«Ну что ж, – сам себя уговаривает Илья, – политиком в этот раз я уже точно не стану. Да и, если быть честным, не мое это дело. Они все такие убедительные – у кого в руках микрофон, у того на языке правда. Поди разберись. Ясно, что все врут, неясно пока, чье вранье хуже».

Он между тем уже лихорадочно роется в ящиках комода – надо же что-нибудь подарить имениннику, а мысли скачут в насмешливом галопе: «Дедушка? Это я уже дедушка? Новое ноу-хау, минуя фазу отцовства? А что, тоже красивый титул. Теперь буду знать, зачем я здесь нужен, а то «земную жизнь пройдя до половины», все еще жду, когда наступит будущее. Хотя вполне понятно, что оно уже давно стало настоящим и понемногу превращается в прошлое. О, вот оно, то, что надо, – лупа в

пластмассовой оправе и в коробочке. Парню самое то, пусть хорошенько узнает истинную меру вещей, может, точнее, а главное вовремя найдет свое место в жизни».

Херувимчик Томер вежливо принимает соседа, объясняет своим малолетним гостям:

– Зе саба Гиль (Илья и не знал, что он Гиль!), ху гар мулену (это дедушка Гиль, он живет напротив), – а руки мальчика проворно разворачивают подарок, достают лупу из коробочки, и он тут же забывает про соседа, про гостей и даже про колу: жизнь сразу увеличивается в разы, царапина на коленке превращается в боевую рану, а глиняный солдатик – в свирепого сарацина, мальчик, задохнувшись от восторга, оглядывается на свою компанию, протягивает приятелям игрушку царственным жестом: – смотрите, как интересно! – и тут же бросается Илье на шею, обнимает крепко и дышит ему в ухо громко и часто.

А Илья вмиг принимает и новое имя Гиль, и новый сан – дедушка, все его чувства плывут, словно это в самом деле его внук, а сам он – настоящий дедушка, и только краем сознания еще успевает подумать: где она, та лупа, чтоб еще на берегу показала, куда течение вынесет, куда дорога повернет. Или хотя бы по ходу жизни научила бы отпускать вчерашний день без боли и отделять будущее от прошлого.

Под фонарем

Объявление в газете, разумеется, обещало куда более привлекательный вариант, чем оказалось. Там было черным по белому написано, что дом стоит недалеко от центра, в тихом зеленом районе, рядом с автобусной остановкой. На самом деле на Вилли насмешливо смотрят подслеповатые, давно не мытые, густо запыленные окна, расположенные слишком близко друг к другу на фасаде достаточно поношенного, невнятного цвета строения – три этажа на столбах, несколько экземпляров «бочкотары» – солнечных бойлеров на крыше. У входа в дом самодельная лавочка – доска на двух чурках, видно, что место не пусто: земля вокруг лавки до самой входной двери густо заплевана шелухой черных семечек. Но сейчас здесь никого, только рыженькая мохнатая уличная собачонка из-под этого символа городской окраины тоскливо смотрит на Вилли. За

неимением других собеседников к ней он и обращается:

– Н-да-а, приехали! За что, как говорится, боролись... Но что поде-лаешь, приехали, так надо входить.

Собачка понимающе виляет пушистым хвостом.

Вилли решительно идет к распахнутой двери подъезда, под его ногами сухо скрипит слой мусора. Входная дверь нараспашку, но на лестнице как раз неожиданно чисто. На этаже две квартиры, значит, в доме их всего шесть, уже неплохо. Нужная Вилли дверь на втором этаже слева. Табличка с номером, а рядом еще одна – имя владельца. Вилли читает украшенные завитушками буквы, и глаза его лезут на лоб чуть ли не буквально: на табличке явственно и недвусмысленно написано: «Арик Шарон».

– Оп-пань-ки, приплыли! Вернуться, что ли, пока не поздно? – сам себя спрашивает Вилли, но палец его уже на звонке, и дверь уже открывается. В проеме стоит невысокий человечек, худой, можно сказать, тщедушный, с невнятными, редко посаженными волосиками, с небольшими бесцветными глазками в красноватых веках, с высоко задранным подбородком, носом уточкой и зубами наружу. Выразительную картинку дополняет явственное дрожание всего тельца и капля на кончике носа. Простуженный или наркоман? «Шибздик, – приходит Вилли на ум давно забытое, еще бабушкино определение таких типов. – Шибздик и есть, а еще такое имя носит! Пусть бы сменил, не позорился, был бы какой-нибудь Йоси Коэн или Вася Сидоров, и тех, и тех в каждом подъезде пучок, никто бы и внимания не обратил. Одно слово, дурак, правильно маклер сказал. Но мне-то что до его ума! Долго рассуждать да взвешивать – это в другой раз, пришел квартиру смотреть – надо смотреть».

И Вилли переступает порог. Комнат, как и написано в объявлении, три штуки, кухня одна, душевая отдельно от туалета, по размеру их можно запросто поменять местами. А из мебели – вешалка у двери да матрас на полу. Еще пластиковое ведро и веник в кухне.

Все это великолепие можно было бы без труда разместить в одной из комнат квартиры Вилли, да еще осталось бы место для кладовки. Далеко теперь бежать домой, так что нечего сегодня вздыхать! Вот все утрясется – можно будет вернуться к себе. А пока – что нюни распускать! Надо

жить сегодня. В этом районе, на этой улице. Так диктуют обстоятельства. *Здесь и сейчас.* Этот затертый слоган имеет вполне конкретный смысл. Из всего, что Вилли за последние дни посмотрел по объявлениям, это не самое плохое: окна-двери целы, полы есть, водопровод и электричество в наличии, замок во входной двери исправный, автобусная остановка в самом деле рядом. И место то самое, что он искал. Но главное – цена. Неожиданно доступная. То есть, если бы надо было ориентироваться на ипотеку – Вилли категорически противится этим дорогостоящим вкраплениям в родную речь («машканта», «шук», «мивца»¹ и пр.) и пользуется исключительно русской лексикой – вот этой самой ипотеки как раз почти и хватило бы... Этот наркоша с героическим именем так хочет скорее получить деньги, что, начни Вилли торговаться, он бы и в ипотеку уложился. Но и так хорошо, он на такую удачу не рассчитывал.

– Беру, пожалуй.

Ударили по рукам. Хозяин спешит, как автомобиль без тормозов на уклоне, да Вилли и сам подгоняет себя, время не ждет, он здесь не для того, чтобы прохладиться, так что в считанные дни вопрос решен. И вот уже прежний хозяин уносит прочь свой матрас, ведро и славное имя. Вилли моет окна, чистит и всячески дезинфицирует все проблемные уголки, а до того с помощью дико вонючих спреев он выгнал из укрытий уйму рыжих тараканов, с помощью веника и совка собрал их в мешок, унес из дома и сжег на пустыре. Ну и, конечно, насобирал самое необходимое из мебели – стол, два стула, кушетку, даже шкаф. Теперь многие старую мебель выставляют на улицах. Вполне себе ничего вещи, даже какой-то остряк название нового «стиля» придумал – «мебель с выставки». Можно жить. Вилли верит, что это ненадолго, так что покупать новое нет смысла, но вот не купить это жилье он не мог, все должно быть по правде. На самом деле ему сегодня жилье не нужно, но жизнь так непредсказуема, почему бы и не иметь пристанище на всякий случай.

Вид из окна, пожалуй, невнятный: дома вокруг, как близнецы, та же этажность, тот же неопределенный цвет, та же неухоженность и запустение. Зелени что-то совсем не видно, разве что вывеска напротив. Там

¹ Машканта, шук, мивца (*ивр.*) – ипотека, рынок, мероприятие.

на ярко зеленом поле большими буквами с завитушками внятно выписано имя «Сима», а чтоб никто ничего такого не подумал, рядом нарисован роскошный локон цвета блонд и разъявленные на него ножницы. Дураку понятно – парикмахерская.

– Ну что ж, с этого и начнем, – сообщает сам себе Вилли, и вот он уже внизу, в два шага пересекает улицу, перед ним стеклянная дверь.

За дверью довольно тесное помещение, но кажется немаленьким за счет зеркал. Два парикмахерских кресла поставлены грамотно, спиной друг к другу, свет от центра направлен в обе стороны. Флаконы, баночки, пульверизаторы расположены симметрично на обоих рабочих местах. А в стороне от всего этого перед маленьким круглым столиком барышня с пышной голубой копной на голове старательно укладывает локоны на рожке паричке, натянутом на деревянную болванку. Непонятно только, почему язык высунула, то ли от избытка старательности, то ли мешает пирсинг – металлический блестящий шарик на языке.

– Если можешь подождать пять минут, я тут все закончу, но если спешишь, скажи, могу бросить, – шепелявит с улыбкой пирсинговая Мальвина.

– Ничего, я подожду. – И оба погружаются в молчание.

Но Вилли органически не переносит покоя, тишины, неподвижности, потому через пару минут он не выдерживает:

– По правде говоря, мне не стричься-бриться, я просто осмотреться зашел, я тут поселился напротив, квартиру купил.

– Что, ничего лучше не осилил? – насмешливо реагирует барышня.

– Ну, ты ведь живешь здесь и ничего, вон какая вся из себя.

– Я-то из себя, а ты из кого? Кто сказал, что я тут живу? Я тут работаю. И ночую. А живу я совсем в других местах.

– Хочешь показать?

– Щас!.. А у кого купил? У Арика?

– Знаешь его?

– Кто ж не знает? Наркоша, бедолага. Ни работы, ни семьи. Его вся улица подкармливает, а то бы уже давно под забором застыл.

– А имя у него родное или как-то по случаю?

– У него-то как раз родное, это у героя по случаю. Тот по

рождению мог бы Красавчиком называться или как-то похоже, а этого мама родила сразу Шароном. Вот поди разберись, который из них настоящий. Ну, теперь у нашего все будет нормально: его в хоспис взяли, там уж тарелку супу точно дадут и кровать тоже, слава Богу.

– А ты-то хоть по рождению Сима? Ни у кого не позаимствовала?

– Я именно что по рождению, только Сима не я, а хозяйка этого заведения. А я просто тут на хлеб зарабатываю и временно ночую за ширмой, скоро закружусь и съеду.

– О как! И где же у нас Сима? И как зовут тебя?

– Меня зовут по-простому, я Сара, а Сима теперь где-то в Испании кайф ловит.

– Что, бизнес процветает, раз хозяйка укатила?

– Бизнес у нас подвижный, не одно, так другое, мы девушки молодые, здоровые, не пропадем. А ты заходи, как надумашь, пострижем-побреем, парфюма не пожалеем. – И после паузы таинственно добавляет: – или еще чего, если надо, – и с любопытством смотрит, какая будет реакция.

Вилли реагирует лучезарной улыбкой:

– Спасибо, приду обязательно, мне много чего надо. А ты тут давно, всех знаешь?

– Тебя как, все интересуют или кого-то одного ищешь? – в глазах у Сары так явственно начинают прыгать насмешливые чертики, что Вилли, горестно вздохнув, спешит ретироваться.

В дверях он сталкивается с хорошо упитанной теткой – мутный взгляд, тяжелое дыхание, невыразимая мольба во всем ее облике.

– Классика жанра, – сам себе сообщает Вилли, – было бы странно, если бы никто подобный за целых полчаса не появился.

За дверью притормаживает, чтобы послушать.

– Сара, имей жалость, помоги, сдохну без помощи!

– Ну и дохни, я причем?

– Ты же здесь работаешь, я должна тебе все объяснять?

– Ты мне ничего не должна. И я тебе ничего не должна! Жди Симу, с ней договаривайся, я в ваших делах далеко сбоку, так что гуляй отсюда. Это все.

– Что и требовалось доказать, – радостно сообщает себе Вилли и возвращается в свое новообретенное жилье.

Телефон начинает надрываться, пока он еще на лестнице, пока топорливо отпирает дверь и хватается трубку.

– Алло, где ты ходишь, я обзвонился!

– Во-первых, здравствуй, братец-кролик, а во-вторых, пока ты обзвонился, я ознакомился – был в парикмахерской через дорогу, похоже по всему, это то самое место, какое мы с тобой ищем. Там такая барышня с пирсингом! Как что будет ясно – сразу сообщу, не бойсь, не замотаю.

– Послушай, ты, Шекспир доморощенный, тень отца Гамлета, во-вторых, большой вопрос, кто кого больше боится! А во-первых, я хотел бы попросить тебя не опускаться до жаргона, ты хоть и съехал на данный момент глубоко вниз, все же не забывай, что это всего только роль, временный облик, а в жизни ты интеллигент, у тебя мама в художественной литературе всю жизнь прожила, у тебя брат известный издатель и вообще, не забывай, для чего ты там оказался...

– Смотри, Левка, это я, а не ты, в чистом поле, как в бурном море, мне и кроме тебя есть, кого бояться, но ничего, держусь пока. А ты там в кабинетике, с телефончиком, Филиппок невинный, оно удобнее, правда? Так уж думай, друг мой, что говоришь.

– Ладно, поэт-самоучка, не кипятись, вспомни, я же первый предлагал, что поеду, но раз решили, что лучше ты, значит, ты, я ничего такого.

– Да я знаю, что ничего, а то бы давно послал тебя. Все, пока, я позвоню, как будут новости. Вечер на дворе, спать пора.

Деловой зуд всю ночь не дает Вилли уснуть. И все равно к утру у него так и не сложился достаточно четкий план. Но сидеть размышлять некогда, надо действовать. Чашка кофе, бутерброд – и вот уже он, легкий, бодрый, элегантный, достаточно еще молодой мужчина, излучающий дружелюбие и немножко любопытство, выходит из подъезда. Утро, нормальные люди все чем-то дельным заняты, а тут на лавочке расположились две молодые дамы, ясное дело, соседки – в шлепанцах и шортах, коротеньких, выше пупа маечках, но уже с утра старательно подкрашенные. Рядом с каждой чашка с остывающим кофе, они как-то синхронно энергично щелкают семечки, глубоко затягиваются сигаретным дымом, отхлебывают из

своих чашек и с любопытством разглядывают нового жильца. Придется знакомиться.

– Здравствуйте, я Вилли, будем теперь соседями, вот купил квартиру в вашем доме. Как думаете, хорошо здесь?

– Ну, мы вот живем, не плачем, – резонно отвечают они чуть ли не в унисон. – Не дворец, конечно, но ты же видел, куда шел. Все мы выбираем не по желанию, по возможностям. Я, может, и хотела бы поселиться в Рехавии, да, видишь, родословная не позволяет. В смысле кошелек. А ты чем занимаешься? Прогорел или не поднялся еще? Откуда прибыл? Жена есть? Помощь какая нужна? – При этом на лицах – улыбки, доброжелательность, все признаки добрососедства, загадочно праздничные интонации – то ли со вчера, то ли уже утренняя порция начинает играть – поди разберись...

К счастью, вопросы сыплются без пауз и без надежды на ответ, так что Вилли, поулыбавшись им минутку-другую, машет рукой и направляется к остановке автобуса.

Дел у него впереди уйма, но самое из них главное и оно же самое трудное – отыскать старого знакомого. В смысле, если совсем точно, то отыскать надо друга младшего брата, если речь не идет о его полном тезке. И не просто найти, а вытрясти из него все, ради чего Вилли бросил свои дела, можно сказать, отменил собственную жизнь и вот уже не первую неделю бьется над загадочной ситуацией, не видя пока, куда бросаться за решением.

Вилли из троих братьев старший, следом за ним идет Лев, а младшенький, Сережа, родился через 13 лет после Левки. Вилли как старший с первого дня младшему был за няньку – баюкал в кресле-качалке, пока не принесли колыбельку, пел ему песенки, грел бутылочку с молоком, а уж потом, когда маленький начал участвовать в жизни, он стал как бы тенью Вилли – куда старший, туда и малышок за ним катится, как горошина из стручка. Мама, действительно литературный критик по роду занятий и по кругу интересов, настолько была предана своим профессиональным пристрастиям, что сыновей назвала в честь любимых писателей: старший обязан своим именем самому Шекспиру, средний – Толстому, а младшенький достался Есенину. Братья историю своих имен знают, потому в детстве,

да уже и в юности друг над другом, бывало, подтрунивали – старшего дразнили то Гамлетом, то тенью его же отца, среднего иногда называли Филиппком, он зверел с первой буквы, а младший у них проходил как Джим, и когда его, заигравшись, просили дать лапу, виновный тут же получал по шее. В этот момент вмешивалась мать, братья дружно отвечали, что она сама виновата, а мать рассудительно объясняла:

– А вот если бы я была, например, химиком, вас бы звали Поташ, Оксид и Ангидрид. Лучше?

На том конфликт и рассасывался, братья со смехом обкатывали новые клички. Только это все в прошлом, потому что все трое уже взрослые, матери просто больше нет, авария на дороге. Те давние дни, когда они по общему согласию решили сменить Балтику на Средиземноморье, уже покрыты флером времени, все они достаточно легко приняли новую реальность, можно сказать, укоренились в новой жизни, даже сумели при этом не растерять прежний багаж.

Братья успешно нашли каждый свою дорогу, не только профессионально, но и географически тоже, и в конечном счете после многих проб и ошибок оказались все трое не просто в разных городах – в разных государствах. Сегодня это не так уж и фатально, связь позволяет общаться без лимита, материальное положение позволяет встречаться, когда хочешь – было бы время. Но когда нет времени, так и живя на одной улице можно не видеться неделями. У братьев такого не бывает.

А теперь вот пришла беда: младшенький, Сережа-Джим пропал вместе со своей есенинской лапой. Теперь все дела – не дела, все заботы – не заботы, осталась одна задача – найти брата. Он не вдруг пропал, не на пустом месте. До того он уже успел стать хорошим репортером, поработал в разных изданиях, играючи освоил несколько языков, необходимых в его профессии, завоевал несколько престижных премий, в том числе международных. Одним словом, карьера у парня начала складываться вполне успешно. Но в какой-то момент телефонный звонок, сообщение в телеграфном стиле:

– На несколько дней исчезаю по делам, скоро позвоню, – голос напряженный, встревоженный и как бы торопливый.

– Подожди, скажи хоть, где будешь, насколько там горячо, как

тебя искать?

– Не надо искать, пара дней, завершу операцию – и позвоню. Ничего опасного, можешь не волноваться. В наших репортерских делах случаются зигзаги и неожиданности, всего по телефону не расскажешь. Зато потом Левке будет сюжет для приключенческого романа. Пока! – и короткие гудки.

Пара дней – это сколько? А телефон молчит уже которую неделю, публикации не появляются, дверь квартиры оглохла, соседи признаются, что давно его не видели. Раньше такого не было, братья в любой момент знали друг о друге – кто, где и чем занят. И уж особенно Сергей – младший все-таки, старшие привыкли его, можно сказать, «пасти» постоянно, мало ли...

Когда он выбирал профессию, склонялся вслед за Вилли к юстиции, старшие одобряли. Даже поступил в университет на юридический. Но после двух курсов резко рванул в журналистику. Вилли расстроился: он уже себе напланировал, как они вместе с братом откроют агентство или серьезно займутся адвокатурой, или пойдут на госслужбу в прокуратуру, да мало ли! Он уже давно привык считать младшего брата как бы частью себя. Сергей объяснил свое решение просто и доступно:

– Зачем нам в семье два юриста? Ты хочешь быть старшим, руководить мною? Так ты и без того старший, просто по возрасту, тебе чечевичная похлебка ни к чему. А руководить – это, считай, в прошлом. Я вас обоих с Левкой люблю и уважаю, но жить буду так, как сам понимаю. Привыкайте, я взрослый человек, сам за себя отвечаю. Я решил.

Вот такой брат – маленький, маленький и незаметно вырос. Старшие привыкнуть не успели. А теперь вдруг исчез, как не было. Все это и стало главной проблемой Вилли, с этим он начинает каждый свой день, с этим и заканчивает. Сначала поиски упирались в сплошную стену, ни намека, ни щели, непонятно, о чем думать, под каким фонарем искать – всюду темно. Потом кто-то намекнул, что надо покрутиться в одном бедном и неблагополучном районе, вроде бы там некоторое время назад появлялся похожий человек, то ли два парня терлись, оба под описание подходят, только один точно по имени не Сергей, говорили, кажется, Габриэль, а вот другого никто назвать не может, вроде бы он и рта не открывал

ни разу. Уже хоть что-то. Тогда Вилли срочно купил это убогое жилье. Проще и дешевле было снять что-нибудь в аренду, но Вилли человек основательный, ему нужно быть во всем уверенным, на пустяки не отвлекаться. Да и цена уж очень смешная. Обхохочешься, если бы не этот неуловимый Габриэль. Он уверен, что человек с таким именем присутствовал в жизни брата. С виду его не помнит, но имя точно слышал и не один раз. Учились вроде они вместе, значит, тоже журналист, хотя, может, и юрист – Сережа ведь начинал там. Впрочем, юристы отпали сразу – Вилли там быстро навел справки, нет такого. Значит, надо искать среди пишущей братии. Но начал он все же, разумеется, с полиции. Полиция молчит и призывает не мешать работать. Вроде бы это и есть их работа, но с кем спорить? Решил идти напролом.

Дорога до центра города берет меньше получаса, как раз в обрез, чтобы решить, с чего начать, в каком порядке, к кому обрати... оп-ля, приехали. Остановка автобуса прямо напротив входа в здание Союза журналистов, так что и обдумывать ничего не надо, просто походить по коридорам, разобраться, кто где и что к чему. И теперь все дело в руках случая, а жизнь учит, что случай – посланец судьбы, ничего не случается просто так, все почему-то, по какой-то свыше задуманной причине. «Господи, помоги мне найти брата!» – повторяет Вилли свою молитву-мантру, вот уже сколько времени каждый день начинается у него этой мольбой и ею же заканчивается.

Начать поиск приходится в кафе, оно прямо здесь, в здании Союза журналистов, первая дверь от входа. Людей немного, бармен неторопливо заваривает кофе, какой-то молодой парень со своей чашкой угрюмо сидит в глубине зала, у дальнего окна. Вилли со своим кофе направляется к нему, хотя на пути по меньшей мере три свободных столика.

– Как в дурном детективном сериале, – сам себе с отвращением говорит Вилли, но что поделаешь, эту дверь увидел первой, сюда и зашел.

Парень в ответ на приветствие кивнул, даже вроде бы улыбнулся, жестом показал, мол, садись, вдвоем веселее. Поговорили минутку о погоде, пару минут о политике – будут досрочные выборы или на этот раз обойдется? Посадят очередного мэра или только попугают? Чья забастовка светит на этот раз? Собеседник, назвавшийся Алексом, оказался

толковым, с хорошим юмором и приветливым характером. Так что уже через четверть часа Вилли рискнул задать свой вопрос:

– Как я понял, ты здесь работаешь, многих знаешь?

– Практически всех. Всех, кто здесь бывает.

– Тогда, может, встречал такого Габриэля? Или его друга по имени Сергей?

Что можно ответить на такой вопрос? Разброс невелик: «да», «нет», «не помню» – три варианта. Парень внимательно, чтоб не сказать подозрительно посмотрел в глаза Вилли, надел на лицо маску отрешенности и нашел четвертый вариант: он просто молча встал, обошел Вилли, как досадное неодушевленное препятствие, вроде неудачно поставленного стула на пути, и молча вышел из кафе.

– Сюрприз, однако, – сказал себе Вилли, допил последний глоток, не чувствуя вкуса, и пошел следом. Стало ясно, что прямым путем можно легко и просто все испортить, хотя портить пока еще нечего. Дальше начались многократные походы по редакциям без особой надежды на успех, потому что это уже, как в цирке, ходьба по кругу, всем глаза намозолил. По клубам, где фрилансеры любят собираться, – с тем же успехом. А полиция все это время продолжает героически молчать. Вилли отчаялся.

– Лева, боюсь, что мы в тупике. Не знаю, куда бросаться дальше. Может, подкинешь идею? Чувствую себя полным идиотом, помоги!

– Хочешь, чтобы я прилетел?

— Это как раз ни к чему. Здесь у меня достаточно некомфортно, мозги от этого острее не становятся. Просто что-нибудь подкажи.

– Для начала попробуй самый тривиальный вариант – объявление в прессе о розыске. Понятно, что Сережа не откликнется. Но это пресса. Кто-нибудь видел, кто-нибудь вспомнит. Наконец, все мы живые люди, вдруг кто-нибудь на него зуб имеет, захочет так или иначе поквитаться. Нам ведь все в копилку.

Уже на следующее утро Вилли отправился по редакциям, начал с русских. Объявление приняли в трех, дальше сказали – опоздал, «приходи завтра, мы до девяти утра принимаем, потом полоса объявлений уже заверстана. Это двадцать лет назад добавляли полосы без счета, теперь есть установленный порядок». При всем заявленном порядке текст появился

только через трое суток после оплаты. Оказалось, это еженедельник. И наступило самое трудное – ждать ответа.

Но вот беда – Вилли категорически не умеет переносить безделье, ему нужно не просто двигаться, а непременно двигать дело, которым занят в данный момент. Он уже и по ближним улицам ходил с фотографией брата в руках, но никто его не видел, никто не знает, и все почему-то резко и категорично отворачиваются и молча уходят, как тот парень в кафе.

Однажды Вилли даже показал фото барышне из парикмахерской.

– Посмотри, какой у меня брат красавчик, ты, небось, таких в жизни не видела. Или видела?

Сара как-то по-особому долго рассматривает фото, потом так же долго изучает лицо Вилли, как будто хочет запомнить, и после паузы раздумчиво отвечает:

– Я в жизни всяких видела. А ты можешь мне прямо сейчас сказать, чем твой брат занимается, где живет? Вы с ним видите, дружите?

– В том-то и дело, я его уже больше месяца ищу, не знаю, куда подевался. Говорят, он где-то здесь бывал. Подумай хорошо, может, вспомнишь что-нибудь, а?

– Может, и вспомню, тогда сразу скажу. А ты не волнуйся, мало ли какие дела у взрослого человека могут быть. Найдется, не иголка. Заходи к нам в парикмахерскую, что дома сидеть!

Дней через пять Вилли столкнулся с парикмахершей на улице.

– О, хорошо, что встретились, я как раз хотела тебя повидать. Чего не заходишь?

– А ты, может, что-нибудь вспомнила, или что-нибудь узнала?

– Да, пожалуй, ничего такого, но ты все же приходи сегодня часов в шесть, мало ли... – и она многозначительно пожимает плечами.

Конечно же, Вилли, как натянутая струна, торопит время. Ясное дело, раз она так сказала, не может быть, чтобы не видела и не слышала ничего о Сереже, а значит, он действительно здесь был. А вдруг удастся как-нибудь разговорить парикмахершу, что-нибудь ухватить, хоть самый кончик ниточки! День сегодня какой-то нервный с самого утра, Вилли в окно видел, как полицейские в дом заходили, двое. Потом вышли вместе

с соседкой – той самой, что семечки по утрам лузгает. Похоже, она выглядела очень напряженно. Понятно, это никак с братом связано не может быть, просто какие-то грозовые флюиды в воздухе. Или это у него так нервы играют? Нет, все же что-то изменилось сегодня, какое-то всеобщее ожидание, как перед штормом или хамсином. И к шести он летит в парикмахерскую, как на свидание, даже коробочку конфет с собой захватил из ближнего супера.

Обе девушки на месте – насмешливая, легкомысленная и озорная Сара-Мальвина с пирсингом на язычке и вторая – строго одетая, аккуратно причесанная, подтянутая молодая особа, круглолицая, брови домиком, на лбу написано, что она здесь хозяйка. Значит, Сима.

– О, молодец, что пришел, я ждала, ты мне нужен, посиди немного, я скоро освобожусь, – она продолжает махать феном над головой какой-то немолодой особы, другой рукой достает из кармана заливающийся звонким телефон. Лицо ее сразу становится строгим, серьезным, говорит односложно, Вилли только успевает уловить конец фразы: «...как договорились», она прячет телефон, и ему кажется, что в глазах девушки сквозит тревожное ожидание.

– Это тот самый, что я тебе рассказывала, который знакомиться приходил, – объясняет она хозяйке, – Живет напротив. Может, побреем его? – и Сара насмешливым жестом приглашает клиента в кресло.

– Можно и побрить, если ничего лучшего не придумает, – включается в разговор Сима.

Вилли с готовностью усаживается поудобнее. А чего, по крайней мере, можно закрыть глаза, вырубиться, пусть девушки его головой займутся, ручки мягкие, теплые. В этих ручках, правда, острые бритвы, но, может, не страшно? Он же им ничего плохого не сделал, конфет принес для знакомства с хозяйкой. И Вилли закрывает глаза.

В этот момент звякает колокольчик, дверь с грохотом распахивается, и жесткий приказной возглас «всем оставаться на местах!» заставляет Вилли оглянуться. Он пытается встать, но тут же жестким тоном посажен на место. В парикмахерской начинается обыск. Не нужно большого ума, чтобы понять – ищут наркотики. Не нужно больших знаний, чтобы увидеть – нашли сразу, то есть, знали, где искать. Значит, не случайный

визит, подготовленный. Потребовали документы, Вилли предъявил удостоверение.

Дальше обеих девушек, Вилли и другую клиентку сажают в полицейскую машину и доставляют на допрос. Там несколько человек в коридоре нервно ждут, пока их вызовут в кабинет, лица все знакомые – улица небольшая, все друг друга видят в магазине, в парикмахерской, на автобусной остановке. Трое полицейских бдительно стерегут эту тревожную очередь. Вилли в полном недоумении: ему-то что здесь ловить? Да и он кому здесь нужен? Документ видели, адрес знают, понятно, что наркотиками не балуется, могли бы и отпустить. У полиции другое мнение, и ему приходится переждать, пока всех по одному вызывают, все исчезают в этой таинственной двери и назад не возвращаются. Приходит очередь тех, кого привезли из парикмахерской. Вилли входит с ними. Небольшая комната – два стула, между ними конторский стол, компьютер, сбоку столик, за которым крепкий парень, управляющий компьютером, принтером и еще десятком кнопок непонятного назначения. Шкаф, сейф – все как положено. Еще несколько минут напряженного молчания. Потом другая дверь, позади Вилли, он и не сразу ее заметил, резко распахивается, и Вилли, еще не видя вошедшего, понимает, что происходит самое главное.

Перепуганная Сима, вся такая строгая и ответственная, сразу плывет, начинает рыдать и объяснять, что произошло недоразумение, она только из отпуска и совершенно не понимает, в чем дело. За время ее отпуска здесь хозяйничала вот Сара, с нее и спрос.

Смешливая Сара становится по стойке смирно, Вилли понимает, что за его спиной начальник, и она четко по-военному рапортует ему, слегка шепелявя и позванивая шариком на языке:

– Сержант полиции Сара Горловиц задание выполнила! – и тут же стреляет глазами по Вилли. Надо сказать, не промахнулась.

– Спасибо за службу, сержант! – это Вилли слышит за спиной голос, который ни с каким другим не спутать, и невозможно понять, почему кто-то голосом его брата распоряжается в помещении полиции, но с первого слова понятно, что этот человек здесь главный.

Вилли чувствует, как в глазах темнеет, в горле пересыхает, он хочет обернуться, но помимо воли начинает сползать со стула. И вдруг

слышит слова, обращенные именно к нему:

– Ну, и чего было столько шума поднимать? Я ведь сказал, что как освобожусь – сразу позвоню, надо доверять близким! Эй, ты что, ты что! – ловит его уплывающее сознание, – Это же я, я живой! Эй, тень отца Гамлета пополам с королем Лиром, опомнись, нельзя же так!

Вилли чувствует на лице капли холодной воды, неожиданный и резкий запах нашатыря заставляет судорожно вдохнуть, потом он ощущает на губах холодок стакана и только после этого, хлебнув большой глоток, открывает глаза и совсем близко к своему лицу видит лицо брата. Своего маленького, своего пропавшего, своего совсем взрослого Сережу-Джима.

– Давай, о нимфа, возвращайся в реал. Я тебе потом все подробно расскажу, теперь некогда. Я ж говорил, в наших репортерских судьбах и не такие трансформации случаются, все бывает! Ты ведь помнишь, я чуть не стал юристом, можно сказать, полуюристом, так что ничего невероятного.

– Ах ты, Сережка ольховая, живой! Нашелся! Дай лапу, Джим, – и Вилли каждой клеточкой чувствует, как по всему его телу разливается счастье.

Михаил Зосименко
Таёлет – тропа здоровья

(Журнальный вариант; оригинал –
<https://proza.ru/2015/09/28/1030>)

Памяти друга – Анатолий Анимица, член редколлегии журнала «СОНАР», 2023:

Зимой 2023 года после длительной болезни ушел из жизни мой старинный друг Михаил Афанасьевич Зосименко, остроумный рассказчик, неутомимый изобретатель, автор тысяч идей, описанных в его рассказах и книгах. 300 статей Михаила опубликованы на портале Проза.ру (<https://proza.ru/avtor/michabit46>).

«Есть у меня мечта: воплотить в жизнь свои идеи, которые содержатся в моих статьях.»

Михаил Зосименко

Густая липкая жара окутывает все помещение цеха по обработке древесины. Монотонное гудение станков навевает сон. Унылые сосредоточенные лица рабочих ничего не выражают, кроме крайней усталости и

безысходности своего положения. В воздухе висит марево древесной пыли, затрудняющей дыхание.

В голове одна мысль: вот бы сейчас окунуться в прохладную чистую воду моря. Расслабиться, лежа на его поверхности, и убрать эту набившую оскомину липкость нечистого тела. Снять накопившуюся усталость. Скоро кончится смена, и тогда – прямо на море. Мало кому выпадает счастье жить на море и постоянно чувствовать, что ты пребываешь на курорте, но тебе повезло.

И вот оно, море. В предвкушении неземного удовольствия раздеваюсь и иду к воде. Но меня останавливает охрана пляжа, предупреждая, что сегодня на море сильные волны и купаться запрещено. Разочарованию моему нет предела. А как же мечта всего дня? Я же живу на курорте и должен пользоваться его благами.

Выставленный в море черный флаг лишает надежды на то удовольствие, на которое я рассчитывал. А с этим знаком не поспоришь, штрафы за купание в такую погоду заградительные. Понимаю, пекутся о моей безопасности. Тут уж ничего не поделаешь. Нужно ехать домой.

Но надежда не угасает. Вот завтра наконец-то получу долгожданное удовольствие, накупаюсь властью после очередной изнурительной смены. Надеюсь, что за ночь море успокоится, тем более что согласно прогнозу погоды, ветер должен стихнуть.

И вот, о радость, сегодня море спокойное. Но меня вновь предупреждают, что вода очень грязная и купаться запрещено – из-за угрозы отравления водой. А как же моя мечта? Вот незадача, видно, придется уйти несолоно хлебавши. Но завтра снова будет день, и вновь просыпается надежда.

И вот оно завтра. *Надежды юношей питают, отраду старцам подают.* Но опять охрана предупреждает, что на этом участке моря началось сильное отбойное течение, справиться с которым человек, даже подготовленный пловец, не в состоянии. Существует прямая угроза жизни, и человека может унести в открытое море, а там жизнь будет висеть на волоске.

Ну что ты будешь делать с бабой дурной, т. е. с удачей. И опять предстоит путь домой, полный разочарования и плохого настроения.

Но не может же быть так, что моя мечта так и останется мечтой,

ведь не зря же я живу в приморском городе. Главное, все мои друзья, которые остались в моем родном городе, из которого я приехал сюда, где мечта о море всегда присутствует в головах жителей, завидуют мне белой завистью, учитывая, что я живу на берегу моря и могу искупаться в любое время дня и ночи по желанию.

Счастливого завтра все-таки наступило, все параметры моря и воздуха соблюдены, море чистое и спокойное. Но охрана опять спешит ко мне с предупреждением, что купаться слишком опасно. Дело в том, что вода прогрелась до 30°C и все прибрежные воды заполнили медузы. Ожоги они оставляют очень болезненные и долго не заживающие.

Ну, уж с этим я сталкивался. Не дай бог опять получить такое «удовольствие». Главное, плохо то, что медузы покинут побережье тогда, когда температура воды снизится на 3–5°C. Но это произойдет минимум через 2 месяца. Выходит, моя мечта накупаться так и останется мечтой. И это при том, что я живу на берегу моря. Полный облом. А завтра опять облом. Где-то что-то прорвало, и пляж заполнился грязной водой и невесть откуда взявшимся плавающим мусором.

На многих пляжах мира морей и океанов с открытой водой существует и более серьезная опасность. Это нападения акул, безжалостных убийц, на купающихся. За пляжный сезон СМИ публикует множество жутких историй со всего света, когда люди подверглись нападению этих хищниц. Это и Красное море в районе Шарм-эш-Шейха, и австралийские пляжи, и пляжи Охотского моря на Дальнем востоке России.

Где вероятность попасть в челюсти акулы наиболее высока?

Самое хлебное место для подводных красавиц – США, конкретнее – Калифорния и Флорида. Второе почетное место для акульего обеда – австралийские воды, рай для серферов. Третье место занимает Южная Африка.

Далее идут Бразилия, Багамы, Южная Америка и другие регионы. В конце списка числятся Новая Зеландия, Бермуды и Фиджи. Возможно, другие страны просто не подают данные в ISAF¹.

¹ [International Shark Attack File](#) – глобальная база данных о нападениях акул. Хранится во Флоридском музее естественной истории в Университете Флориды.

Видно, нужно что-то делать с прибрежной зоной, чтобы не зависеть от всяких неожиданностей, препятствующих полноценному купанию, ведь морская вода – действительно источник здоровья. Не зря же люди рвутся отдохнуть на море.

Как всегда, для того чтобы найти удовлетворительное решение возникшей проблемы, следует оглянуться вокруг и внимательно присмотреться к окружающему нас миру. Природа всегда что-то подскажет, т. к. она лучший творец.

Есть на севере Израиля небольшой поселок под названием Ахзив. Сам этот поселок совсем не примечательный, но на его территории располагается природный заповедник, достойный внимания взыскательного туриста и любителя пляжного отдыха.

На берегу моря располагается старинная крепость, окруженная с одной стороны морем, а с другой – роскошным парком на холмистой местности с зеленым газоном травы. Весь он усажен отдельно стоящими раскидистыми лиственными деревьями, дающими прекрасную тень.

Под деревьями стационарно расположены столы и лавки для посетителей. Заплатив за вход небольшую плату, здесь можно, поставив платку, отдыхать неограниченное время.

Но главное, что здесь есть, – это лагуна, прикрытая каменной грядой от открытого моря. Она разделена на две зоны: для взрослых и для маленьких детей. Здесь можно купаться практически в любое время года, без неудобств, описанных выше, тем более что пляжный сезон в Израиле длится практически девять месяцев.

Значит, следуя подсказанной природой идее, можно отгородить зону пляжей, где они сопряжены с открытым морем, искусственной грядой в виде пешеходной тропы, проходящей в 60–80 метрах параллельно берегу. На иврите такая тропа называется *таелет* (променад).

Начало и конец этой тропы находятся под некоторым углом к берегу и состоят из секций, разделенных между собой проемами со вставленными в них решетками. Эти решетки будут пропускать свежую воду в зону купания и задерживать всякий мусор.

Строительство подобной тропы можно будет начинать от берега, с последующим развитием ее вдоль берега.

Когда для сооружения волнолома используют массивные камни, то со временем такие камни «тонут» в песке, и приходится проводить восстановительные работы. Поэтому *таелет* следует делать из железобетонных конструкций, заполненных прибрежным песком.

Забиваются в песок сваи, в которые вставляются втулки с пазами. В эти пазы в свою очередь вставляются боковые и поперечные ж/бетонные плиты, а проемы между секциями соединяют плитами настила, с зацепами для предотвращения их сползания с торцевых плит. Затем земснаряд заполняет внутреннюю полость морским песком.

Для предотвращения проседания плит и снижения давления на боковые плиты, вовнутрь проема *таелет* вставляются вертикально пластиковые трубы большого диаметра. Весь проем *таелет* заполняется донным песком, при помощи земснаряда.

Песок не сможет проваливаться, как это бывает при строительстве каменной гряды, и не будет распирать боковые стенки *таелет* – за счет пластиковых труб большого диаметра, в которых это давление будет закрываться. При этом нагрузочная способность от вертикальной нагрузки на поверхность пешеходной тропы будет такой, что сможет выдержать и механизмы, используемые при строительстве, что позволит вести такое строительство, начиная с берега.

Итак, приступаем к строительству *таелет*.

В мире существуют прекрасные конструкции многофункциональных земснарядов, мощных и высокопроизводительных. Подобные машины создали в арабских эмиратах такие грандиозные искусственные объекты в море, как пальмовые острова, карта мира и т. д.

Одной из таких конструкций земснарядов, наиболее приемлемой для строительства пешеходной тропы, могут стать финские машины, под названием ВАТЕРМАСТЕР.

По своим характеристикам и назначению – это универсальные, многоцелевые агрегаты, способные удовлетворить практически все запросы строителей морских и речных объектов.

Этот агрегат легко транспортируется по дорогам и самостоятелен при погрузке и разгрузке с транспортной платформы. Машина весьма

комфортна в управлении и эксплуатации. Фирма, которая будет осуществлять строительство таких пешеходных троп, будет весьма рентабельной.

Земснаряд будет формировать также дно закрытой зоны купальни, начиная с 0 глубины и до 2.5 м у самой *таелет*.

В море, на площадке, сооруженной дополнительно и примыкающей к пешеходной тропе можно соорудить открытый концертный зал, который сможет стать центром культурной жизни города и способствовать притоку туристов и жителей других городов. Такую концертную площадку открытого типа, можно увидеть в Юрмале. Наслаждение от концерта и параллельно наслаждение морским воздухом.

У паркетов пешеходной зоны в любое время дня и ночи будут сидеть местные рыболовы и удовлетворять свой здоровый азарт к рыбалке. Развлечение для старых и малых.

На пляжах, защищенных искусственной грядой, можно будет купаться весь год, не опасаясь всех неприятностей и опасностей. Также можно будет соорудить плавательные дорожки для тренировок и соревнований спортсменов-пловцов и специальные зоны купания для маленьких детей.

На таких пляжах дети смогут проводить уроки физкультуры, обучаясь плаванию.

Море повсеместно наступает на сушу. Там, где берег песчаный, с отлогим берегом, или каменистый, этот процесс идет медленно. А там, где берег глинистый или состоит из обычного грунта, разрушение идет быстрыми темпами.

Эта проблема проявляется во многих местах мира и является весьма серьезной. Например, для Азовского моря, по существу мелководного, характерна большая скорость разрушения берегов, особенно восточного. Размыв его резко меняется во времени и пространстве. С участка Приморско-Ахтарск – Ейск протяженностью 93 км ежегодно поступает в море и не участвует в процессах пляже-образования около 2 млн. м³ суглинистого материала. Сильному размыву подвергаются также аккумулятивные берега (наносы, образованные течением) Темрюкского залива.

Для защиты побережья от размыва обычно строят волноотбойные стенки прямого и ступенчатого профиля, буны и подводные волноломы.

Производились наброски из рваного камня, массивов и тетраподов. Но такого рода практика укрепления берега далеко не везде приводит к положительному результату.

Вот здесь-то и пригодились бы предложенные конструкции променадов. Они выполняли бы двойную функцию: создавали курортную зону и оберегали берега от разрушения.

По всем параметрам, сооружения, подобные *таелет*, будут приносить людям радость и здоровье, а фирме производителю работ по созданию тропы здоровья – почет и деньги.

Лариса Мангупли

Между прошлым и будущим

С особым трепетом я листаю страницы старого семейного альбома или перебираю документы, оставшиеся от моих родителей. Вот свидетельство о рождении мамы. Дата рождения – 12 апреля 1912 года. Место регистрации – Карасубазарская крымчакская синагога. У этой же синагоги под хупой вступали в брак ее родители: Бас-Шева и Авраам Мангупли. Смотрю, а в моем воображении рисуется картинка: помолвившись и воздав хвалу Творцу за то, что послал ему дочь, счастливый отец возвращается домой к жене и маленькой Малке. Позже, когда девочка подрастет, он станет как старшую из детей по праздникам брать ее с собой в синагогу. Чтобы к вере приобщалась, к традициям, которые веками передавались в крымчакских семьях из поколения в поколение.

Однажды мама рассказала мне, как в праздник Хануки, собираясь с отцом в синагогу, она перепутала левую туфлю с правой и, пока шла молитва, простояла в неудобной обуви несколько часов, стесняясь помешать взрослым в этом святом доме. Я слушала, а воображение рисовало такую картинку: мой дед в соответствующем одеянии верующих иудеев, покрыв седую голову талитом, кланяясь, произносит молитву в честь Хануки – праздника света и надежды.

Картинка эта, или похожая на нее, всплыла полвека спустя. Уже не в моем воображении, а в реальности. Но о ней – чуть позже. А пока открываю интернет-страницу в группе «Крымчаки. Молодежь» и читаю сообщение о том, что при ремонте инфекционного отделения районной больницы Белогорска под штукатуркой здания обнаружены орнамент, арка центрального входа в здание синагоги и двухметровые металлические Звезды Давида с фрагментами витражей.

До конца 1920-х годов это здание принадлежало самой большой и красивой синагоге Крыма, в которой молились крымчаки Карасубазара (ныне Белогорска). Известно, что в начале прошлого века там их проживало около трех тысяч. Надо же, удивилась я, оказывается, это была та самая синагога, в которой регистрировали брак мои прародители, в которой регистрировали рождение моей мамы. А фотография здания синагоги

была опубликована в блоке иллюстраций недавно вышедшего сборника «И жить, и памятью вернуться...», составителем и соавтором которого стал израильский историк Михаил Гурджи.

Не скрывая волнения, рассматривала в интернет-сообщении фотографии фрагментов религиозных символов здания. И хотя изображение их было недостаточно четким, решила воспроизвести само здание на холсте с помощью кисти и красок. Каждый фрагмент выписывала, стараясь не отступать от оригинала, а там, где не просматривались детали, призывала на помощь свое воображение. Каждый штрих, каждый мазок ложился на холст с частицей собственных чувств, ощущений того, что прикасаюсь не просто к прошлому, а пытаюсь нащупать пульс того времени, тех мыслей и переживаний, с которыми обращались к Всевышнему и мои предки.

Когда работа близилась к концу и мне оставалось додумать планировку здания, мой смартфон просигналил о только что поступившем сообщении. Открываю – и нахожу ссылку на новое видео, размещенное в нашей группе. В капитально ремонтируемом здании инфекционного отделения городской больницы, служившим когда-то синагогой (кьаалом) нашим соплеменникам, молится группа людей. Это крымчаки из разных городов полуострова приехали сюда, чтобы провести праздничный Ханукальный ритуал среди стен, намоленных людьми многих поколений. Вместе с раввином Дороном Хондо они воздают хвалу Творцу за то, что уже в который раз свершилось чудо и что они имеют возможность прикоснуться к нему, почувствовать свою связь с Создателем.

Раввин в накинутах на плечи талите, так же, как когда-то и мой дед, наверное, верит в чудо, ведь рано или поздно, но оно свершается. Так же, как из небытия восстала и эта святыня, на строительство которой более ста лет назад сообща и дружно пожертвовали свои скудные средства крымчаки карасубазарской общины.

Когда картина уникальной синагоги, одной из красивейших в мире, украшенной двумя стройными башенками в мавританском стиле, которая была вторым домом крымчаков, и моего деда тоже, и которой теперь уже не возродиться (в Белогорске сегодня практически крымчаки не проживают), была дописана, я подарила ее музею Крымского общества крымчаков «Кърымчахлар». Пусть она соединяет века, становится

своеобразным мостом памяти, мостом между прошлым, настоящим и будущим.

*Карасубазарская крымчакская синагога.
Картина Ларисы Мангули. Холст, акрил.*

Караимы – последние жители Мангупа

О том, что книга под таким названием готовится к изданию, я знала и ждала ее выхода с особым нетерпением. Не только потому, что хорошо знакома с творчеством одного из редакторов-составителей этого уникального сборника, известного ученого, историка из Крыма Михаила Кизилова. Он автор многих научных и литературных работ и таких уникальных книг, как «Крымская Иудея» и «Крымская Гóтия¹». Сама идея создания новой книги принадлежит искусствоведу и фотографу Игорю Липунову, который и вдохновил Михаила Кизилова и Вячеслава Ельяшевича – лучших специалистов по истории и эпиграфике караимской общины Мангупа. Интерес к общине во все времена проявляли многие путешественники, археологи, люди творческих профессий, в том числе классик русской литературы А. С. Грибоедов. Мой же интерес к сборнику диктовался еще и тем, что в самом его названии упоминается Мангуп – древний город, от которого произошла моя фамилия: Мангупли на русский язык переводится как «из Мангупа». Значит, мои далекие предки родились и жили в этом диковинном крае, который до конца пока еще не изучен историками, археологами. Научные экспедиции уже много лет работают в этих местах, добывая все новые и новые сведения в ценных находках при раскопках древнего пещерного города, в сохранившихся каменных надгробиях с эпитафиями на древнееврейском языке.

Как сказано в предисловии книги, написанном самими авторами, «она является первым, и пока единственным источником достоверной и подробной информации о караимах этого знаменитого города и их древнем кладбище, действовавшем с XV по XVII век».

Три года назад я вместе со своими детьми и внуками побывала на Мангупе. Нашим гидом и водителем выдавшего виды джипа был крымский татарин, выходец из семьи, которая после Второй мировой войны была депортирована из Крыма вместе со всем коренным народом. И

¹ Гóтия – небольшое средневековое христианское княжество, сформировавшееся из бывших византийских, а затем трапезундских владений, так называемой Ператии, на юго-западе Крыма со столицей в городе Мангупе, официально существовавшее в XIV–XV веках (Википедия).

теперь, оказавшись на своей родной земле, наш гид с особой любовью рассказывал об этих местах, о сохранившихся каменных помещениях, намоленных, как он заметил, аборигенами многих столетий. Мои дети и внуки, охая и ахая на крутых, довольно опасных подъемах и спусках, неожиданных поворотах тропинок, на которых просто не разъехаться двум автомобилям, закрывали лицо руками от страха перевернуться вместе с дребезжащим от напряжения стареньким джипом. А я пребывала в какой-то эйфории от того, что нахожусь, хотя и в другом времени, но зато в том же физическом пространстве, в котором жили, любили, страдали и боролись за свою землю мои далекие предки. А мое воображение да какие-то скудные сведения рисовали удивительные картины древности.

Примерно такое же чувство вернулось ко мне, когда я уже наконец открыла первую страницу книги и прочитала: «Пытаясь найти хоть какие-то сведения об увиденном (речь идет о пещерном городе Мангупе..., туристы могут провести часы в поисках надежной информации, но не найдут практически ничего. Ведь для того, чтобы осветить историю мангупской караимской общины, надо провести месяцы и годы в архивах и экспедиционных исследованиях, прочесть толстые тома на древнееврейском и крымско-татарском языках».

И как только книга, преодолев почтовый маршрут от Крыма до Святой земли Израиля, оказалась у меня в руках, я уже по дороге домой распечатала бандероль и веером перелистала страницы. Это было ощущение, похожее на чувство преодоления жажды, когда залпом выпиваешь стакан живительной воды. Трудно в это поверить, но каким-то чудесным образом этот книжный веер, еще пахнувший типографской краской, распахнулся как раз на своей середине, и моему взору открылось фото Вячеслава Ельяшевича, запечатлевшее желоб в ограде двора кенассы¹ (молитвенного дома караимов). Когда-то по этому желобку стекали струи воды... Я присела на парковую скамью и прочитала: «...участвующий в археологических экспедициях на Мангупе и частично финансирующий их А. Я. Гидалевич интерпретировал некоторые обнаруженные в районе караимского кладбища и кенассы артефакты как еврейско-

¹ Кенасса – молитвенный дом восточноевропейских караимов.

равнинистические. Соответственно, он сделал вывод о проживании на Мангупе не караимов, а евреев-крымчаков. Вслед за ним, исходя из ономастики надгробных памятников¹, еврейский историк С. М. Дубнов пришел к выводу, что на Мангупе проживали в равной степени как караимы, так и крымчаки. Эти выводы противоречили сложившимся представлениям о конфессиональной принадлежности иудейского некрополя Мангупа».

Ну откуда бы взяться моей фамилии, – рассуждала я, – если мои далекие предки не из тех загадочных для историков мест горного Крыма? И я снова углублялась в чтение увлекательного исследования В. Ельяшевича: «Четыре века на горной вершине Крыма, караимский некрополь в балке Табана-Дере в контексте изучения истории мангупских караимов». А эпиграфом к исследованию автор привел строки из «Плача 1:1»: «Как одиноко сидит город некогда многолюдный! Он стал как вдова...».

Так к какой же конфессии я принадлежу? – думала я. Среди караимских фамилий встречается «Мангуби», а среди крымчакских – «Мангупли». А под Мариуполем есть село Мангуш, где жили среди прочих и крымчаки, и караимы. Я пыталась привести к общему знаменателю свои мысли, но они порой противоречили выводам то одних ученых, то других. Потому что одни считают, что древний пещерный город населяли караимы, другие – что евреи-раввинисты, т. е. крымчаки. Увлеченная этим спором ученых умов, дочитала до того, *что* думала об этом такие известные караимские общественные деятели Феодосии как С. С. Крым и Б. Я. Кокенай. Они видели причины возникновения спора в многовековой межконфессиональной розни евреев и караимов. И автор этого исследования приводит строки из письма молодых феодосийцев /1913 г./ в Таврическое и Одесское Караимское духовное правление:

«1) Известно ли Караимскому Духовному правлению, что осенью минувшего года в древнем караимском городке, Мангуп-Калэ, были произведены раскопки евреем-археологом Гидалевичем, и что результатами этих раскопок было утверждено, что найденные древности –

¹ Ономастика надгробных памятников – совокупность собственных имен, имеющихся в языке.

происхождения еврейского, а не караимского?

2) Если все это известно Караимскому Духовному правлению, то какие меры были приняты, чтобы доказать истину (а именно: что в этом городе жили караимы, а не евреи, и что древности караимские, а не еврейские, и доказать это документально), кроме единоличного выступления на страницах «Крымского вестника» севастопольского газзана¹ Т. С. Леви, которое, к сожалению, не привело ни к какому положительному результату».

Я списывала с книги эти строки, а мысленно унеслась на полгода в прошлое. Тогда в городе Тель-Авив-Яффо проходило собрание, на котором крымчакская община Израиля, насчитывающая более 600 человек, получила статус официально зарегистрированной в Министерстве юстиции Израиля. В перерыве выступали наши дети и внуки, пели песни и танцевали, крымчачка Жанна Шалом исполнила несколько песен на родном языке крымчаков, который изучала еще будучи студенткой в Симферопольском госуниверситете. А профессиональный музыкант, газзан караимской общины Ашдода, Авраам Кефели, приглашенный вместе с супругой Татьяной на знаменательное событие крымчаков, играл на фортепьяно. Звучали мелодии такие близкие моему сердцу – ведь с ними связано тепло родительского дома, воспоминания о семейных музыкальных вечерах. Именно эти мелодии самозабвенно выводил на струнах своей мандолины мой папа, а мы с мамой и сестрами танцевали грациозную крымчакскую хайтарму. Я знаю, что этот традиционный танец любят и в караимской среде, ведь у нас так много общего: схожие обычаи, кухня, язык, в основе которого крымско-татарский.

Не случайно основной язык книги, каждая страница которой содержит так много информации о нас, выходах из Мангупа, – русский. Но публикуются также и материалы на национальных языках народов Крыма (древнееврейском, караимском и крымчакском диалектах крымско-татарского языка). Отдельные тексты даются на международном языке – английском.

¹ Газзан – караимский священнослужитель, совершающий богослужение в кенассе.

Все пять разделов сборника статей, иллюстрированных уникальными фотографиями, написаны известными российскими и израильскими исследователями, в числе которых М. Кизилов, В. Ельяшевич, Н. Кашовская, А. Ефимов, Д. Шапира. Они рассматривают все аспекты многогранной истории древнего народа, его традиции, обычаи, описывают памятники архитектуры пещерного города, его жилые кварталы и общественные здания. Остается только сожалеть, что тираж книги небольшой – всего 300 экземпляров. А так хочется, чтобы это издание оказалось не только в руках крымчан, но и израильтян тоже, ведь нас здесь – караимов и крымчаков – немало, а знать свои истоки интересно каждому. И спасибо авторам за увлекательный экскурс в далекое прошлое, в котором когда-то забили родники наших народов.

Евгений Бухштаб «Авраам-авину» Бенциона Тавгера

Мне повезло начать свою научную деятельность с совершенно новой, животрепещущей тогда, проблемы – размерного квантования в металлических пленках. Довелось встретиться и разговаривать с многими хорошими людьми, в частности, я вспоминаю Бенциона Ароновича Тавгера. Мне повезло, что я с ним встречался в жизни, но его влияние на меня неожиданно продлилось и после его смерти. Он умер в 1983 г., я сделал алию в 1992, и тем не менее мы с ним здесь встретились.

По порядку. Бенья Тавгер – так его называли сослуживцы – сделал ряд работ о размерном квантовании, это помогло нам наблюдать эффект экспериментально. Я ездил в Горький, где жил и работал Тавгер, мы обсуждали общие проблемы. У него в Горьком была сложная жизнь – это был закрытый горд, а Тавгер был близок еврейской традиции, религии, основал группу борцов за репатриацию в Израиль. При этом в Горьком даже чтение Торы считалось преступлением – запрещенная литература. Может, еще чего запрещенного захотят? Над Тавгером сгустились тучи, он одно время даже скрывался, но понятно, что это не могло продолжаться долго. Слава Б-гу, в Новосибирске открылся островок свободы – Академгородок, Тавгера приняли на работу в Институт физики полупроводников. Не буду рассказывать более подробно. Теперь, если хочется, можно открыть Википедию, и она расскажет всю биографию человека, только спроси. В 1969 г. в Академгородке проходила 1-я Советско-Японская конференция по физике низких температур. Здесь я опять встретился с Тавгером, побывал в Институте, так что при защите кандидатской диссертации искать оппонирующую организацию не пришлось. Замечу, что спустя 15 лет эта же лаборатория стала оппонирующей организацией уже при защите докторской. К сожалению, уже без Тавгера (*Зихроно ливраха*).

В 1972 г. Тавгер сделал алию. Он успешно начал научную карьеру в Израиле, но затем, когда ему предложили создать институт, чего он более чем заслуживал, потребовал, чтобы институт работал в Хевроне – одном из святых для евреев месте. Некий аналог Академгородка в Израиле. Левое правительство с этим не могло согласиться – институт за зеленой

чертой?! Тавгер одно время жил в помещении при еврейском кладбище, там было удобно заниматься тем, что он тогда делал. Об этом ниже. Зато какую радость он принес советской пропаганде: «Крупный физик из России в Израиле вынужден работать кладбищенским сторожем» – ввали они. Почему-то и в Горьком, а в потом и в Новосибирске никто из КГБ и начальства не вспоминал, что имеют дело с действительно крупным физиком, всячески мешали ему жить и работать. Для справедливости замечу, что и в Израиле левое правительство не способствовало его научной работе, а в общественной просто мешало вплоть до попыток заключения в тюрьму. Вот такой он был человек – в борьбе за свои принципы не терпел компромиссов.

Вот теперь главное: а что же такого делал в Хевроне Бенцион Тавгер? Прежде всего, он организовал восстановление разрушенного еврейского кладбища в Хевроне, боролся против дальнейшего осквернения и разрушения иудейских святынь после жуткого погрома 1929 г. Главным его врагом в этом было левое правительство и сам министр обороны Шимон Перес. Но они не смогли помешать Тавгеру сделать одно из главных дел своей жизни – восстановлению синагоги «Авраам-авину».

После погрома 1929 и ухода евреев из Хеврона она была превращена в скотный двор. С трудом ее обнаружили в грязи. И Тавгер совершил невозможное – он добился расчистки всей этой горы грязи – сам, без денег и помощи властей. Даже наоборот – власти всячески препятствовали работе. Тавгеру (до чего умный человек!) удалось убедить местных арабов, что они совершили святотатство, Б-г не простит! И арабы бесплатно участвовали в расчистке. А «помощь» Переса заключалась в том, что он за это преследовал Тавгера и его сподвижников. Но осудить их не удалось, правительство потерпело поражение. Синагогу восстановили и реставрировали. Она маленькая, белая, такая уютная и родная, что я всегда с радостью и волнением туда прихожу (очень редко, к сожалению). Жил бы ближе, ходил бы чаще. А район возле синагоги называли Шхунат Бен Цион в честь Бенциона Тавгера. Его я уже не застал, но с его молодым другом художником Шмуелем Мушником удалось познакомиться, поговорить. Я был на нескольких его экскурсиях, в том числе на незабываемой «По стенам Старого Города». Так Бенцион Тавгер оказал влияние на мою жизнь

в Израиле даже после своего ухода из жизни... Тавгер успел написать книгу – «Мой Хеврон», изданную уже после его смерти. А я вспоминаю его, восхищаясь силой его характера, эти воспоминания называю для себя «Мой Тавгер».

От редакции

Жизнь безусловно заслуживает гораздо большего, чем короткая заметка в журнале. В последние месяцы жизни доктор Тавгер надиктовал на магнитофон свои воспоминания. Книга под названием «Мой Хеврон» была издана в 1998 году. Электронная версия книги, предназначенная для онлайн чтения и бесплатного скачивания, размещена по ссылке выдающегося ученого Бенциона Ароновича Тавгера (1930–1983):

https://royallib.com/book/tavger_bentsion/moy_hevron.html

Эйтан Адам

Менахем Бегин (1913–1992) – человек и легенда¹

О Менахеме Бегине есть легенды, но о Менахеме Бегине написано и исключительное количество лжи, самой натуральной лжи.

В течение десятилетий «левые» распускали ложь про «правых», а «правые» про «левых», и уверяю вас, я не знаю, кому здесь отдать пальму первенства. Ложь «слева» и «справа» обрушивается на нас на всех в огромном количестве, и на русском языке особенно много.

Что касается легенд, то одну легенду я разрушу прямо сейчас. Считается, и во многих местах вы это прочтете, что Менахем Бегин был человеком, который всегда ходил в костюме и при галстуке. Я еще до подготовки к этой лекции знал, что это не так, я помнил его фотографии с открытым воротом. Но, готовясь к этой лекции, я увидел огромное количество снимков, где он с раскрытым воротом вообще без пиджака, в рубашке с коротким рукавом и т. д. и т. п. Я даже видел одну фотографию молодого Бегина в шортах. В целом он одевался адекватно климату. Хотя, как правило, предпочитал действительно костюм и галстук.

Мечислав Вольфович Бегун родился 16 августа 1913 г. в Брест-Литовске, Гродненской губернии, Российской империи. Через год началась Первая мировая война, после которой этот город оказался в Польше. Именно тогда его отец сменил фамилию с Бегун на Бегин (более красивую). Мечислав было его официальным именем в Польше, хотя еврейское имя было Менахем.

Он окончил еврейскую религиозную школу, а затем государственную польскую гимназию. В какой-то степени он был верующим. Его родители были верующими, это известно. Но его отец был религиозный сионист и, в частности, он был в конфликте с местным раввином, который принадлежал к антисионистской «Агудат Исраэль».

Менахем Бегин, несомненно, получил неплохое религиозное

¹ Статья основана на лекции, прочитанной автором 3 Швата 5782 г. (3.2.2022) в «Клубе книголюбов» в Бейт-Оле в Хайфе.

воспитание. Факт, что во время подполья он скрывался под именем раввина Сосовера. Правда, тогда раввинов в Стране было немного, и поэтому было меньше шансов проколоться. Но, все-таки, для того чтобы изобразить из себя раввина, нужно иметь подготовку.

Итак, учится в религиозной школе, оканчивает гимназию, потом идет учиться в Варшавский университет, который окончил в 1935 г. магистром права.

А тем временем в Стране Израиля происходит много событий. Был объявлен британский мандат на управление Палестиной. Евреи в массе своей были очень рады, но...

Все евреи тогда были уверены почему-то, что мандат, который получила Британия на Палестину – это мандат на создание еврейского государства. Ничего подобного! Даже в декларации Бальфура говорится о еврейском национальном очаге в Палестине при условии, что это никак не помешает правам других жителей. Та же фраза повторена в документе мандата. Там нет ни слова о еврейском государстве, а говорится о «национальном доме» и опять-таки подчеркивается, что это, не дай Бог, не должно никак задевать права других, живущих здесь¹.

Поэтому, к сожалению, все действия англичан, которых так ругали евреи, все те действия были в рамках мандата.

Когда начался мандат, тогда большинство еврейских организаций, включая как мейнстрим, в то время под руководством Хаима Вейцмана, так и «левых» социалистов, среди которых уже тогда начинал действовать Бен-Гурион, их будущий лидер, приняли эти правила игры. У них возникла идея, что называется, «государства в пути». Этого не принял Жаботинский и те, кто вместе с ним образовали группу «правых» сионистов-ревизионистов.

Сейчас я забегу вперед. В 1962 году Геула Коэн – одна из активисток Лехи, а это была самая «правофланговая» организация из сионистских, – опубликовала книгу воспоминаний. Книга произвела большое

¹ Точно так же, как русские направо и налево кричат, что НАТО обещало не распространяться на восток. Никто никогда от имени НАТО этого не говорил.

впечатление на тогдашнего премьер-министра Бен-Гуриона – лидера «левой» партии «МАПАЙ». Настолько большое, что он написал ей большое личное письмо. В этом письме он, с одной стороны, выражает свое восхищение. Но, с другой стороны, он изложил подробно свое мнение о том, что из себя представлял конфликт между евреями в то время в Стране.

Я позволю себе привести большие выдержки из этого письма.

Не уничтожение чужеземной власти, – а возвращение в Сион, то есть, алия, поселенчество, еврейский труд, охрана, оборона, возрождение языка иврит, накопление сил при любых условиях и любыми возможностями – вот тайна тайн возрождения нашего народа. Для освобождения Индии, Бирмы, Цейлона, Ганы, Нигерии и других – словом, для освобождения народов, что тоже были под чуждой властью, достаточно было ее уничтожения или удаления.

Не так в Израиле. В нашей стране уничтожались и менялись много раз чужеземные власти – римская, византийская, персидская, арабская, крестоносцев, сельджуков, мамелюков, турок – но не возникло еврейское государство.

Хотя Жаботинский и говорил, что в еврейском государстве будет арабское меньшинство в два миллиона, он не указывал решения – каким же образом окажется более двух миллионов евреев в стране до провозглашения еврейского государства. Он считал, что лишь еврейское большинство по обоим берегам Иордана может означать «еврейское государство». И ученики Жаботинского, глава Эцеля и глава Лехи, тоже не видели решения. Не дали ответа, как это сделать. Все воспитанники ревизионистского движения и те, кто шел под знаменем «политического сионизма» не видели реальной преграды, мешающей возрождению Израиля на нашей земле.

Преградой этой не была чуждая власть, – а чуждое население на земле наших предков и отсутствие еврейского населения.

И «национальные учреждения» и «люди Хаганы», над которыми ты иронизируешь в книге, – судьбой было мне предназначено стоять во главе этих «учреждений» и «людей Хаганы» в течение 15 лет до создания

государства Израиль, – всеми фибрами души чувствовали все годы, что главное, это – возвращение в Сион, поселенчество, еврейский труд и так далее, как я отметил выше.

В статье «Два пути» в начале 1933... ты найдешь разницу, которую я отметил тогда между сионизмом халуцианским и демонстративным сионизмом.

Первый не надеется на внешние силы, но умеет бороться за политические условия, удобные и действенные, и все надежды он возлагает на желание еврейского народа создавать трудовые ценности и быть инициатором еврейского поселенчества, на абсорбцию репатриантов, на концентрацию внутренней еврейской силы, взыскательной к самой себе, в то время, как второй видит центр тяжести во внешней силе государства и все его требования обращены вне.

Мнение «национальных учреждений» и «людей Хаганы» было в корне иным: «будем воевать против Белой книги, как будто не было мировой войны, и будем воевать против Гитлера на стороне англичан, как будто не было Белой книги...»

Но еще до начала Второй мировой войны мне стало ясно, что нет никаких шансов на то, что Англия выполнит свои обещания еврейскому народу. И в своем выступлении перед членами Хаганы спустя пять дней после начала Второй мировой войны, 8 сентября 1939 года, я настаивал на том, что мы тоже заинтересованы в уничтожении Гитлера и нацизма, и не менее Англии нуждаемся в ее победе над гитлеровской Германией. Но у нас есть еще одно самое важное дело, и это – Страна Израйля. И нам следует пробиваться к этой цели – созданию еврейского государства!

Эта цель должна с этого момента направлять и определять все наши действия и шаги, пронизать все наше бытие, поведение, внутренние усилия и отношение к внешнему миру. (Эти же слова ты найдешь в моей книге «В боевом строю»... в статье «С началом мировой войны».)

То есть, с одной стороны, ревизионисты, которые искали прежде всего политическое решение, а с другой стороны сионистский мейнстрим,

который говорил, что пока политического решения нет, но мы будем работать дальше на построение еврейского «национального очага» в Стране – как ядра будущего государства.

Это вовсе не значит, что официальный еврейский *ишув* во всем подчинился англичанам. Хагана была основана в 1920 г. как нелегальная военная организация. «Моссад ле-Алия Бет» был основан в 1933 г. Это та организация, которая доставляла нелегальных иммигрантов в Страну. К 1948 г. в стране было 600 000 евреев, из них 110 000 нелегальных, подавляющее большинство были доставлены Моссадом. Многие из этого Моссада перешли в другой Моссад, у них были наработаны нелегальные методы.

А из «левой» Хаганы вышел «правый» Эцель (в 1931 г.), который начал вести себя слишком активно.

Бегин пока что сидит в Польше. Он становится лидером польского «правого» Бейтара в 1938 г. Тогда им была сказана интересная фраза, она зафиксирована: «Я ставлю цель. Специалисты ее достигнут.» То есть Бегин считал, что есть политическое руководство, которое ставит цель, а работа будет сделана потом и другими.

В 1939 г., незадолго до начала Второй мировой войны, 26-летний Менахем Бегин женился на 19-летней Алле Арнольд. Вот это была любовь с первого взгляда и, как оказалось, очень надежная любовь.

Потом началась Вторая мировая война. Вся семья Бегина, братья, сестры и т. д., все погибли в Бресте. Сам он с женой успел добраться до Вильнюса, где и был арестован 25 сентября 1940 г. НКВД.

Историк Михаил Хейфец считал, что этот арест произвел некоторый переворот. Дело в том, что Бегин действительно оказался последним арестованным сионистом. А что было с другими? Факт, что и Израэль Эльдад, в доме которого был арестован Бегин, и жена Бегина, и Моше Снэ, из будущих командиров Пальмаха, и другие сионисты смогли еще до 1942 г. покинуть СССР и попасть в Палестину. То есть с арестом Бегина прекратились другие аресты сионистов.

Причина была проста. НКВД и советская власть в целом были уверены, что сионизм – это слуга английского империализма. И вдруг перед

ними сионист – враг английского империализма. Видимо, это сыграло свою роль.

Итак, с 1940 г. Бегин ээк, где-то в Архангельской области. Но в 1941 г. после начала войны начала формироваться на территории СССР польская армия Андерса. Бегин, разумеется, выразил готовность в нее вступить и поэтому был освобожден и попал в эту армию. Армия была переброшена на африканский фронт через Иран и Палестину.

Далее я читал несколько версий того, каким образом Бегин оказался вне армии Андерса. Оказавшись здесь, в Стране, на мой взгляд, он просто дезертировал. Здесь достаточно быстро он стал командиром Эцеля, политическим командиром.

В то время ситуация с вооруженным подпольем была такова: была «левая» Хагана со своими подразделениями, включая Пальмах, были «правые» Эцель и Лехи. Разница между Эцелем и Хаганой – Эцель требовал активных действий (политических прежде всего); Хагана – само слово означает «оборона» – вела себя более сдержанно. Но и Эцель прекратил действия против англичан с начала Второй мировой войны, и тогда из него вышла группа Лехи, которая решила бороться с англичанами и во время войны несмотря на войну.

Теперь необходимо внести некоторую терминологическую ясность. Знаменитый Че Гевара говорил, что у народной армии есть 3 уровня борьбы: терроризм, партизаны, регулярная армия.

Когда я говорю «терроризм» (не путать с террором!), я говорю только о методах борьбы. Строго говоря, любая спецслужба – это терроризм, это террористы. Проблема в том, что есть многие террористические организации, которые занимаются тем, что атакуют мирных граждан, т. е. занимаются террором! Но, скажем, Ицхак Шамир, из бывших командиров Лехи, один раз в беседе с английской корреспонденткой сказал: «Арафат не террорист, Арафат убийца, это я был террористом».

Итак, терроризм это просто метод, метод быстро нанести какой-то болезненный удар и скрыться. Террористы не вступают в бой.

Партизаны уже вступают в бой, но ведут локальный бой в отрыве от главных сил (если они вообще есть), после которого партизаны опять-

таки скрываются.

Наконец, регулярная армия может вести настоящие фронтальные бои.

Лехи и Эцель в то время были, несомненно, террористическими организациями. Кстати, что касается целей, Эцель нередко нападал и на арабские гражданские объекты в отместку за нападения арабов на еврейские гражданские объекты – это было в 1930-е годы. Но все-таки главной их целью были англичане.

Хагана и Пальмах имели как гарнизоны, так и полевые части, и это уже было более серьезно.

1942 г., лето. В отеле «Билтмор» в Нью-Йорке прошла экстренная сионистская конференция. Обычно устраивались каждые несколько лет сионистские конгрессы. А вот тут из-за войны была только конференция. На конференции была принята Билтморская программа. Означенная программа совершенно четко потребовала создания еврейского государства, свободной иммиграции в страну (иммиграция была очень сильно ограничена англичанами) и свободного поселения на всех внутренних землях. Т. е., прошу заметить, с этого момента не было политической разницы между сионистским мейнстримом и ревизионистами. Билтморская программа совершенно совпадала с программой ревизионистов. Однако объединения не произошло.

С 1944 г. Эцель снова начал нападать на англичан. А Лехи и не прекращал нападать. Т. е. исчезла идейная разница между Эцелем и Лехи. Однако объединения опять же не произошло.

Впрочем, разъединяться гораздо проще, чем объединяться, к сожалению.

В ноябре 1944 г. в Каире был убит лорд Мойн, британский министр по делам Ближнего Востока. Убит он был бойцами Лехи, которых поймали, судили и повесили.

Представители Хаганы встретились с Бегиным и попросили его прекратить террористическую борьбу против англичан. Потому, сказали они, что настанет день, когда мы все будем сражаться вместе, а сейчас вы просто мешаете. Бегин отказался.

Я не знаю была ли встреча представителей Хаганы и Лехи, потому что они могли сказать, что раз Бегин отказался, то с Лехи говорить уже бессмысленно.

Тогда начался так называемый «Сезон», в смысле сезон охоты. Подчеркиваю, только в рамках Пальмаха было создано подразделение под командованием Меира Паиля, которое начало ловить и выдавать англичанам людей Эцеля и Лехи. В общей сложности было поймано и выдано около 700 человек. Но англичане потом жаловались, что только чуть больше половины были действительно людьми Эцеля и Лехи, а другие люди были случайными.

«Сезон» прекратился к апрелю 1945 г. сам собой, потому что сами пальмахники начали один за другим отказываться участвовать. И когда отказался участвовать и Игаль Алон (на тот момент он был заместителем командира Пальмаха), «Сезон» закончился.

Но вот отгремела Вторая мировая война, вернее, отгремела в Европе – потому что на Дальнем Востоке война еще продолжалась. И Хагана с Пальмахом, и Эцель, и Лехи начали вести совместную борьбу. Не было единого командования, но была координация между тремя организациями¹. Разумеется, Хагана и Пальмах делали основную работу, потому что они были и больше, и сильнее.

В своей книге «Восстание» Бегин написал совершенно справедливо, что англичане не стали бы уходить из Страны так быстро, если бы не восстание. Но он весь «кредит» берет себе, а это неверно, восстание было общим.

Например, почему англичане начали вывозить пойманных нелегальных репатриантов на Кипр? Ведь они их арестовывали здесь, в Стране, и помещали в лагеря. Но на эти лагеря неоднократно нападал Пальмах. Нападал, прорывался и освобождал репатриантов. Так что пришлось везти их на Кипр, а не оставлять здесь.

«Черная суббота», 29 мая 1946 г. В эту субботу англичане арестовали 2700 человек. Почти целиком руководство *ишува* за редкими исключениями, а также многих других, в т. ч. около 1500 бойцов и командиров

¹ Разъединяться гораздо проще, чем объединяться...

Пальмаха. Они хотели обезглавить сопротивление. В т. ч. они захватили огромное количество секретных документов Хаганы и национального управления *ишува*. Эти документы были свезены в отель «Царь Давид» в Иерусалиме, там сидела часть мандатной администрации.

Документы были, конечно, на иврите, и отвезли их для того, чтобы перевести и обработать. Хагана обратилась к Эцелю с просьбой взорвать этот самый отель вместе с документами, естественно. Почему обратилась к Эцелю – потому что знала, что у Эцеля есть хороший опыт такого рода действий в центре города.

Это было сделано 22 июня 1946 г. Но несмотря на то, что был сделан телефонный звонок заранее о том, что здание заминировано и будьте добры эвакуироваться, англичане не провели эвакуацию здания. В результате 91 убитый – это кроме огромного количества раненых. Убиты были как англичане, так и арабы и еврей-сотрудники.

А вот дальше самое интересное. Хагана нужно было, чтобы были уничтожены только документы. Эцелю тоже не нужны были такие жертвы. Но по факту жертвы были, 91 человек.

Хагана попросила Эцель взять на себя всю ответственность за этот взрыв, и Эцель это сделал. Десятки лет во всех книгах по истории было написано, что взрыв сделал Эцель по собственной инициативе. Десятки лет.

Далее в феврале 1947 г. еврейское восстание добилось своей цели – англичане заявили в ООН, что они намерены оставить страну, и что пусть ООН решает, что делать.

29 ноября 1947 г. было принято решение ООН о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское – и на выделение Иерусалима и Вифлеема в международную зону.

Кто видел карту раздела, поймет, что она была совершенно не жизнеспособна. Но еврейское руководство имело мужество это решение принять и заявить, что будет действовать адекватно этому решению. Эцель и Лехи подчинились руководству. Тут же началась война, что называется, повсеместно.

Что же, какими же силами располагал еврейский *ишув*? Пожалуйста.

Хагана: 32 000 бойцов гарнизонной милиции, то есть людей, которые живут в городах и т. п. и при этом несут военную службу по месту жительства; 10 000 бойцов полевой милиции, опять-таки мирных жителей, которые время от времени берут оружие в руки и действуют не у себя дома, а куда их пошлют; и, наконец, регулярные ударные отряды Пальмаха – хорошо вооруженные и обученные 3000 регулярных бойцов плюс 4000 резервистов. К тому же у Хаганы были свои подпольные предприятия, где производились винтовки, гранаты, пистолет-пулеметы «СТЭН» (копии английских), минометы 2-х, 3-х и 6-дюймовые, боеприпасы и мины.

Эцель – менее 3000 бойцов, причем пятая часть из них находится в Иерусалиме. Замечу, что по плану раздела Иерусалим должен был оказаться вне еврейского государства, хотя там были люди и из Хаганы тоже.

Лехи – менее 1000 бойцов в общей сложности.

Обратите внимание на размеры и Эцеля, и Лехи в сравнении с Хаганой и Пальмахом. Но хуже всего – Эцель и Лехи были просто не подготовлены к ведению открытых военных действий.

9 апреля 1948 г. был бой за Дейр-Ясин (арабское село около Иерусалима). Обычно, когда говорят про бой в Дейр-Ясине, то утверждают, что было убито много мирных жителей, и стоит вопрос: погибли они во время боя или там была потом бойня?

Так вот, этот вопрос не разрешен до сих пор, потому что есть очень много совершенно противоречивых свидетельств. Но есть другая проблема: как происходил сам бой? Это был первый открытый бой, который приняли Эцель и Лехи, до этого были только теракты. 120 человек – 80 бойцов Эцеля, 40 бойцов Лехи, – вооруженные стрелковым оружием с утра атаковали село. Арабские села обычно занимают большую территорию, Дейр-Ясин не был исключением. В селе арабских бойцов было всего ничего, но там было несколько хороших снайперов, которые засели в верхних домах села и начали оттуда очень метко стрелять. Бойцы Эцеля и Лехи смогли занять лишь небольшую часть села и были там блокированы. Так продолжалось 3 часа, и тогда прибыло подкрепление Пальмаха – 12 человек, но с минометом. Они взяли село за полчаса.

Я не хочу здесь обвинять бойцов Эцеля и Лехи в том, что они не

были достаточно смелыми, но они просто не были достаточно обученными. Как человек в прошлом военный могу сказать, что бой в населенном пункте самый сложный вид боя. Самый сложный.

Далее. Операция «Биур Хамец»¹. Когда мы сегодня смотрим на карту Гуш-Дана, то вокруг Тель-Авива мы видим сплошные еврейские города. Тель-Авив переходит в Рамат-Ган, Рамат-Ган в Бней-Брак – границ между ними не видно. Но тогда границы были. Да, все эти города были небольшими, между ними были пустые пространства и было полным-полно разных арабских населенных пунктов вокруг. Йехуд и Азор – это бывшие арабские села, которые позднее стали еврейскими городами. Были и другие, и, наконец, был портовый город Яффа, совершенно арабский. Хагана спланировала операцию «Биур Хамец» с целью вычистить оттуда арабов.

Действовать нужно было быстро, если какие-то бои продолжались слишком долго, то появлялись англичане. Они уже почти ушли из Страны, но все еще кое-где действовали. Как действовала Хагана? Начали движение с северо-востока, там, где сегодня развязка Геха. Движение шло на юг, юго-восток и юго-запад, шла зачистка сел одного за другим, выгоняли жителей, и в конце концов, по плану, выбивая арабов один за другим из всех населенных пунктов, Яффу должны были окружить. И тогда жителям ничего бы не осталось, кроме как бежать. Хагана надеялась взять Яффу без боя.

Бегин решил действовать раньше. Бегин собрал около 1000 бойцов Эцеля и приказал атаковать Яффу, при этом были учтены уроки Дейр-Ясина. у Эцеля были 2 миномета. Тем не менее, 1000 человек на такой город, как Яффа, было недостаточно. Операция застряла. Тут вмешались англичане, но потом появился фланг Хаганы. В конце концов как-то они все это утрясли, Эцель вышел из города, взорвав несколько опорных пунктов.

Получается, что в Яффе оставшиеся арабы должны быть благодарны Эцелю. Если б он не вмешался, арабов бы там не осталось, Хагана бы их оттуда вычистила.

¹ Дословно «ликвидация квасного», предпасхальный обычай.

Наконец 14 мая 1948 г. было провозглашено государство Израиль. Хагана и Пальмах превратились в Армию обороны Израйля, Эцель и Лехи совершенно официально присоединились к армии, кроме тех 600 бойцов Эцеля, которые находились в Иерусалиме, поскольку Иерусалим тогда был вне границ Израйля. Тем не менее, за Иерусалим и за дорогу к нему велись тяжелейшие бои.

Далее перед нами страшное дело – дело судна «Альталена».

Где можно было достать оружие? Оружие имелось в Европе, в Америке. Мир был завален оружием после Второй мировой войны, причем устаревшим. Это не значит, что можно было просто купить оружие, надо было кого-то подмазать и т. д. Но в общем, оружие было.

Эцель смог купить и нагрузить оружием целое судно во Франции. Это судно пошло в Страну. Шла война за независимость. «Альталена» пришла 19 июня 1948 г. Как раз в это время было подписано 1-ое перемирие, и одним из условий перемирия было эмбарго на поставку оружия в Страну. Хотя, вообще-то, в Страну вошли армии со всех арабских стран вокруг. Временное правительство во главе с Бен-Гурионом приняло эти условия.

Бегин вел переговоры с Бен-Гурионом насчет «Альталены», но не напрямую, а через посредников. Не было ни единого личного или хотя бы телефонного разговора между Бегиним и Бен-Гурионом. Хуже того, не было не единого клочка бумаги, на котором было бы что-то написано, что будем делать так или будем делать этак. Каждая сторона соглашение поняла по-своему.

Бегин требовал, чтобы 20% оружия было послано подразделениям Эцеля в Иерусалиме. Сам же Бен-Гурион готов был пойти на нарушение эмбарго, чтобы получить это оружие. «Альталену» направили разгружаться на берег около Кфар-Виткин, недалеко от Нетании, именно для того, чтобы быть подальше от наблюдателей ООН.

Они начали разгружаться. Почему-то люди Бегина были уверены, что все в порядке, все хорошо, все обговорено. Ничего не было по-настоящему обговорено, а с точки зрения Бен-Гуриона они должны были сдать все оружие. Далее на каком-то этапе появились солдаты, появился

местный командир бригады Эпштейн. Он приказал: «Сдать оружие. Приказываю сдать оружие».

Он действовал по приказу Генштаба, которому приказал Бен-Гурион. Он не сказал, что это приказ сверху, он сказал просто: «Я командир бригады, сдайте все оружие мне».

Бегин подумал, что это местная инициатива. Вот мы, вот оружие, а вот командир – местный армейский командир, который приказывает это оружие сдать. Юристу Бегину в голову не пришло, что, если он не подчинится этому приказу – он превратится в вооруженного мятежника.

На берегу возникла перестрелка. Бегин и Эпштейн приказали прекратить огонь, но, пока его прекратили, погибли 4 бойца Эцеля и 2 бойца армии, еще какое-то количество были ранены. И тогда Бегин решил, что оружие, которое уже сгружено на берег, пусть Эпштейн забирает, а мы на «Альталене» поплывем в Тель-Авив. У нас в Тель-Авиве много приверженцев и т. д. И они поплыли в Тель-Авив.

Телефоны везде работали. Люди Эцеля, вступившие в армию, быстро узнали, что происходит. Многие, не все, но многие, покинув свои части, отправились в Тель-Авив. Армия понимала, что может случиться, выставила кордоны на дорогах, кое-где они сработали. Еще 2 бойца Эцеля были убиты на этих кордонах.

Бойцы Эцеля прибыли в Тель-Авив. Начались перестрелки. Прощу заметить, не по приказу Бегина, никоим образом, но там начались перестрелки между ними и армией¹.

«Альталена» пришла в Тель-Авив, но села на мель недалеко от берега. Был передан ультиматум сдать все. Бегин надеялся, что мирные граждане помешают Бен-Гуриону открыть огонь, но он ошибся. Началась стрельба, люди с берега разбежались. И в результате, как и было сказано в ультиматуме, был открыт огонь из пушки. С 3-го снаряда они по «Альталене» попали, с 4-го она загорелась. Пришлось покинуть судно, оно

¹ Когда рассказывают, что Ицхак Рабин кидал гранаты из окон штаба Пальмаха, то заметим, он их кидал не в «Альталену», он их кидал в бойцов Эцеля, которые пытались штурмовать штаб Пальмаха. Что вы от него хотите, чтобы в этой ситуации он не кидал гранаты?

затонуло¹.

Бойцы Эцеля, бегавшие по берегу, кричали: «Бегин на корабле! Надо спасти Бегина». Когда это услышали бойцы Пальмаха, они открыли по Альталене бешеный огонь из стрелкового оружия. Стреляли очень ожесточенно, все-таки ненависть между лагерями была очень большой. Бегин спасся просто чудом.

В этих перестрелках погибли 1 боец армии и 10 бойцов Эцеля. Еще было много раненых. Среди прочих был смертельно ранен и умер в больнице Авраам Ставский, которого ложно обвиняли в убийстве Арлозорова².

К чести Бегина следует сказать, что он и во время «Сезона», и во время других дел принципиально выступал против братоубийственной войны. А в тот вечер, после потопления «Альталены», люди Бегина и люди Лехи говорили: давайте прорвемся в Иерусалим, организуемся там. Бегин категорически от этого отказался. Категорически.

Наконец выборы 1949 года. Первые выборы в Кнессет. Тот самый Кнессет, 120 человек, парламент Израиля. Бегин получил 14 мандатов для своей партии «Херут». Еще один мандат получил список от Лехи, еще 4 мандата получили коммунисты. А 101 мандат поддержали Бен-Гуриона, который и возглавил правительство. И арабская партия (2 мандата), и религиозные партии, и «Общессионистская» партия Вейцмана – все они поддерживали правительство Бен-Гуриона.

Кстати, именно Бен-Гурион организовал то, что называется «статус-кво» касаясь отношения между религией и государством. То, что мы имеем сегодня, это дело рук Бен-Гуриона.

Итак, началась открытая легальная деятельность Бегина-политика. Началась с очень «низкого старта» – «правые» в целом имели только 15 мандатов из 120.

Как мы знаем, в конце 1949 г. праздновали знаменитое семидесятилетие Сталина. Которому все без исключения посылали

¹ К счастью, не взорвалось.

² Подробнее об этом деле см. статью автора «История, истина, споры», «(((СОНАР)))» №6.

поздравительные телеграммы, со всего мира. Все партии Израиля тоже послали поздравления, в том числе оппозиционная партия «Херут» с подписью бывшего зэка Бегина¹.

Выборы 1951 г., «Херут» получила всего 8 мандатов, Бегин даже думал уйти из политики.

1952 г., соглашение о репарациях с ФРГ.

Бегин его не просто резко критиковал, была организована огромная демонстрация в Иерусалиме, которая пошла на Кнессет. Бегин стоял на балконе на площади Сиона. Толпа пошла на Кнессет, но была блокирована полицией.

Но Бегин продолжал вести и парламентскую работу. Здесь я остаюсь и заскочу вперед.

Было такое весьма «левофланговое» движение «Рац». Так вот, его основательница Шуламит Алони вспоминала, что Бегин был самым лучшим парламентарием, которого она знала. Шуламит Алони, которая на пленарных заседаниях Кнессета не раз получала от Бегина, что называется, словесные оплеухи. Но, по ее словам, работать с Бегом в комиссиях Кнессета было одно удовольствие.

Следует также заметить, что Бегин и часть коалиции добились утверждения права Верховного суда Израиля (БАГАЦа) отменять законы, противоречащие основным законам, – против мнения Бен-Гуриона. Бегин также требовал увеличить представительство судей в комиссии по выбору новых судей – тоже против мнения Бен-Гуриона, хотевшего комиссию исключительно из избранных политиков. Было принято компромиссное решение – 4 политика, 3 судьи, 2 представителя коллегии адвокатов.

И далее идет политическая работа. 1955 г. «Херут» 15 мандатов; 1959 – 17; 1961 – 17. И тут произошли две интересные вещи. Во-первых: «Херут» объединился с Либеральной партией в блок «Гахал». Это была партия к тому времени уже умершего президента Хаима Вейцмана.

¹ Под телеграммой от израильской компартии отсутствует подпись Александра Пэнна. Этот поэт-коммунист не написал и не подписал ни одного славословия Сталину, он был убежденным троцкистом.

Во-вторых, Эзер Вейцман¹ – племянник Хаима Вейцмана, в то время командир ВВС – организовал совместный обед в ресторане. Он пригласил Бен-Гуриона и Бегина. Это была первая личная встреча между Бен-Гурионом и Бегинем, после которой, кстати, Бен-Гурион изменил свое мнение о Бегине.

1965 г. «Гахал» 26 мандатов.

1967 г. Перед Шестидневной войной впервые создается правительство национального единства, включая «Гахал». В этом правительстве Бегин получает пост министра без портфеля. Это удивительно, потому что обычно политики хотят быть министрами нормальными, с реальной властью. Были другие министры от «Гахала», которые получили уже после войны министерства, сам Эзер Вейцман стал министром транспорта, а Бегин предпочел быть министром без портфеля, то есть только политиком.

Следует отметить, что «зеленая черта», де-факто граница тогдашнего Израиля, считалась всеми (подчеркиваю, ВСЕМИ!) израильянами окончательной границей государства Израиль. Не было ни одного (!) политического движения или деятеля, которые бы требовали расширения границ. Сама война была спровоцирована СССР.

Итак, отгремела победоносная Шестидневная война. Правительство осталось объединенным, хотя и во главе с «левым» «Маарахом».

И это правительство начало заселять новые территории, но как? Аннексия Восточного Иерусалима и многих территорий вокруг него – большая часть нынешнего города стоит на аннексированных тогда территориях. Поселения в Иорданской долине – это все сделало правительство «левого» «Маараха», как и Маалé-Адумим к востоку от Иерусалима, Гуш-Эцион к югу от Иерусалима, Кирьят-Арбá возле самого Хеврона. Кфар-Даром² в секторе Газа был основан тогда же тем же «левым» «Маарахом». Поселения на северо-востоке Синая, в т. ч. город Ямит. Поселения на юге

¹ Кстати, к вопросу о сотрудничестве. Эзер Вейцман был летчиком, и он вступил в Эцель. В рамках сотрудничества его передали Хагане – у Эцеля не было самолетов, у Хаганы были. Летчики – члены Эцеля – летали на самолетах Хаганы.

² Тот самый Кфар-Даром, который ликвидировал Шарон.

Синая. Что самое интересное, два пункта «Нахаль», т. е. будущие кибуцы. Один, под Эль-Аришем, назывался Нахаль-Синай, а другой – Нахаль-Ям – в 20 км от Суэцкого канала! То есть совсем далеко. И Голанские высоты были заселены тогда же. Тем же «левым» «Маарахом». Вполне по заветам Бен-Гуриона.

В общем, если смотреть на карту Страны, то кажется, что премьер-министр Голда Меир и министр обороны Моше Даян вовсе не хотели никакого территориального компромисса, хотя на словах и были готовы к нему.

А Бегин? А Бегин выдвинул лозунг «единой и неделимой» Страны Израиля. Прошу заметить, именно он выдвинул вопрос «территорий» в центр израильской политики. В 1970 году Бегин (и весь «Гахал») вышел из правительства потому, что Голда Меир официально заявила, что она в принципе принимает идею территориального компромисса.

Но в то же время Садат – свежее испеченный египетский президент – заявил о том, что он готов обсуждать мир с Израилем! Голда Меир отказалась начать переговоры, а Моше Даян тогда заявил: «лучше Шарм-эш-Шейх без мира, чем мир без Шарм-эш-Шейха».

Дело кончилось в 1973 г. войной Судного дня. В начале войны, к сожалению, руководство, что называется, облажалось. Что отразилось на политическом будущем.

В это время был создан блок «Ликуд» из «Гахала» и еще нескольких групп. Его сила выросла в 1973 г. до 39 мандатов. Самое же главное, что практически вся верхушка правящего блока «Маарах» в то время вынуждена была уйти в отставку. Премьер-министр Голда Меир, министр обороны Моше Даян, министр иностранных дел Абба Эвен, министр финансов Пинхас Сапир – люди совершенно легендарные – все ушли в отставку. Было создано новое правительство во главе с Ицхаком Рабином. По словам самого же Рабина (сказанным позднее) это было худшее правительство в истории государства Израиль. И он был прав.

«Левая» элита была у власти уже более 20 лет (одна и та же элита). Результат – коррупция. Время правительства Рабина – это время серии коррупционных скандалов, в одном из которых оказалась замешана жена Рабина. Но это же было время, когда на сцену вышло движение «Гуш-

Эмуним».

Прошу заметить, в те времена Бегин не требовал расширения поселенчества на новых территориях, он, как и его учитель Жаботинский, провозглашал политические требования. «Гуш-Эмуним», религиозное национальное движение, потребовало заселения центральных районов Иудеи и Самарии¹.

В 1976 г. произошла операция по спасению израильских заложников в Энтеббе, за 4000 км от базы! Операция, подобную которой никто ни до, ни после не смог провести. После того, как операция прошла успешно, Бегин с трибуны Кнессета сердечно поздравил премьер-министра Рабина – того самого Рабина, который когда-то кидал гранаты в бойцов Эцеля.

В «Ликуде» впервые в 1977 г. применили *праймериз*, т. е. прямые выборы членов партийного списка. Сегодня это делают почти все израильские политические партии. Тогда это была первая партия, которая так сделала. Именно тогда поднялись восточные евреи внутри «Ликуда» такие как Меир Шитрит, Моше Кацав и другие, не говоря уже о Давиде Леви. Тем самым «Ликуд» стал «своим» для восточных евреев, в отличие от других партий.

Бегин удивился, но на самом деле не было ничего странного. Бегин нашел наконец-то, – вернее, они его нашли, – огромную группу обиженных восточных евреев. Положение которых экономически было в массе своей тогда хуже некуда. Они-то и привели его к власти в 1977 г.

Немного о проблеме восточных евреев.

Я как-то раз сказал, что восточные евреи середины XX века – это ашкеназы конца XIX века. Что я имею в виду? Мой прадед был сапожником. Наши предки конца XIX века только-только начинали задумываться о том, что их детям требуется образование.

Восточные евреи, приехавшие сюда в 1950–60-ые годы, были такими же, как наши прадеды. Я могу сказать, что я лично знал человека (родом из Египта), который в 1972 году был первым учеником из Кирьят-

¹ Получается, что «Гуш-Эмуним» выучил уроки «левых» (см. письмо Бен-Гуриона Геуле Коэн)!

Малахи получившим среднее образование. Да, первым. И вот для этого он ездил в школу в другой город ежедневно в течение четырех лет. В Кирьят-Малахи средней школы не было. Замечу, что до середины 1980-х годов средняя школа в Израиле была платной. Только потом отменили это дело. Ну, а если у вас многодетная семья, то всех поднимать и отдавать в среднюю школу было накладно.

Могу сказать, что только к началу XXI века средний уровень образования у восточных евреев сравнялся с общеизраильским. И уровень их доходов тоже сравнялся.

В свое время, к сожалению, стоявшие у власти, в основном, ашкеназы относились к ним патерналистски, что называется. Ничего хорошего, конечно, из этого не получилось.

Пример. Буквально за несколько дней до выборов 1981 г. Известный комик Дуду Топаз сказал, что все эти *чахчахи* из «Ликуда» служат только в тылу и сами не воюют.

Это было сказано в 1981 году. А год спустя перед входом в Ливан – я хорошо это помню. Сидим мы, набиваем магазины автоматов, возле меня сидят несколько восточных ребят, один из которых еще в Шестидневную войну воевал. Вот он и говорит: «Вы, главное, помните, мы *чахчахи*, мы только в тылу, мы только на воротах стоим – вы это не забываете, ребята».

А нам завтра в Ливан входить. Я помню эту сцену очень хорошо.

1977 г. – впервые в истории Израиля к власти пришла оппозиция. Оппозиция, провозглашавшая «единую и неделимую» Страну Израиля, ликвидацию «социализма» и т. д. и т. п.

Что же произошло на самом деле? Произошли очень странные вещи. Первое, что сделал Бегин – пригласил в свое правительство Моше Даяна на пост министра иностранных дел. Стоп! Моше Даян из «левого» «Маараха». Он там был «правофланговым», но все-таки он оттуда. Но Бегин знал, что делал.

Дело в том, что среди нашей политической элиты, что «левой», что «правой», считанные люди говорили (и говорят) по-арабски. Считанные люди, буквально. На мой взгляд, дикое упущение в нашем районе. А

Моше Даян был из тех, кто с детства знал арабский язык. Более того, и Бегин это знал, Моше Даян к тому времени уже несколько раз встречался тайно с теми или иными арабскими лидерами. Именно поэтому он пригласил Даяна.

Ваш покорный слуга, который тогда голосовал за Бегина и т. д. и т. п., был уверен, что вот пришедший к власти Бегин сейчас проведет аннексию Страны Израиля. Никакой аннексии не произошло в то время. Прежнее правительство присоединило хотя бы Восточный Иерусалим. Бегин тогда ничего не изменил.

Далее началась либерализация экономики. До того времени израильская лира не была конвертируемой валютой. Начали вводить либерализацию, которая, естественно, как мы все знаем по другим местам, привела к инфляции. Лира была обменена на шекель 1 к 10, а потом шекель на новый шекель 1 к 1000. За считанные годы инфляция стала колоссальной¹.

Но начался мощный проект «шикум шхунот» – работа в кварталах бедноты. Начали просто-напросто достраивать и перестраивать дома, в которых жили эти люди. Потому что правительство в свое время – 1950–60-ые годы – понастроило огромное количество не очень удачных домов с маленькими квартирами. Ну просто чтобы решить жилищную проблему. Эти кварталы превратились фактически в трущобы. Действительно были вложены большие деньги на то, чтобы превратить их в нечто нормальное².

И, наконец, ноябрь 1977 г. В ноябре начались мирные переговоры с Египтом, соглашение было подписано лишь через несколько лет. И вот здесь следует отдать должное Бегину и тогдашнему юридическому советнику правительства профессору Аарону Бараку знаменитому, он потом был членом и председателем Верховного суда, а тогда он был

¹ При образовании государства \$1 = 0.33 лиры (приблизительно). Сегодня приблизительно \$1 = 3.5 н. ш. = 3500 ш. = 35 000 лир. Добавим, что тогда \$1 = 7 ун. серебра, а сегодня \$1 = 0.43 ун. серебра (приблизительно).

² Могу сказать, что примерно год назад я был в Нагарии в гостях. Я-то узнаю эти дома. Я помню, какие они были раньше. Я-то увидел, что этот дом из перестроенных в то время. Просторная квартира, совсем другое дело, и внешний вид тоже приятный.

юридическим советником правительства.

(Кстати, именно Бегин ввел норму присутствия юридического советника на заседаниях правительства.)

Тогда, просидев над мирным договором, Бегин сражался за каждый параграф. Видимо, уроки «Альталены» не прошли даром. И в результате мы имеем мир по сей день несмотря на то, что были и две Ливанские войны, и драки на территориях, и бомбежки – все что хотите. Египет молчит. В общем, говорить нечего, граница совершенно спокойная¹.

В свое время легендарный министр иностранных дел СССР Громыко сказал, что Бегин выбил из арабской военной машины самое большое колесо. Но именно тогда возникло выражение Бегина «жертвы во имя мира». Что же это были за жертвы?

Во-первых: был создан прецедент полного отступления к старой границе без территориального компромисса, до последнего миллиметра.

Во-вторых: все еврейские поселения в Синае были не просто эвакуированы, они были снесены нашими бульдозерами с лица земли. Садат требовал получить обратно такую же пустыню, которую мы у него когда-то отвоёвали. Хотя он мог получить прекрасные отели, курортные зоны – да много чего там было. Все было снесено бульдозерами², жители выселены, в т. ч. насильно вместе с другими протестующими.

В-третьих, впервые в истории Израиля правительство признало понятие «палестинские арабы». В договоре было прописано, что будет создана автономия для палестинских арабов. Она не была создана, но сам

¹ Профессор истории Еврейского университета А. Якобсон заметил, что даже если завтра этот договор будет разорван, то он уже окупился сторицей, в т. ч. экономически.

² Так это было представлено тогда. Много позднее выяснилось, что Садат, требуя возвращения полного суверенитета, был готов обсуждать оставление еврейских поселенцев или выкуп поселений и туристической инфраструктуры Египтом. Как раз Бегин настоял на их полной ликвидации, а Садат согласился сыграть роль «плохого парня». Ход, достойный Макиавелли.

факт признания их политического существования¹! Впервые государство Израиль подписалось под документами, где речь идет о палестинских арабах. При Бегине.

Но за этот договор Садат и Бегин получили Нобелевскую премию мира.

Я вспоминаю ту весну 1982 г. Я был студентом, жил, работал и учился в Беэр-Шеве.

Я разрывался. Мы все, «правые», разрывались. Как такое возможно? Как наш Бегин на такое согласился? Как наш легендарный мин. обороны Шарон взялся силой эвакуировать поселения?

Взялся. И выполнил. Как умел, а умел он хорошо.

В то время я считал себя членом «Гуш-Эмуним» (формального членства там не было). Многие мои товарищи поехали в Ямит бороться против выселения.

Я не знал, ехать мне самому в Ямит или не ехать. В таких ситуациях все решает случай. Я преподавал на курсах программирования, и меня некем было заменить (в те времена программистов было мало). И я не поехал. Случайно.

И смотрел по телевидению, как по приказу Бегина и Шарона солдаты борются с избирателями Бегина и Шарона.

Из 39 депутатов Кнессета от «Ликуда» двое – Моше Шамир и Гелула Коэн – в знак протеста вышли из «Ликуда» и ушли в оппозицию.

В конце концов, оказалось, что Бегин знал, что делал. Он знал, что за «Ликуд» голосуют не столько идейные «правые», сколько недовольные «левыми». И «Ликуд» по сей день разыгрывает эту беспроегрешную карту.

В 1978 г. была проведена операция «Литани» – небольшая операция в южном Ливане, весьма успешная. И в 1981 году перед самыми

¹ Голда Меир говорила: «Палестинцы? Я не знаю такого народа». И говорила, что она сама палестинка, демонстрируя свой паспорт времен мандата. В 1958 г. вышел роман Леона Юриса «Исход». Там слово «палестинцы» относились к евреям.

выборами (выборы были досрочные) была проведена бомбежка иракского ядерного реактора¹. Так что Саддам Хусейн не получил ядерного оружия.

Но к выборам «Ликуд» шел в каком положении? За одну каденцию сменились три министра финансов, это, прямо скажем, не говорит ничего хорошего, не говоря уже о необузданной инфляции.

На выборах произошли страшные вещи. Всю ненависть восточных евреев к прежней ашкеназской элите Бегин умело разжег. Повторяю, умело разжег. Вылезли совершенно жуткие картины. Дело не в том даже, что срывали митинги «левых» партий, а в том, как это было. На это было страшно смотреть. И на записи сейчас трудно смотреть. Просто совершеннейшее бешенство.

Вот еще о легендах. Легенда №1. Бегин «марокканец». Не шучу.

Легенда № 2. Он вырос в Польше, но родился в Марокко.

И наконец легенда №3. Сам он родился в Польше, но его мама «марокканка». Не шучу, все это было. Все это было.

Так или иначе, он смог выиграть выборы, 48 мандатов. А потом были еще неприятности.

Например, товарищ по подполью Яков Меридор стал у него министром экономики – и просто стал жертвой обмана.

Яков Меридор заявил, что у него в фирме работает изобретатель, который сделал такое изобретение, которое в 50 раз удешевит электричество и т. д. и т. п. Позднее оказалось, что действительно работал изобретатель, который смог увеличить КПД какой-то турбины с 40% до 48%, что само по себе неплохо. Разумеется, в общенациональных масштабах это почти ничего не дает. Так что тут оказалось тоже ничего хорошего – особенно с точки зрения репутации.

Вообще, эта идея Бегина с самого начала, что я даю, ставлю цель, а специалисты пусть ее добиваются. Ну вот, специалисты от Либеральной партии устроили ему либерализацию с инфляцией, а дальше было еще хуже.

Специалистами тоже надо уметь руководить.

¹ Те, кто обвиняют Бегина, что он устроил бомбежку реактора перед выборами, чтобы заработать мандаты – неправы, потому что операция готовилась добрых девять месяцев. Когда начали ее готовить, о выборах никто не думал. Так вышло.

В декабре 1981 года Бегин провел аннексию Голанских высот. Ваш покорный слуга как раз был в это время на военных сборах. Нас перебросили на Голаны, и там мы узнали, что мы собираемся атаковать Ливан. У нас были все причины. Южный Ливан был занят ФАТХом – палестинскими силами – и там были перестрелки. Но в тот раз нападение на Ливан не произошло.

Нападение произошло летом 1982 года. Официальное заявление Бегина в Кнессете: операция очистки Ливана на глубину 40–45 км для того, чтобы убрать оттуда ФАТХ.

Как говорили потом комментаторы: кого он собирался обмануть? Было же известно, что были задействованы три дивизии. Двум там еще можно развернуться, а еще одна была в резерве. Зачем три дивизии, если вся задача 40–45 км? Нам же, бойцам, с первого дня говорили: цель – шоссе Бейрут–Дамаск, то есть занять пол-Ливана, всю южную половину Ливана. Бегин представил дело так, что мы хотели занять только 40 км, ну, понимаете, пошло там, бои были, бои продолжались, вот в итоге мы и пришли туда, куда пришли. В горячке боя, ну просто развитие. В частности, он утверждал, что мы не будем занимать Бейрут, но наша армия без боя заняла восточную христианскую часть Бейрута.

Получается, либо министр обороны Ариэль Шарон и начальник Генштаба Рафаэль Эйтан обманули премьер-министра Бегина (но тогда получается, что Бегин не знал того, что знал последний солдат), либо Бегин сознательно обманывал Кнессет и народ.

Вообще вся идея была помочь ливанским христианам во главе с Баширом Жмайелем получить власть в Ливане, и в результате таким образом получить еще один мирный договор – на севере. Шансы на это были.

Но все пошло, как говорится, не так. Главное, чего мы добились – мы добились вывода палестинских сил из Ливана, их всех эвакуировали под эгидой ООН – это было достижение официальной цели войны.

Башир Жмайель был избран президентом Ливана. Он не горел, честно говоря, идеей касаясь мирного договора, но мало ли. Но дело в том, что его просто-напросто убили. Сирийская агентура его убила.

Дальше произошло самое неприятное. Было приказано занять Западный Бейрут – и определенный участок был выделен христианским «Ливанским фалангистам», нашим союзникам, участок, на котором находились лагеря палестинских «беженцев»¹ Сабра и Шатила, и там было устроено побоище. Самое настоящее побоище. Фалангистами, не нашими.

Вопрос, с кем мы имели дело. Наши думали (Шарон думал, а за ним и Бегин), конечно, что христианская «Ливанская фаланга» – это более или менее нормальная дисциплинированная армия. Мы забыли, что за 10 лет до этого только для того, чтобы добиться преимущества в христианском секторе, тот самый Башир Жмайель отдал приказ убить сына лидера другой христианской группировки Франжье со всей семьей, то есть был убит сын как престолонаследник, его жена и все дети, кроме одного – один случайно спасся (его не было дома). Вот такие хорошие ребята. То есть, ну те же убийцы, короче говоря, что те, что эти. Что Арафат, что Жмайель.

Так или иначе оказалось, что под нашей эгидой христиане-фалангисты устроили настоящую резню. Результат: была создана следственная комиссия, которая возложила вину на Шарона – министра обороны, на Рафаэля Эйтана – начальника Генштаба, и еще на нескольких людей. Бегин тоже обсуждался этой комиссией, но комиссия пришла к выводу, что Бегин ни в чем не виноват.

Как назло, тогда же, 13 ноября 1982 г., умерла Ализа (Алла) Бегин. В самой неприятной ситуации: ее положили в больницу для планового обследования. Ей, в общем, было нехорошо, а Бегин должен был лететь в США. А Ализа сказала: нет, ничего, ничего, все в порядке; и Бегин улетел в Штаты, и там его настигло известие о смерти жены.

Говорят, что это ввергло его в жуткую депрессию. Он продолжал работать еще долго, пока наконец, в сентябре 1983 г., не заявил, что уходит в отставку, причем никаких объяснений не дал². Самое интересное это то, что произошло потом.

Итак, в сентябре 1983 года он ушел в отставку. Он умер 9 марта

¹ Статус палестинских «беженцев» передается по наследству!

² Просто сказал: «Я больше не могу».

1992. В течение этих восьми с половиной лет он выходил из своей квартиры раз в год на могилу жены, несколько раз был госпитализирован (старый человек, больной) и один раз на свадьбу к внучке. К нему туда входили только близкие родственники и друзья, не более 10 человек. Я не знаю был ли у него телевизор, но газет он не выписывал. Его друг регулярно приносил ему газетные вырезки. Ему писали письма, он отвечал вежливо, но кратко. Хотя читал много книг. Человек, который жить не мог без того, чтобы где-нибудь выступить, написать статью, дать интервью и тому подобное, стал совершеннейшим затворником на долгие годы.

Мы не знаем, писал он что-то или нет. То есть никто из тех, кто его посещал, никогда не рассказывал, что Бегин что-то написал. Хотя возможно, конечно, где-то лежит пакет с рукописью, которую адвокаты обещали опубликовать через 50 (или через 100) лет после его смерти.

Но в течение этих лет многое произошло. Началась *интифада*. Его сын, Биньямин Бегин, пошел в Кнессет, в политику. Далее были: перестройка в СССР, падение железного занавеса, падение Берлинской стены, распад СССР, война в Персидском заливе, огромная *алия* из бывшего СССР... На все эти события от Бегина ноль реакции.

И наконец смерть. Причем Бегин потребовал, чтобы его похоронили не на горе Герцля, как всех премьер-министров, а рядом с женой на Масличной горе. Он потребовал, чтоб не было никаких лишних церемоний – похоронить по обряду, как обычного еврея, и чтоб не было никаких речей, ничего. Что и было сделано. Похоронен на Масличной горе к востоку от Старого города в Иерусалиме.

Попробуем подвести итоги.

С 1977 по 1983, более 6 лет, он был премьер-министром очень непростого государства. А до этого (прошу обратить внимание на этот момент)? Он пришел к власти в 64 года. До этого он ни разу, кроме как в молодости «Бейтаром» в Польше, ничем не руководил. Он был только политиком, только говорил, и говорил, и говорил (и писал). Даже в Эцеле он был скорее политруком, чем командиром.

Самое главное его достижение: первый раз демократическая смена власти. Тут я хочу сравнить нас, Израиль, с Индией и с Японией. Индия

получила независимость примерно тогда же, когда и мы, а Япония после разгрома во Второй мировой войне получила новую конституцию, многие пункты которой были продиктованы американцами. И что мы имеем? И у нас, и в Индии, и в Японии одна и та же партия стояла у власти до 1970-х годов. В 1970-е годы впервые произошла смена власти и у нас, и у них.

Мирный договор с Египтом. Первый мирный договор, да еще и с крупнейшей арабской страной – достижение Бегина. Но: прецедент 100% возврата территорий; прецедент сноса поселений; прецедент признания палестинцев и создания для них автономии – короче, предтеча соглашений в Осло.

Другой результат – инфляция сумасшедшая и прочее. Прямой результат либерализации экономики, которую довершили (и обуздали инфляцию) уже после Бегина.

Ливанское болото. После 19 лет войны мы получили в Южном Ливане фанатичную шиитскую Хезболлу вместо светского ФАТХа.

Строительство на «территориях». При Бегине развернулось большое строительство за «зеленой чертой», оно продолжается и поныне. Но если мы приглядимся, то основные поселения де-факто являются Большим Тель-Авивом и Большим Иерусалимом. И большинство их жителей совсем необязательно борцы за «единую и неделимую» Страну Израиля.

Бегин всегда говорил так: «я несу ответственность, потому что я верховный командир, или премьер-министр» и так далее. Но он всегда действовал по одному и тому же принципу: «я ставлю цель, а пусть специалисты ее добиваются». Или не добиваются.

То же самое насчет Дейр-Ясина или штурма Яффы. Он не участвовал в разработке операции, и он не вел людей в бой – это делали другие и сделали так, как сделали. И «специалисты» же (в т. ч. легендарный Шарон!) под политическим руководством Бегина втянули нас в 19 лет бессмысленной войны, после которой мы получили стратегически худшую ситуацию, чем до нее.

Хочу подчеркнуть: смена власти в Израиле редко резко меняет политический курс – вот Бегин тому пример. Экономически в демократической стране, в которой мы, слава Богу, живем, смена власти тоже не

означает резкой смены курса. «Левые», «правые», «правые», «левые»¹... Я хорошо помню, как я скакал и прыгал от радости, когда Бегин пришел в власти в 1977 году – но был в моей воинской части умный старшина, который сказал: ничего особенно не изменится. И он оказался прав.

Это же не военный переворот в какой-нибудь банановой республике, совсем другие дела и слава Богу, иначе было бы трудно жить. Поэтому демократическая страна является наиболее желанным партнером для любого договора, потому что смена власти не означает резкой смены курса. Смена курса будет, но не резко.

Бегин был, как сказано, первым лидером оппозиционным, который у нас пришел к власти. Смена власти привела к постепенной смене курса, в частности, к либерализации, которую потом поддержали, кстати, и «левые» тоже. Правительство национального единства середины 1980-х годов довершило либерализацию и остановило инфляцию.

¹ Замечу, вопрос о «правых» и «левых» в Израиле дико запутан, потому что на самом деле «правый» Биньямин Нетаньяху в наше время говорит: «два государства для двух народов». А когда я приехал – в 1973 г. – это поддерживали только самые крайние «левофланговые». «Левые» Голда Меир и Моше Даян слышать не хотели про «два государства» и про «палестинский народ».

Об авторах, художниках и редакторах

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой Ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, пьесы. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» (2021), пьеса «Неброское наследство». Автор романа «Апостолы державы дураков» (Израиль, 2023). Ведет свой канал:

https://www.youtube.com/@Eytan_Adam .

Анатолий Анимца. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен.

Евгений Бухштаб. Родился в 1942 году, до 50 лет жил в Украине. Здесь учился в школе и Политехническом институте. С 1964 г, до алии в Израиль в 1992 работал в Харькове в Институте Физики Низких Температур. Доктор физико-математических наук. Рассказы начал писать в 2005 году, первая публикация в журнале «22» № 140.

В Израиле работал в Технионе 1993–2011. Страница его произведений:

<https://proza.ru/avtor/ebuch111> .

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 года доброволец в Яд ва-Шем.

[Михаил Зосименко]. Родился в г. Магнитогорске, Челябинской обл. в 1946 году. Жил в г. Рустави (Грузия), в Краматорске (Украина), в Донецкой обл., в Израиле жил в Кирьят Яме (Хайфский округ).

Образование: машиностроительный техникум, индустриальный институт (специальность – инженер-механик). Кроме того, окончил музыкальную школу по классу скрипки и фортепиано.

После репатриации в Израиль Михаил трудился на различных предприятиях, но по состоянию здоровья вынужден был оставить работу.

Опубликовал более 300 статей, эссе, рассказов, научно-популярных описаний его проектов, частично они представлены на сайте Proza.ru: <https://proza.ru/avtor/michabit46> .

Были опубликованы две его книги, в 2012 году – «Новые идеи», а в 2018 году – «О будущем замолвите слово».

Дмитрий Коломенский. Родился в Гатчине. Окончил факультет филологии РГПУ имени А. И. Герцена. В 1995–1998 гг. посещал ЛИТО Нонны Слепаковой, с 1998 г. – ЛИТО Вячеслава Лейкина. Стихи публиковались в журналах «Октябрь», «Сетевая поэзия», «Новый Берег», «Крещатик» и др. Автор четырех поэтических книг. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. В настоящее время живет в Хайфе.

Ирина Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор художественных рассказов, мемуаров и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Мастер нейролингвистического программирования. Хобби – художественная керамика. По основной специальности – химик-технолог в области биомедицинских полимерных материалов. Доктор технических наук. 56 научных публикаций и патентов. Репатрировалась из Москвы в апреле 1991 года. Выпускница

Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева. В Москве работала в Институте медицинской техники, в Израиле – в Израильском технологическом институте Технион, в хай-теке и в химической промышленности. Живет в Хайфе.

Лариса Мангупли. Работала в газетах и на радио Крыма, Сахалина. С 1995 года свободный журналист, член и спецкор Международного Союза писателей и журналистов (АРИА) в Израиле. Автор восьми книг.

Любовь Ратман (Карпинская). По образованию экономист. Репатриировалась в 1995 г. из Ташкента. Живет в г. Кирьят-Ям. Автор четырех поэтических сборников, сборника стихов и рассказов и двух книг прозы. Публикации в периодике Израиля, России, США. 1-е места в 3-х международных поэтических Коринфских играх (Штутгарт, 2018) и в XIII поэтическом турнире ИВУКУС (Штутгарт, 2019).

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Поэт, прозаик, редактор, руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Автор книги стихов «Некоторый возраст». Ведет YOUTUBE-канал Студии «АНАХНУ» и Дома ученых Хайфы:

<https://www.youtube.com/@marinasimkin3157> .

София Шегель. Родилась в Киеве. Окончила Вильнюсский университет, историко-филологический факультет. Работала в белорусском книжном издательстве «Вышэйшая школа», литовском издательстве «Минтис» («Мысль»). В Израиле с 1989 года, работала в газете «Наша страна», затем «Новости недели». Публиковалась в литовской, белорусской, украинской, московской и израильской периодике. Занимается переводами с литовского и славянских языков на русский. Живет в Ашдоде.

Фрида Шутман. Репатриировалась в Израиль с семьей из Киева в 1991 году. Педагог, лектор, писатель, переводчик и художник. По образованию преподаватель биологии и английского языка. Член Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза учителей и Ашдодского гуманитарно-технического научного центра. Участник литобъединения «Паруса» и научного семинара.

Переводчик стихов и прозы на русский язык с английского, украинского, белорусского, иврита и идиш. Пишет стихи на русском, украинском, иврите и английском. Автор, редактор и иллюстратор трех своих книг: «Домик в деревне» (2012 год, Ашдод), «Не нужно нам других ми-

ров» (2017 год, Тель-Авив) и «Семь цветов радуги» (2020 год, Ашдод). Вторая и третья книги номинированы на премии «Книга 2017 года» и «Книга 2020 года» соответственно. Редактор поэтического сборника «И у города было...» (2014 год, Ашдод), супруга Иосифа Шутмана, члена СРПИ. Соавтор и иллюстратор прозаического сборника научной фантастики «Не здесь и не сейчас», соавтор сборников для детей «Волшебная дверца» и «Сундучок с чудесами» Союза русскоязычных писателей Израиля за 2019 и 2021 годы.

Публикуется на литературных интернет-сайтах, в газетах и

журналах Израиля («Паруса», «Начало», «Русское Литературное Эхо», «Понедельник», «Литературный престиж»), а также Украины, России, Германии, Канады и Новой Зеландии. Лауреат международных интернетовских конкурсов по литературе и живописи. Участник Международной научно-практической конференции «Окружающая среда. Экология. Общество» 2017 года. Также принимает участие в ежегодных художественных выставках.

Проживает с семьей в Ашдоде.

Михаил Язмир. Родился в 1931 году в Витебске, в семье рабочих. При рождении получил имя Мейер. Еще до школы обрел навыки чтения, и надежда сочинять стала мечтой жизни. Перед войной закончил 2 класса белорусской школы. Через 12 дней после начала войны (и за 5 дней до входа немцев в Витебск) предприятия, на которых работали родители, были эвакуированы в тыл, в город Саратов. Там Мейер испытал весь набор радостей, печалей и горя суровой тыловой, а временами и прифронтовой, жизни, превратился в Михаила, приобрел навыки сопротивляе-

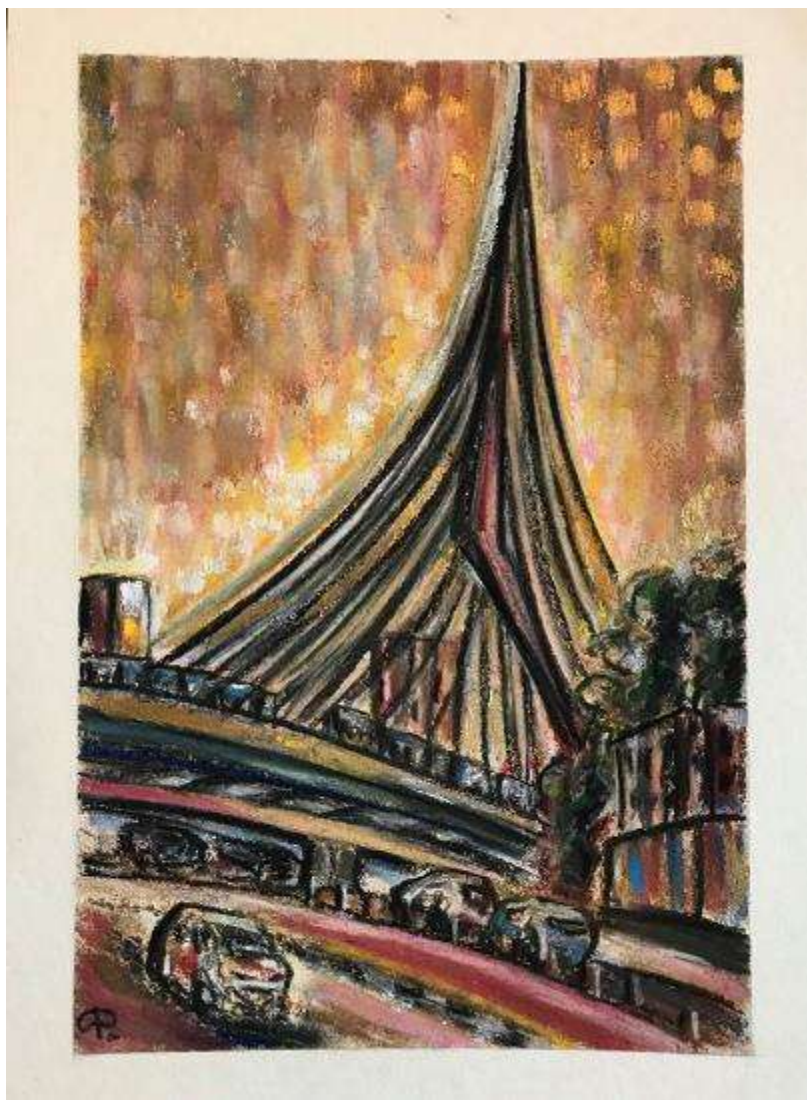
мости голоду, холоду, недоброжелательности некоторых аборигенов к эвакуированным, но в то же время нашел надежных приятелей и влюбился в Волгу.

В 1954-м году окончил Саратовский Гос. университет им. Н. Г. Чернышевского, получив специальность геолога, и работал по специальности до отъезда в Израиль в 1995 году.

Всю жизнь вел дневники, записывал свои размышления. Все это за время жизни в Израиле превратилось в тысячи страниц теоретических обобщений, воспоминаний и рассказов.

Галерея (((СОНАР)))

Фрида Шутман

Иерусалимский струнный мост. Картон, смешанная техника. 2021 год.

Иерусалимский мост¹

Играет Бог на струнах Калатравы².
И льются звуки, неба достигая.
Звучат псалмы от вестников из рая,
Собрав гонцов у высшей переправы.

Поют деревья шелестом чуть слышным,
Кусты и травы вторят им послушно.
Природа не осталась равнодушной
К святому месту, где царит Всевышний.

Не может даже самый сильный ветер
Извлечь ни звука из металла арфы.
Прохожие набрасывают шарфы
Мелодий родом из тысячелетий.

Играет Бог на струнах Калатравы...

2.06.19

¹ «Струнный мост» (*ивр.* גִּישׁוֹר הַמִּיתְרִים) – железнодорожно-пешеходный мост, построенный в 2008 году в Иерусалиме по проекту Сантьяго Калатрава. Известен также под названием «Арфа Давида» (Википедия).

² Сантьяго Калатрава Вальс – испанско-швейцарский архитектор и скульптор, автор многих футуристических построек в разных странах мира (Википедия).

Лето. Картон, сухая пастель. 2021 год.

Невидимые горы

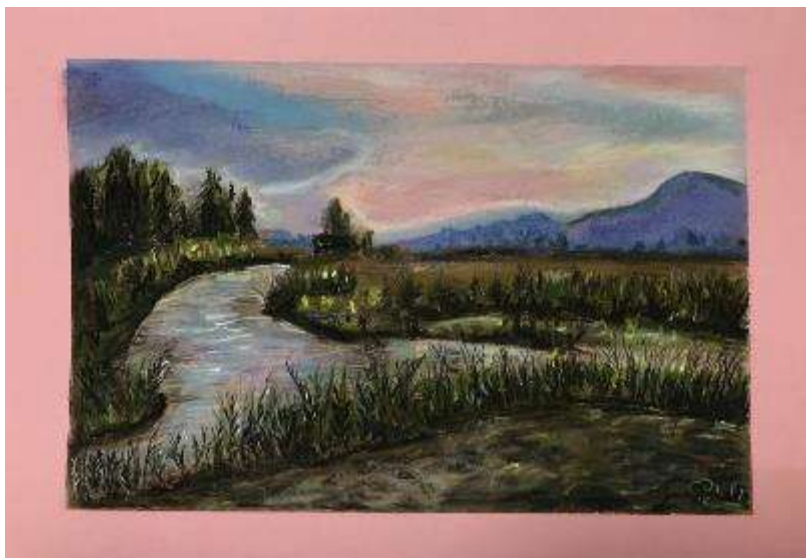
Горы-фантомы сгрудились вдали,
Дымкой белесой сокрыты надежно...
Видеть сквозь них горизонт невозможно...
Режут пространство кистями Дали.

Круглая радуга радует взгляд.
Снежной покрыты холмы пелериной,
Чудится песня из сказки старинной,
Горные пики построились в ряд.

Жарко в долине средь пестрых лугов.
Горные манят потоки прохладой,

И ручейки там поют серенады,
Перекликаясь с басами ветров.

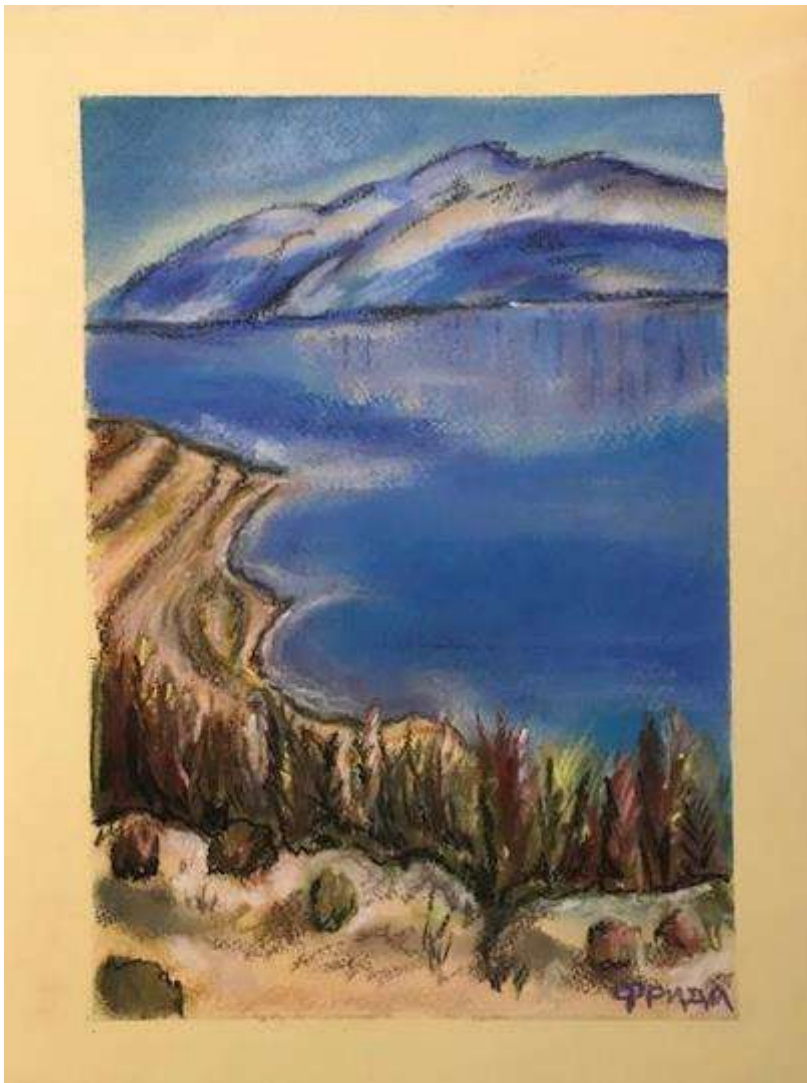
5.02.22

Река Иордан. Бумага, сухая пастель. 2021 год.

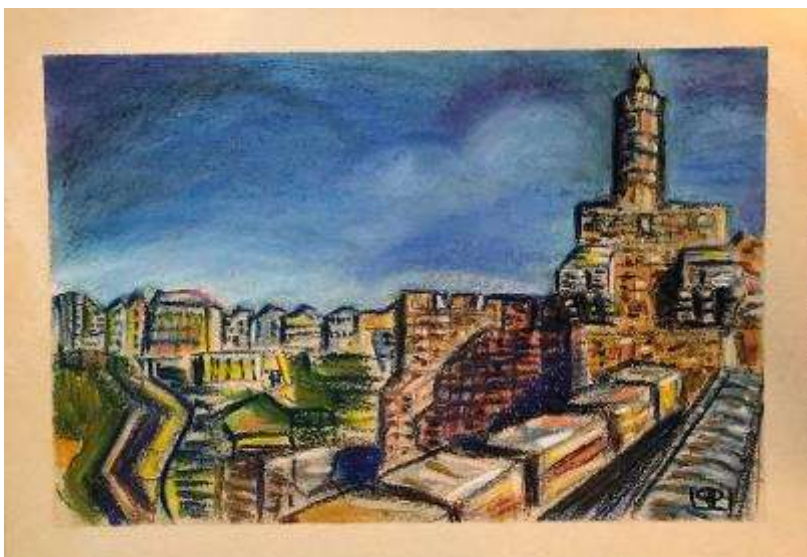
Жена Лота. Бумага, сухая пастель. 2020 год.

Мертвое море. Бумага, сухая пастель. 2020 год.

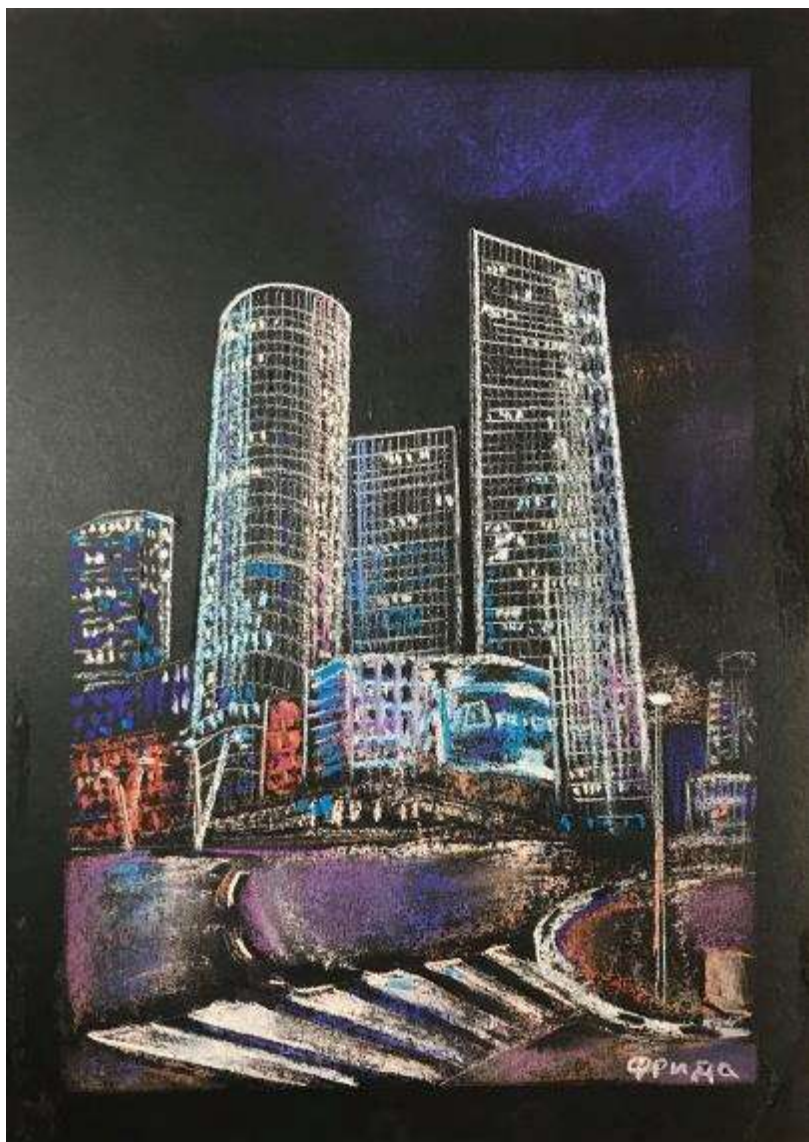
Мельница Монтефиоре. Бумага, сухая пастель. 2018 год.

Иерусалим. Картон, сухая пастель. 2022 год.

Реховот, институт им. Вейцмана. Бумага, сухая пастель. 2019 год.

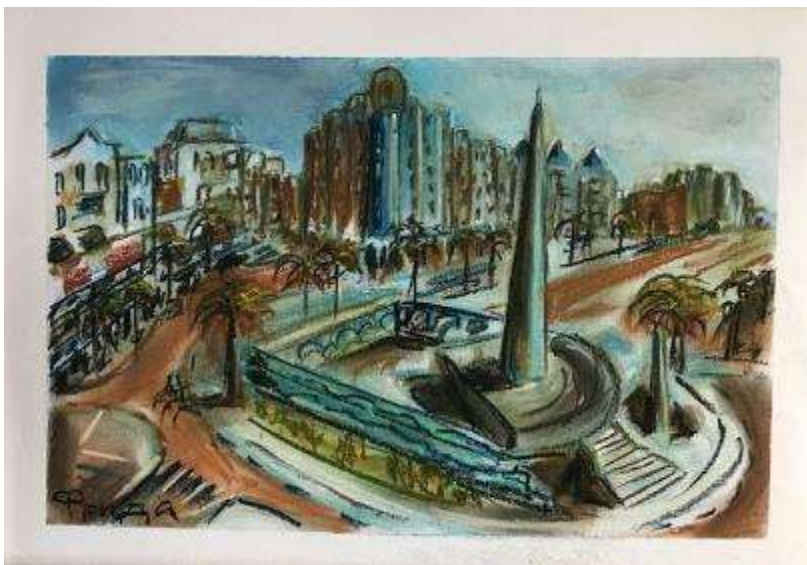
Башни Азриэли в Тель Авиве. Бумага, сухая пастель. 2019 год.

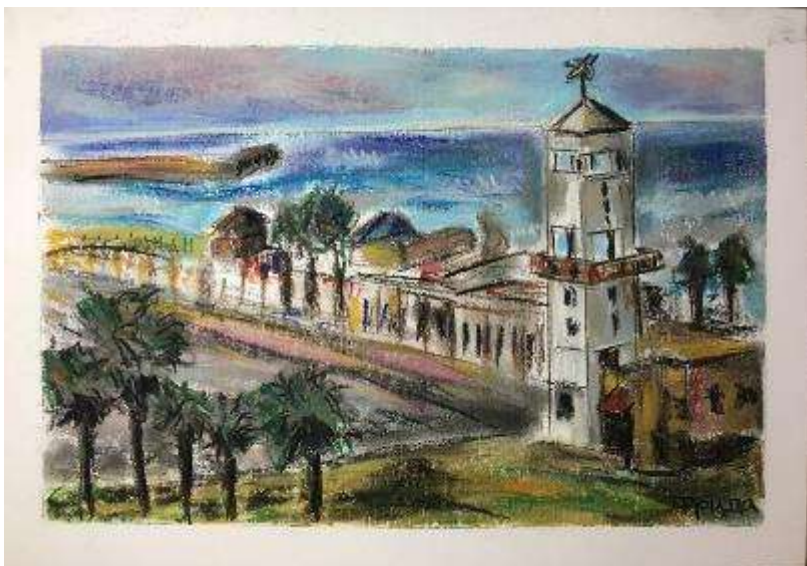
Деловой Тель Авив. Картон, смешанная техника. 2020 год.

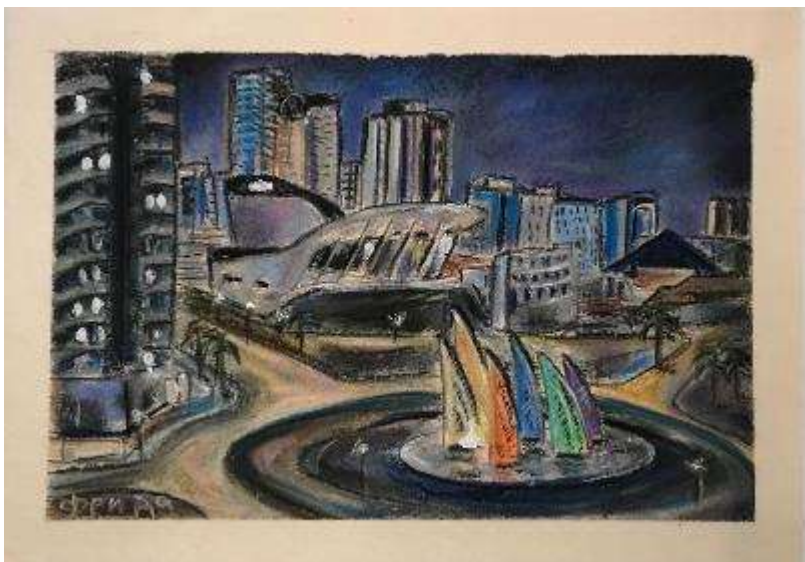
Гостиница «Леонардо» в Ашдоде. Бумага, сухая пастель. 2018 год.

Площадь имени Илана Рамона в Ашдоде. Картон, сухая пастель.
2019 год.

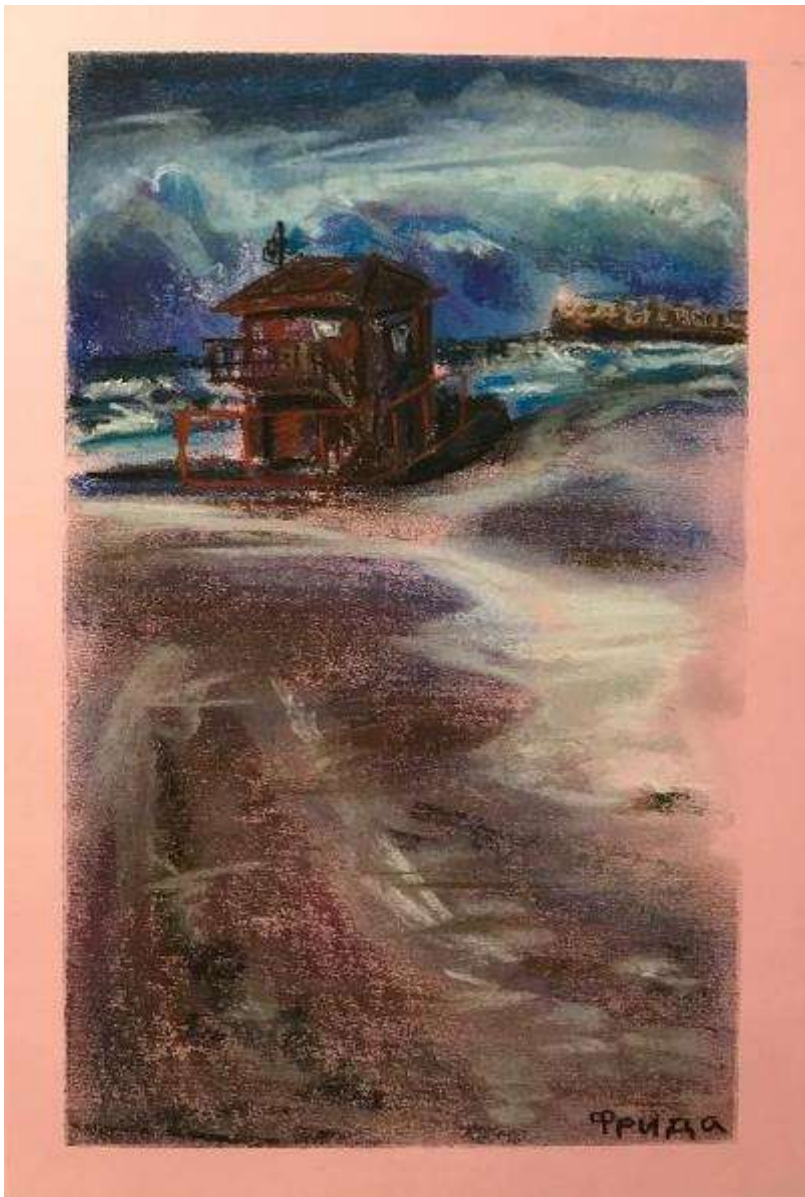
Ашдодский пляж «Лидо». Бумага, сухая пастель. 2019 год.

Ашдодские паруса. Картон, смешанная техника. 2020 год.

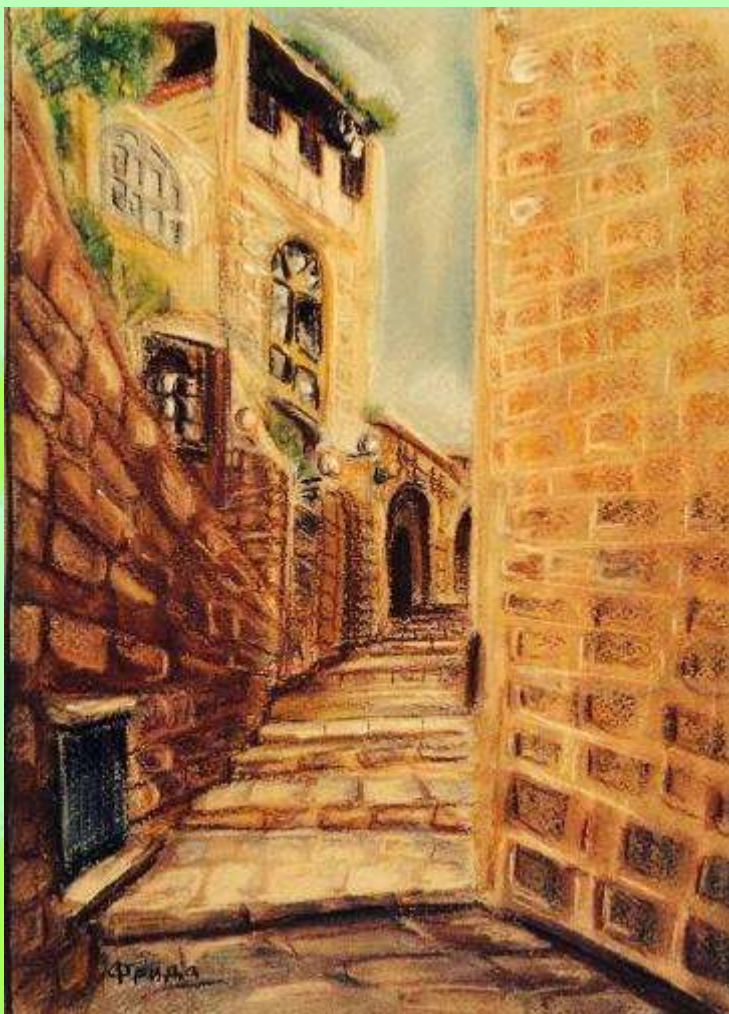

«Каньон Биг» в Ашдодде. Бумага, масляная пастель. 2021 год.

Ашдод, зимний пляж. Бумага, сухая пастель. 2020 год.

Литературно-публицистический журнал

((СОНАР))) № 9, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль